

Г. М. ГРИГОРЯН

**ПОЗИЦИЯ СИРИИ
В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ
КОНФЛИКТЕ**

ЕРЕВАН 1989

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԽՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐԵՎԵԼԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Հ. Մ. ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ

ՍԻՐԻԱՅԻ ԴԻՐՔՈՐՈՇՈՒՄԸ
ՄԵՐՁԱՎՈՐԱՐԵՎԵԼՅԱՆ
ԿՈՆՑԼԻԿՏՈՒՄ

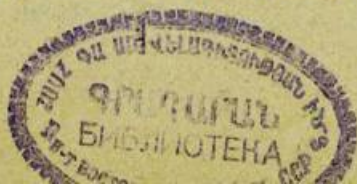
ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԽՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1989

Г-83
АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Г. М. ГРИГОРЯН

12633
ПОЗИЦИЯ СИРИИ
В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ
КОНФЛИКТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1989

ББК 66.2(5)

Г 835

Печатается по решению ученого совета
Института востоковедения АН Армянской ССР

Ответственный редактор:
доктор исторических наук Н.О. Оганесян

Книгу рекомендовали к печати:
кандидаты исторических наук Э.П.Пир-Будагова,
О.И. Фомин

Рассматривается позиция Сирии в ближневосточном конфликте в один из важнейших периодов его развития – в 1963 – 1970 гг. – в контексте региональной политики правящей Партии арабского социалистического возрождения. Анализируются особенности подхода сирийского руководства к решению палестинской проблемы, к организации противодействия агрессивным планам сионистско-империалистического альянса на Ближнем Востоке, роль Сирии в ликвидации последствий израильской агрессии против арабских стран в июне 1967 г.

Работа рассчитана на специалистов-востоковедов и международныхников, а также на широкий круг читателей, интересующихся проблемами новейшей истории стран Арабского Востока.

Г $\frac{0503030000}{703(02)-89}$ 33-89

ISBN 5 - 8080

© Издательство АН Армянской ССР, 1989.

ВВЕДЕНИЕ

Отмечая возросшее значение азиатского и тихоокеанского направления в международной деятельности КПСС и указывая, в частности, на необходимость объединения усилий в целях ликвидации военно-политической напряженности в различных районах Азии, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев в своем выступлении на XXУ11 съезде КПСС подчеркивал: "Это тем более неотложное дело, что и в Азии, и на других континентах не угасают очаги военной опасности."¹

Одним из таких очагов, ликвидации которого настоятельно требуют интересы мира и всеобщей безопасности, является арабо-израильский конфликт на Ближнем Востоке - наиболее длительный региональный конфликт XX столетия.

Как убедительно показывает практика последних десятилетий, нормализации арабо-израильских отношений и установлению на Ближнем Востоке прочного и справедливого мира препятствует главным образом обструкционистская позиция Израиля, его категорический отказ от поисков комплексного и взаимоприемлемого решения всех ключевых проблем ближневосточного конфликта. В основе этой позиции лежит приверженность правящих кругов Израиля геополитической концепции сионизма, их нежелание определить перспективы развития страны на основе уважения национальных интересов и суверенных прав арабских народов, в первую очередь арабского народа Палестины. Стимулируя военно-политическую напряженность в регионе, позиция Израиля находится в очевидном противоречии также и с теми требо-

ваниями, которые предъявляет современность к роли Ближнего Востока в оздоровлении международных отношений и в утверждении позитивных тенденций в политической и экономической жизни мирового сообщества в целом.

Наряду с агрессивным антиарабским курсом Израиля, путь к миру на Ближнем Востоке крайне затрудняется и осложняется тем, что сохранение в регионе военной и политической напряженности, отвечая интересам империалистических кругов Запада во главе с США, продолжает выступать в качестве одной из центральных установок их внешнеполитической практики. Оказывая всестороннюю помощь и поддержку Израилю, эти круги пытаются добиться создания благоприятных условий не только для расширения на Ближнем Востоке своего военно-политического и экономического присутствия, но и для активного вовлечения этого региона в процесс реализации агрессивного стратегического курса империализма в целом. Этим целям, в частности, служит и навязываемое странам и народам Ближнего Востока "урегулирование" конфликтной ситуации на американо-израильских условиях, ярким примером которого явились кэмп-дэвидские соглашения и заключение на их основе сепаратного мирного договора между Египтом и Израилем под эгидой США весной 1979 г.

Глубоко реакционная сущность политики сионизма и империализма на Ближнем Востоке в целом определяет то положение, что борьба за достижение всеобъемлющего и справедливого урегулирования ближневосточного конфликта является одним из центральных направлений и принципиальным условием успешного развития арабского национально-освободительного движения. Задача эта получает еще большую политическую остроту и актуальность в связи с тем, что, как показало развитие событий на Ближнем Востоке за период после израильской агрессии в июне 1967 г., все попытки частичного решения проблемы оккупированных Израилем арабских территорий не только обнаружили свою бесперспективность, но и крайне осложнили, отбросили вспять достижение прочного мира в этом районе земного шара.

В условиях, когда в результате заключения Египтом сепаратного мирного договора с Израилем военно-политический потенциал арабских сил, противостоящих планам американо-израильского альянса, оказался в значительной мере ослабленным, арабское национально-освободительное движение придает особое значение развитию и укреплению прогрессивной роли в арабском мире Сирии, последовательности ее антиимпериалистического и антиссионистского курса. "Солидарность с этим курсом, с народом Сирии, — подчеркивают стоящие в авангарде этого движения арабские коммунистические и рабочие партии, — это один из основных факторов в деле эффективного отпора империализму, сионизму и реакции."

Вот уже почти четверть века Сирия находится в эпицентре развернувшейся на Ближнем Востоке и вокруг него борьбы между силами независимости, свободы и прогресса, с одной стороны, и империализмом, сионизмом и местной реакцией — с другой. Активным участием этой страны отмечены практически все этапы развития ближневосточного конфликта, начиная с агрессии Израиля против арабских стран в июне 1967 г. и кончая израильским вторжением в Ливан в июле 1982 г. Ее роль в противодействии экспансионистскому курсу Израиля трудно переоценить, и это в лишний раз продемонстрировало аннулирование ливано-израильского соглашения от 17 мая 1983 г.: оно доказало, что и без опоры на Египет — этой крупнейшей арабской страны — Сирия может успешно противостоять агрессивным планам американо-израильского альянса.

Что определяло и продолжает определять принципиальный характер позиции Сирии в ближневосточном конфликте? Ответ на этот вопрос оказывается тесно связанным с тем пока еще недостаточно хорошо исследованным аспектом ближневосточного урегулирования, который прямо или косвенно отражает доминирующие в странах Арабского Востока тенденции политического и социально-экономического развития, а более конкретно — идеологию и идеологические особенности правящих арабских режимов, цели и задачи их внутренней и региональной политики, мотивы того или иного подхода к

проблеме Палестины отдельных арабских стран или их политических группировок.

Как известно, позиция современного руководства Сирии в ближневосточном конфликте в своих основных положениях была определена осенью 1970 г. в период так называемого "исправительного движения 16 ноября". Выступив против некоторых, разработанных в период 1963–1970 годов направлений региональной политики правящей в Сирии Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), новое руководство партии во главе с Х. Асадом тем не менее подтвердило преемственность политико-идеологической линии режима в плане принципиальной взаимосвязанности его арабской политики с решением проблем арабо-израильского конфликта. Произшедшие в позиции Сирии в начале 1970-х годов изменения не носили, таким образом, принципиального характера, а лишь отражали новое соотношение между военно-политическими аспектами роли Сирии в противодействии экспансионистскому курсу Израиля и основными направлениями ее арабской политики в рамках стратегических политико-идеологических установок ПАСВ.

Рассматриваемый в данной работе период 1963–1970 годов, учитывая важное его значение в развитии ближневосточного конфликта, сам по себе представляет немалый исторический интерес и, в частности, восполняет тот пробел, который существует в советской историографии в связи с внешнеполитической практикой Сирии непосредственно до и после израильской агрессии в июне 1967 г. Вместе с тем, анализ позиции Сирии в ближневосточном конфликте в этот период позволяет выделить те ее ключевые аспекты, которые, с одной стороны, дали толчок "исправительному движению 16 ноября", а с другой – были активно развиты новым сирийским руководством в 1970-е – 1980-е годы.

Основной базой при написании данной работы послужили документы и материалы съездов ПАСВ, отдельные решения и официальные заявления партийно-правительственного руководства Сирии, а также документально-аналитические исследования, подготовленные национальным руководством ПАСВ.

В работе были использованы документы и фактический материал, связанные с различными аспектами ближневосточного конфликта и опубликованные на страницах ряда ежегодных и специальных сборниках документов.

Важное значение для разработки затрагиваемых в работе проблем и отдельных вопросов имели монографические исследования советских востоковедов-ближневосточников И. П. Беляева, В. В. Белякова, Р. В. Борисова, О. М. Горбатова, А. М. Захарова, Л. Н. Котлова, В. И. Киселева, Р. Г. Ланды, Е. А. Лебедева, Л. И. Медведко, Г. М. Мирского, В. В. Наумкина, В. И. Носенко, Н. О. Оганесяна, А. И. Осипова, Е. М. Примакова, Е. Д. Пырлина, О. И. Фомина, Л. Я. Черкасского и других.

При исследовании вопросов, связанных с экспансионистской политикой Израиля, автор опирался на работы В. Большакова, И. Д. Звягельской, Ю. С. Иванова, В. И. Киселева, В. П. Ладейкина, Г. С. Никитиной, А. Ф. Федченко.

При анализе проблем, непосредственно связанных с некоторыми важными аспектами новейшей истории Сирии и с идеологией ПАСВ, большую помощь оказали исследования В. Д. Кучина, З. И. Левина, В. Б. Луцкого, Н. О. Оганесяна, Ю. Островитянова, Э. П. Пир-Будаговой, А. А. Сазонова и П. А. Сараджяна. Важное значение при анализе влияния проблем социально-экономического развития Сирии в исследуемый период на внешнеполитический курс страны имели работы Е. А. Абгаряна, В. В. Вавилова, В. П. Викторова, И. В. Симантовского и А. О. Филоника.

В работе также были широко использованы исследования зарубежных авторов, посвященные идеологии и политике ПАСВ. При этом особый интерес представили исследования К. С. Абу Джабера, Дж. Ф. Девлина, И. Рабиновича, Д. Робертса, С. Фальхута.

Автор хотел бы выразить сердечную благодарность В. В. Наумкину, Н. О. Оганесяну, Э. П. Пир-Будаговой, Е. Д. Пырлину, О. И. Фомину, а также своим коллегам по Отделу арабских стран Института востоковедения АН Армянской ССР за помощь в подготовке этой книги.

Глава 1

ПОЗИЦИЯ СИРИИ В РЕШЕНИИ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В 1963–1966 ГОДАХ

Становление политико-идеологических концепций ПАСВ по решению ближневосточного конфликта (1940–1950-е гг.)

Приход к власти в Сирии в марте 1963 г. Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), или Баас, явился важнейшим событием в послевоенной истории страны, оказавшим глубокое влияние на все сферы ее политического и социально-экономического развития. Важные последствия это событие имело, в частности, для всестороннего пересмотра целей региональной политики Сирии и их соотношения с решением насущных задач противодействия экспансионистским планам Израиля и восстановления национальных прав арабского народа Палестины. В целом, эти изменения и определили принципиальное содержание и особенности позиции страны в ближневосточном конфликте на новом этапе ее развития.

Политико-идеологическая программа ПАСВ, определявшая внутреннюю и внешнюю политику Сирии после 1963 г. под лозунгом "Единство, свобода, социализм", в своем общем виде была разработана и утверждена на 1 учредительном съезде партии, который состоялся в Дамаске в апреле 1947 г.

Программа, провозглашая своей целью возрождение арабской нации и ее объединение в рамках единого социалис-

тического общества, опиралась на ряд принципиальных положений. Согласно этим положениям, арабы представляют собой единую нацию, имеющую естественное право развиваться в рамках единого государства и быть свободной. Арабская родина представляет собой единое политическое и экономическое целое. Она неделима, и ни одна арабская страна не имеет права на независимое от других арабских народов устройство. Арабское единство выступает также как и единство культуры арабской нации. Все имеющиеся между арабскими странами различия носят временный характер и исчезнут в результате национального возрождения. Арабская родина принадлежит арабам, и только они имеют право на решение своей судьбы. Арабы также располагают правом на демократические свободы; их гражданская принадлежность и оценка их деятельности как граждан определяется по их вкладу в дело прогресса и процветания арабской нации, а все остальные их признаки и характеристики второстепенны и не являются определяющими.

Программа далее утверждала, что арабская нация призвана выполнить свою миссию по обновлению человеческих ценностей, развитию прогресса, укреплению и расширению связей между различными нациями. В этой связи подчеркивалось, что, вбирая в себя все достижения мировой цивилизации, арабская нация активно борется со всеми проявлениями колониализма, отдает все свои материальные и духовные ресурсы на борьбу за освобождение народов, вносит свой вклад в дело достижения всеобщей справедливости и прогресса.

В программе, в частности, подчеркивалось, что ПАСВ — это революционная партия, которая верит, что ее основные цели — возрождение арабской нации и построение социалистического общества — могут быть достигнуты только путем революционной борьбы, направленной на полное освобождение арабов от господства колониализма, на объединение арабов в рамках единого независимого государства и радикальное переустройство всех сторон арабской действительности — 3
идеологической, политической, экономической и социальной.

Определяя принципиальные направления внешней политики ПАСВ, программа указывала, что она должна строиться в соответствии с интересами арабской нации и ее миссии. Подчеркивалось, что эта политика должна быть направлена на ликвидацию основ колониализма и устранение иностранного политического и экономического влияния в арабском мире. Она также должна была правильно отражать стремление арабов жить свободно и поддерживать дружеские отношения со всеми народами мира.

Программа подробно определяла задачи ПАСВ в области внутренней и экономической политики, основные направления ее деятельности в социальной сфере и в области просвещения и образования.

Следует отметить, что для своего времени и на фоне в целом консервативного развития арабского мира, программа ПАСВ представляла собой очевидный шаг вперед в подходе к оценке арабской мелкобуржуазной интеллигенцией будущего развития арабских стран и народов.

Отметим также, что в дальнейшем на своем пути от небольшой группы мелкобуржуазных революционеров до массовой политической организации ПАСВ имела не только успехи, но и серьезные поражения и ошибки, однако в целом в 1940-е и 1950-е годы ее деятельность всегда отличалась двумя важнейшими и взаимосвязанными характеристиками: выраженным антиимпериализмом и антисионизмом.

Предметом специального обсуждения делегатов 1 учредительного съезда ПАСВ стала и палестинская проблема. Политическая резолюция съезда призвала к усилению борьбы арабов против всех тех сил и государств, которые занимают враждебную позицию в отношении "арабской родины", оказывают содействие сионизму в реализации его планов в Палестине, осуществляют незаконный контроль над отдельными арабскими территориями и пытаются сохранить арабский мир в состоянии колониальной зависимости. Съезд также призвал арабские правительства разорвать дипломатические отношения с этими государствами, в частности, с Англией, Францией и США, а Лигу арабских государств - предпринять необходимые шаги по укреплению обороноспособности арабских стран.

Как известно, начало активной территориальной экспансии сионистов на Арабском Востоке было положено в конце первой мировой войны, когда, оккупировав Палестину и утвердив в ней свое военно-политическое присутствие, английские империалистические круги в соответствии с положениями Декларации Бальфура в 1917 г. открыли широкую дорогу сионистскому проникновению в страну. Эта политическая инициатива Англии явилась прямым следствием раздела Арабского Востока на зоны влияния между английскими и французскими колониальными кругами на основе ранее достигнутого соглашения "Сайкс-Пико" и ее стремления использовать сионизм для борьбы с арабским освободительным движением.

На первом этапе сионистской экспансии, т. е. начиная примерно с 1917 г. и по 1947 г., ее содержание в целом сводилось к реализации принципа создания в Палестине новых демографических границ и подготовки условий для их дальнейшей трансформации в государственные границы будущего Израиля. Одновременно, по мере роста освободительных выступлений палестинских арабов, справедливо связывавших перспективы получения политической независимости с требованиями положить конец еврейской иммиграции, укреплялся и развивался процесс сближения интересов сионизма и английского империализма в отношении Палестины и ее будущего.

Опираясь на эту общность интересов, сионистам примерно в течение 30 лет удалось добиться существенных демографических сдвигов в Палестине. В 1946 г., т. е. незадолго до провозглашения государства Израиль, еврейское население Палестины уже составляло 35,1% всего населения, а в собственности представителей еврейской общины находилось 7,0% территории страны.

Эти изменения непосредственно и самым негативным образом отразились на положении палестинских арабов. "Иммиграция привела к изменению соотношения между еврейским и арабским населением в Палестине, — указывает в связи с этим академик Примаков Е. М., — однако это происходило не только за счет абсолютного увеличения числа иммигрантов, но также и — следует обратить на это особое внимание — за счет вытеснения коренного палестинского арабского населения".

К моменту обсуждения палестинского вопроса на 1 чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в апреле 1947 г. в Палестине образовалась сложная национальная ситуация. Она требовала такого решения, при котором в равной мере были бы обеспечены права и арабского, и еврейского населения Палестины. И именно такое решение было найдено и выдвинуто на обсуждение Советским Союзом, который предложил создать двуединое арабо-еврейское государство.

Советское предложение могло бы стать здоровой для мирного существования и сотрудничества арабского и еврейского населения Палестины, а создание двуединого арабо-еврейского государства "могло бы избавить район Ближнего Востока от многих бед, которые на него впоследствии обрушились по вине сионистских правителей Израиля"¹⁰, справедливо указывает советский исследователь Е. Д. Пырлин. Однако на 1 чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН советское предложение было отклонено.

Арабский мир с напряжением следил за развитием событий в Палестине и за ходом обсуждения палестинского вопроса в ООН. Вопрос о будущем Палестины широко дискутировался в ходе арабского совещания в Александрии в сентябре 1944 г., в период подписания Пакта Лиги арабских государств в Каире 1945 г., а также во время последующих двусторонних встреч между представителями Египта, Сирии, Ирака, Трансиордании и Саудовской Аравии.

Однако в ходе их палестинский вопрос рассматривался не столько в плане необходимости внутривосточных противоречий между арабской и еврейской общинами Палестины или создания независимого арабского палестинского государства, сколько в контексте планов "Благодатного полумесяца" и "Великой Сирии", выдвинутыми соответственно Ираком и Трансиорданией. Официальная позиция арабских стран в палестинском вопросе нашла свое отражение в виде специальной резолюции в Александрийском протоколе, где, фактически, шла речь только о том, в состав какого арабского государства войдет Палестина после ухода оттуда Англии.

Особую заинтересованность при этом проявлял эмир

Трансиордании Абдаллах, на которого ориентировались представители феодальных кругов Палестины и который был известен своими тесными связями с Англией. В свою очередь, английские империалистические круги, реализуя принцип "уйти, чтобы остаться", всячески подогревали амбициозные устремления эмира Абдаллаха, хорошо понимая, что в случае "трансиорданского варианта" решения палестинского вопроса военно-политическое присутствие Англии в Палестине и Трансиордании не только сохранится, но и значительно укрепитя.

29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов приняла резолюцию № 181/11, согласно которой Палестина была разделена на два государства – арабское и еврейское, а Иерусалим и его окрестности были выделены в специальную зону под международным контролем.

Руководство ПАСВ в связи с принятым решением о разделе Палестины выступило 2 декабря 1947 г. с заявлением, в котором резко осудило империалистические державы, оказавшие поддержку сионизму в реализации его планов, и призывало к формированию отрядов добровольцев для вооруженного противодействия попыткам создать еврейское государство на палестинской земле. "Массы арабского народа! Эта битва является решающей, и от ее исхода будет зависеть ваша судьба и судьба ваших потомков в нескольких грядущих поколениях" – подчеркивалось в заявлении¹¹.

В конце 1947 г. и в начале 1948 г. сионисты развернули в Палестине массовую кампанию террора и запугивания против мирного арабского населения. Действия сионистов в Палестине вызвали широкую волну протеста во всех арабских странах. 23 января 1948 г. ПАСВ выступила с заявлением, в котором указывалось: "Арабские массы! Никакие факторы или препятствия не должны отстранить вас от борьбы! На палестинском фронте вы сможете очистить арабскую родину не только от сионистов и иностранных империалистических элементов, но также освободить ее от всех видов рабского угнетения и отсталости"¹². Обращаясь непосредственно к членам партии, заявление призывало их бо-

роться с пораженческими настроениями и служить примером истинного патриотизма: "Пусть Палестина, благодаря вашим усилиям и борьбе, станет поворотным моментом в арабской истории между периодом застоя и эпохой освобождения и возрождения!"¹³

В результате действий сионистов, на практике подтверждавших угрозу расправиться с теми арабами, которые попытаются остаться у своих родных очагов, к моменту провозглашения 14 мая 1948 г. государства Израиль 250 тыс. палестинских арабов лишились крова и стали беженцами.¹⁴

Английские власти, пытаясь использовать в своих интересах обострение ситуации в Палестине, с одной стороны, не принимали решительных мер для пресечения сионистского террора, а с другой – подталкивали арабские государства, и в первую очередь Иорданию, на захват Палестины, а в марте 1948г. санкционировали вступление на ее территорию иорданского Арабского легиона и создание там иорданских органов администрации¹⁵.

В мае 1948 г. в Палестине развернулись боевые действия между объединенными силами арабских стран и израильской армией. Это была первая арабо-израильская война, крайне осложнившая возможность реализации решения ГА ООН о разделе Палестины на два самостоятельных независимых государства.

Арабские армии потерпели поражение. Территория, предназначенная для создания арабского палестинского государства, была перерезана демаркационными линиями, установленными в соответствии с соглашениями о перемирии в 1948–1949 гг. Они положили начало фактическому разделу территории подмандатной Палестины между Израилем, с одной стороны, и монархическими Иорданией и Египтом – с другой. Серьезным итогом первой арабо-израильской войны явилось также возникновение проблемы палестинских беженцев, "проблемы сугубо политической, проблемы судьбы целого народа, лишенного сионистами своих законных, неотъемлемых прав, в том числе даже права на свою родину".¹⁶ Дальнейшее развитие территориальной экспансии сионизма на Арабском Востоке происходило уже на уровне

и в рамках государственной политики Израиля, явившегося материальным воплощением сионистской доктрины и выражавшего сам дух сионизма.¹⁷

При всем понимании сионистской угрозы и очевидности ее последовательного возрастания в будущем, в арабском мире, однако, в этот период не было какой-либо реальной силы, способной в случае необходимости оказать эффективное противодействие экспансионистским планам Израиля и стремившейся к справедливому урегулированию палестинской проблемы, созданию независимого арабского палестинского государства. Само же палестинское национально-освободительное движение находилось лишь в стадии зарождения и не могло играть какой-либо заметной самостоятельной роли. Положение палестинцев усугублялось тем, что империалистические круги Запада, в первую очередь США, стремившиеся использовать Израиль в качестве инструмента своей ближневосточной политики, имели возможность контролировать развитие военно-политической обстановки на Ближнем Востоке не только извне, путем оказания Израилю политической и военно-экономической поддержки, но и изнутри - всесторонним давлением на арабские страны, в большинстве своем ориентировавшихся в тот период на Запад.

В 1949-1951 гг. Сирия подвергалась постоянному нажиму со стороны Иордании и Ирака, пытавшихся привлечь ее к осуществлению проанглийских планов "Великая Сирия" и "Благодатный полумесяц". Эти планы получили поддержку и определенных политических кругов в самой Сирии, которые считали, в частности, что создание объединенного государства станет залогом успешного противодействия экспансионистской политике Израиля.¹⁸

Руководство ПАСВ, указывая на проимпериалистическую направленность этих планов и на стоящие за ними попытки втянуть Сирию в сферу влияния монархических режимов в Иордании и Ираке, призвало оказать противодействие планам "Великой Сирии" и "Благодатного полумесяца". В заявлении от 8 января 1950 г. руководство партии подчеркивало, что ее позиция в этом вопросе исходит из приверженности следующим трем принципам: цель, которую преследуют

арабы, состоит в достижении всестороннего единства на прогрессивных, социалистических основах; создание любой федерации должно полностью отвечать этому основополагающему требованию; только борьба народных масс является средством и прочной гарантией достижения этой националистической цели.¹⁸

Партия выступила также против объявленной в мае 1950 Англией, Францией и США "тройственной декларации", целью которой "была борьба против нараставшего антиимпериалистического движения народов этих стран, а также укрепление своих позиций в этом районе, непосредственно граничащем с СССР".²⁰ В противовес этой декларации руководство партии "выдвинуло лозунг нейтралитета между западным и восточным лагерями и призвало арабов к его поддержке".²¹

"Мы предупреждаем деятелей Арабской лиги против присоединения к какому-либо из лагерей или псевдонейтралитета, который ограничится только декларациями, - указывалось в заявлении партии Баас от 27 января 1951 г. - Мы призываем к реальному нейтралитету, который предупредит возможность создания тираническими силами западного империализма военных баз в наших странах, использование нашей нефти и ресурсов в их войне".²²

В период диктатуры Адиба Шишекли - в 1951-1954 гг., партия Баас призывала все народные партии арабских стран объединить усилия во имя достижения свободы, социализма и арабского единства; оказывать противодействия любым попыткам примирения с Израилем; проводить борьбу против усиления сионистско-империалистического влияния и за поддержание арабскими странами нейтралитета в отношении военно-политических блоков".²³

Вопросы усиления борьбы против империалистических сил на Арабском Востоке и их союзников - арабской реакции и сионизма, обсуждались и на II национальном съезде ПАСВ в 1954 г. В следующем, 1955 г. партия, поставив вопрос о переходе к непосредственному участию в управлении страной, указывала в соответствующем заявлении: "Ввиду огромной опасности, угрожающей арабской нации,

наша радикально-идеологическая партия считает необходимым разделить ответственность и принять участие в формировании правительства, которое будет действовать в соответствии с желанием народа консолидировать независимую внешнюю политику арабов и опереться на объединенную арабскую армию ... для защиты арабской родины".²⁴

На рубеже 50-60-х гг. в общеполитическом положении на Арабском Востоке произошли значительные позитивные перемены. Они явились результатом успехов арабского национально-освободительного движения, в первую очередь побед антимонархических революций в Египте в 1952 г., в Ираке в 1958 г., в Йемене в 1962 г. и победоносного завершения героической борьбы алжирского народа против французских империалистов в 1962 г. В этот период наблюдаются одновременное усиление роста национального самосознания арабских народов и активное развитие процесса политико-идеологической поляризации арабского мира. Начинает набирать силу и становиться все более заметным фактором арабского национально-освободительного движения и палестинское движение сопротивления.

Вместе с тем, в это же время все более конкретно выявляется обратная связь между ставкой империалистических держав на Израиль в их борьбе за сохранение своих военно-политических и экономических позиций на Ближнем Востоке и, с другой стороны, стремлением правящих кругов Израиля органически привязать планы империализма к своим собственным экспансионистским программам. Со всей наглядностью эта связь проявилась во время Суэцкого кризиса и тройственной империалистической агрессии против Египта в 1956 г., когда премьер-министр Англии А. Иден, "стремясь свергнуть Насера и его режим, совершенно откровенно поддержал широкую экспансию Израиля за счет Египта".²⁵

Антиимпериалистическая политика Египта увлекла за собой все прогрессивные и национально-патриотические силы арабского мира, встречая одновременно активное противодействие со стороны арабской реакции и западных империалистических кругов.

Отказ арабских стран от участия в военно-политических блоках, в частности от присоединения к Багдадскому пакту, а также ослабление позиций Англии и Франции на Востоке в результате провала тройственной агрессии, привели к активизации монополитических кругов США в регионе. Стремление обеспечить интересы нефтяных монополий и вытеснить с Ближнего Востока Англию и Францию нашло выражение в попытках США навязать арабским странам "доктрину Эйзенхауэра", выдвинутую в январе 1957 г.

Выражая претензии США на экономическое, политическое и военное господство в регионе, "доктрина Эйзенхауэра" была также направлена на то, чтобы "любой ценой задушить национально-освободительное движение арабских народов, расколоть их крепнувшее единство в борьбе за свободу и независимость, сделать новую попытку вовлечь их в агрессивные, империалистические блоки и союзы".²⁶

"Основная цель "доктрины Эйзенхауэра", — указывала ПАСВ, — состоит в том, чтобы подорвать независимость государств Ближнего Востока и сдать их на милость сионизму и империализму, альянс которых преследует решение общих для них задач, т.е. разрушение арабского национализма... Партия, всеми средствами и во всех странах, будет оказывать сопротивление всем заговорам империализма и сионизма. Мы обязаны следовать политике неприсоединения и позитивного нейтралитета, защищать наш национализм и независимость и прилагать все усилия для ликвидации заговоров империализма и его марионетки — Израиля. Следуя этому курсу, мы соблюдаем те фундаментальные принципы, на которых основана наша националистическая хартия".²⁷

Совместная борьба против навязываемых арабам агрессивных, империалистических союзов и пактов, наряду с другими важными факторами, явилась основной для всестороннего сближения Сирии и Египта: в октябре 1957 г. в Дамаске начались переговоры об их объединении в рамках единого государства.

Руководство ПАСВ, приветствуя эту инициативу, указывало в частности: "Сегодня мы находимся в преддверии

великого исторического события не только в жизни арабских государств, но и всего арабского народа – единства между Египтом и Сирией. Арабская родина, пострадавшая в условиях колониализма от раскола и дезинтеграции и, таким образом, лишенная права на свободу и территориальную целостность, сегодня впервые является свидетелем решительного шага в направлении достижения единства между двумя ее частями...²⁸

1 февраля 1958 г. в Каире была подписана Декларация о провозглашении Объединенной Арабской Республики (ОАР). Это событие было с большим воодушевлением встречено прогрессивными национально-патриотическими силами всего арабского мира. В ряде арабских стран возникло широкое движение за присоединения к ОАР. В Иордании, в целях недопущения выступлений в поддержку нового государственного объединения, было введено чрезвычайное положение.²⁹

В то же время правительства ряда арабских стран, в частности Ирака и Иордании, высказали открытое недовольство объединением Сирии и Египта. Западные державы, с большой настороженностью встретив создание ОАР, вместе с тем, надеялись использовать в своих интересах рост националистических настроений в обеих странах, усматривая в нем основную преграду "проникновению международного коммунизма" на Арабский Восток.³⁰

Одновременно правящие круги США, Англии и других империалистических держав попытались оказать прямое давление на новое государство, опираясь в реализации своих подрывных планов на арабскую реакцию и Израиль.

В феврале 1958 г. вдоль границ Сирии наблюдалась концентрация израильских войск, пытавшихся при помощи вооруженных провокаций дестабилизировать положение в стране. В конце того же месяца сирийское правительство сообщило о раскрытии реакционного заговора, участники которого планировали вооруженные выступления в южных и северных районах Сирии. Их вооруженные действия должны были послужить предлогом для военного вмешательства со стороны Иордании и Турции.³¹

В противовес объединению Сирии и Египта активизировав-

шаяся арабская реакция при содействии США и Англии выдвинула план создания военно-политической федерации "Арабский союз" в составе хашимитских королевств Иордании и Ирака. Рассматривались также планы создания союза некоторых арабских государств под лозунгом исламского единства.³²

В связи с требованием президента Г. А. Насера о роспуске всех политических партий Сирии как о принципиальном условии объединения ее с Египтом, после провозглашения ОАР партия Баас, активно поддерживавшая идею сирийско-египетского единства, заявила о прекращении своей политической деятельности в стране. При этом, однако, она не отказывалась от своих притязаний на роль общеарабского политического центра и идеолога арабского национализма. "Партия, — подчеркивал в связи с этим М. Афляк, — является историческим движением для всей арабской родины; она не должна ... исчезнуть или оставить свои позиции, не добившись реализации своих целей".³³

В конце августа 1959 г. в Бейруте состоялся III национальный съезд ПАСВ. Он проанализировал задачи партии в свете коренных сдвигов в политической ситуации в арабском мире, вызванных образованием ОАР, победой антимонархической революции в Ираке в июле 1958 г. и успешным развитием борьбы алжирского народа за свое национальное освобождение.³⁴

Съезд принял ряд резолюций, направленных на укрепление организационного и идеологического единства партии, расширение ее связей с народными массами, укрепление сотрудничества общеарабского руководства партии с руководством ОАР, а также с руководством алжирской революции и других национально-освободительных движений в арабском мире.³⁵

Следует отметить, что работа съезда проходила в период, когда по ряду причин, анализ которых выходит за рамки нашего исследования, в Сирийском районе ОАР сложилась обстановка, характеризовавшаяся ростом недовольства и разочарования объединением всех слоев сирийского общества. В связи с тем, что, вопреки ожиданиям, партия Баас не стала идеологической опорой объединения, постепенно обостри-

лись ее отношения с руководством ОАР. Вместе с тем, буржуазно-помещичьи круги Сирии, недовольные проводимыми президентом Г. А. Насером социально-экономическими мероприятиями и стремлением египетской крупной буржуазии установить свое экономическое господство в Сирийском районе, возлагали вину за тяжелое положение в стране на ПАСВ как на инициатора объединения³⁶.

Не случайно, что среди центральных вопросов IV национального съезда партии, созванного в конце августа 1960 г. в Бейруте, были вопросы внутривосточной ситуации в ОАР, активизации реакционных сил в стране, а также тактики партии и ее сотрудничества с другими прогрессивными движениями в целях мобилизации народных масс и "возобновления их борьбы за единство, свободу и социализм".³⁷

В результате военного переворота в сентябре 1961 г. Сирия вышла из состава ОАР. Отношение ПАСВ к перевороту было противоречивым: часть ее лидеров поддержала переворот, а часть — осудила. В конечном итоге, позиция партии по этому вопросу была определена в соответствии с требованиями ее идеологических принципов. В опубликованном 5 октября 1961 г. заявлении в связи с этим указывалось: "Партия Баас, которая боролась за единство и прилагала все усилия для достижения демократических условий в обоих регионах Объединенной Арабской Республики и защищала концепцию единства как свободного регионального доминирования, призывает арабский народ продолжить борьбу за утверждение демократических условий в обоих регионах республики с тем, чтобы гарантировать восстановление и сохранение единства и обеспечить продвижение по пути к общеарабскому единству".³⁸

Одновременно указывалось, что переворот означал попытку реакционных сил "установить в стране военную диктатуру, которая будет поддерживать реакционные экономические и капиталистические интересы", и что выход из ОАР "подвергнет Сирию риску сильного империалистического и реакционного влияния".³⁹

Следует отметить, что распад ОАР совпал по времени с тем периодом исторического процесса на Арабском Востоке,

когда причины, вызвавшие к жизни арабский национализм как национализм угнетенной нации, в результате обретения арабскими странами национальной независимости стали постепенно утрачивать свою эффективность. "При этом, — подчеркивает З. И. Левин, — относительная общность целей, а порою и действий арабских стран и народов, сложившаяся в период их борьбы за свободу, сменилась размежеванием между ними на идеологической, политической и экономической основе; усилились партикуляристские тенденции, частные интересы все больше брали верх над общеарабскими. Традиционный панарабизм не отвечал требованиям времени"⁴⁰.

В это же время арабская реакция стала активно выдвигать на авансцену политической жизни арабского мира исламские лозунги. Противопоставляя их идеям арабского национализма и спекуляции на неудачном опыте ОАР, арабская реакция, которую к началу 60-х гг. возглавила Саудовская Аравия, пыталась подорвать позиции прогрессивных режимов, и в первую очередь египетского, и сплотить страны с "умеренными" режимами. Это также приводило к снижению влияния панарабистских тенденций в арабском мире, тем более, если учесть, что в арабских странах "подавляющая часть масс видела в мусульманских традициях, обычаях и институтах естественные формы своего общественного бытия и сознания".⁴¹

Таким образом, можно отметить, что к началу 1970-х гг. традиционный арабский национализм во многом утратил свое прежнее политическое значение, а сама идея арабского единства после распада ОАР переживала острый кризис. Очевидно, что выход из этого кризиса лежал не только в критическом осмыслении объективной ситуации в арабском мире и причин распада ОАР, но, главным образом, в политическом переосмыслении идей арабского национализма, в обогащении их новым идеологическим и социально-экономическим содержанием, в более целенаправленном и последовательном использовании их антиимпериалистического потенциала.

Отметим в связи с вышеизложенным, что на состояв-

шемся в мае 1962 г. У национальном съезде ПАСВ в числе основных рассмотренных проблем был вопрос реорганизации партийной базы и повышения эффективности руководства борьбы за претворение в жизнь баасистской доктрины.⁴² Одновременно, рассмотрев ситуацию в арабском мире в целом и, в частности, в Сирии, съезд обратил внимание на необходимость дать решительный отпор альтернативным арабскому единству идеологическим лозунгам и поручил временному региональному (сирийскому) руководству партии разработать соответствующую политическую линию.⁴³

Прозвучавший на съезде призыв усилить противодействие альтернативным арабскому единству планам, в частности, выдвигаемой реакционными кругами идее "исламской солидарности", ознаменовал собой начало важного этапа в политической практике баасистов. Отныне их внимание стало концентрироваться на проблемах политико-идеологической борьбы во всем арабском мире, а курс на расширение открытой конфронтации с проимпериалистическими арабскими режимами в сочетании с борьбой за освобождение Палестины стал основным направлением борьбы ПАСВ за арабское единство после ее прихода к власти в Сирии в марте 1963 г.

*
* * *

Определяясь в основном развитием арабской национально-освободительной борьбы, межарабские противоречия в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в политической практике арабского мира стали концентрироваться на ряде принципиальных проблем, которые с предельной четкостью ориентировали правящие круги арабских стран в контексте глобального противоречия между национальными интересами арабских народов и политикой империалистических держав на Ближнем Востоке.

Центральной в ряду этих принципиальных проблем стала задача восстановления законных прав арабского народа Палестины, решение которой, по мнению ПАСВ, могло оказать

самое непосредственное воздействие на все стороны политико-идеологического и социально-экономического развития арабского мира, поскольку к началу 1960-х гг. позиция любой арабской страны по палестинской проблеме могла быть определена не только с учетом целей экспансионистской политики Израиля, но и места этой политики в общей стратегии империализма на Арабском Востоке. "Дело Палестины, — указывало новое руководство Сирии, — это основная исходная позиция для определения политики партии и ее планов вне зависимости от того, находится она у власти или нет. Все другие принципы подчинены этому принципу и регулируются им. Дело Палестины — это наиболее серьезная проблема из всех национальных проблем, и ее последствия для будущего и судьбы всего национального дела серьезнее, чем другие проблемы, с которыми сталкивается арабская нация и партия... Дать преимущество делу освобождения Палестины означает поставить нашу арабскую и международную политику в зависимости от того, какую позицию займут иностранные или арабские государства в отношении проблемы освобождения Палестины".⁴⁴

Наряду с вышеизложенным, при подходе к анализу позиции баасистского руководства Сирии в ближневосточном конфликте необходимо принять во внимание следующие положения.

В рамках резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181/11 от 29 ноября 1947 г. решение палестинской проблемы должно было учесть два принципиальных аспекта: во-первых, образование на выделенной территории независимого палестинского арабского государства и, во-вторых, урегулирование проблемы палестинских беженцев. В создавшихся в регионе после 1949 г. условиях решение палестинской проблемы в таком объеме должно было предполагать урегулирование территориальных вопросов не только с Израилем, но и с теми арабскими странами, которые фактически разделили с Израилем ответственность за то, что национальные права палестинских арабов не были реализованы хотя бы частично.

Отметим в связи с этим, что баасистское руководство

Сирии подходило к палестинской проблеме не только с учетом роли и позиции Израиля, но и акцентируя негативную роль в этом вопросе Иордании, недвусмысленно трактуя решение проблемы в плане освобождения всей Палестины, т.е. включая и территорию Западного берега р. Иордан.

Следует также подчеркнуть и то положение, что после прихода к власти ПАСВ стала акцентировать историко-географическую общность Палестины, Иордании, Ливана и Сирии, усматривая в ее всестороннем укреплении и развитии одно из решающих условий успешного противодействия экспансионистским планам Израиля в регионе.⁴⁵ Подобный подход имеет место и в политике настоящего руководства Сирии.⁴⁶

Развитие освободительного процесса в арабском мире в 50-е и в начале 60-х гг. сопровождалось усилением агрессивности Израиля и общим ростом военно-политической напряженности на Ближнем Востоке. И не случайно, что в этих условиях палестинская проблема стала получать с точки зрения арабских государств, и в первую очередь тех, кто, располагая общими с Израилем границами, проводил независимую внешнюю и прогрессивную внутреннюю политику, качественно новое преломление: ее решение органически связывалось с актуальной задачей обеспечения государственной безопасности, суверенитета и территориальной целостности арабских стран. Одновременно, агрессивность Израиля способствовала тому, что решение палестинской проблемы стало все чаще и настойчивее трактоваться в арабских политических кругах не только в более широком, но и в более радикальном смысле, т.е. как устранение основной причины ее возникновения, как ликвидацию "сионистского образования".

Объективно, такой подход к решению палестинской проблемы не мог способствовать конструктивному урегулированию ближневосточного конфликта, однако следует подчеркнуть, что он явился следствием реакции на возрастание сионистской угрозы и усиления напряженности на Ближнем Востоке в начале 60-х гг., которую предопределила не только "тра-

гедия палестинцев, но и политика Израиля, обращенная непосредственно к арабским государствам и преследующая двойную цель – территориальной экспансии и ликвидации революционных и антиимпериалистических арабских режимов".⁴⁷

Учитывая вышеизложенное, следует особо отметить, что именно неотделимость сионизма от антиарабизма и борьбы против освободительных сил арабских стран, осуществляемая государственными средствами сионистская политика территориальной экспансии и ее взаимосвязанность с общими целями империализма на Ближнем Востоке явились в своей совокупности одной из основных причин того, что задача борьбы против Израиля за освобождение Палестины – фактически, борьба за ликвидацию сионистского государства – выступила в качестве основного структурного фактора во внешней политике баасистского руководства Сирии в 60-е годы. ПАСВ, выдвигая на первый план своей политики задачу освобождения Палестины, не только стремилась тем самым подчеркнуть свою искреннюю приверженность идеям арабского национализма и солидарности, но и провозглашала борьбу против сионизма – идеологии шовинистической, экспансионистской и антисоциалистической по своему характеру.

Наряду с этим принципиальным положением, постановка задачи проведения борьбы против оплота империализма на Арабском Востоке – сионистского Израиля – не только должна была подчеркнуть стремление баасистов на практике подтвердить свою веру в то, что возрождение и процветание арабской нации могут быть достигнуты лишь при условии ее полной свободы от всех видов и форм иностранного угнетения, но и доказать способность ПАСВ возглавить и довести до победного конца борьбу за достижение этих целей.

В решении задачи освобождения Палестины партия стремилась самым радикальным образом утвердить себя в роли наиболее последовательного и решительного проводника идей арабского национально-освободительного движения.

В программном документе сирийских баасистов, в так называемой "Этапной программе", принятой в 1965 г., в связи с этим прямо указывалось, что усилия партии в Сирии "должны быть применены в отношении всего арабского мира, поскольку за последние годы арабские массы во многом потеряли уверенность в себе и в свои революционные движения. Эти массы должны найти для себя новую опору... Наша партия является единственной, способной обеспечить эту опору, поскольку является единственной партией, которая живет исторической борьбой арабов, единственной партией, которая представляет народ в его борьбе, и единственной партией, которая верит в движение организованных масс в направлении достижения целей народа".⁴⁸

В целом, учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что концентрация усилий ПАСВ после ее прихода к власти в Сирии на решении задачи освобождения Палестины явилась следствием многопланового процесса активизации баасизма в условиях усугубления идеологических противоречий в арабском мире и общего нарастания военно-политической напряженности на Ближнем Востоке. При этом, задача освобождения Палестины рассматривалась сирийским партийно-правительственным руководством с учетом того, что уже в процессе самого перехода к ее решению высвободится значительная часть потенциально заложенной в проблеме Палестины политико-идеологической энергии, использование которой может стать одним из решающих условий развития в арабском мире идей арабского национализма и арабского единства, укрепления позиций партии Баас на межарабской арене и усиления ее роли в арабском национально-освободительном движении.

Стремление партии повысить политический потенциал и динамизм идей арабского национализма и арабского единства с тем, чтобы добиться коренного переустройства арабского мира в соответствии с положениями выдвинутого лозунга "Единство, свобода, социализм", а с другой стороны, последовательная реализация Израилем геополитической концепции сионизма и настойчивые попытки империалистическо-сионист-

ского альянса подчинить Арабский Восток своим интересам, явились теми взаимоисключающими тенденциями, которые пре-
допределили в исследуемый период особый, идеологически обус-
ловленный характер позиции баасистского руководства Сирии в
ближневосточном конфликте. Вместе с тем, стремление ПАСВ
преодолеть основное противоречие исторического процесса на
Арабском Востоке – конфликт между арабскими народами, с одной
стороны, и сионизмом и мировым империализмом – с другой,
в органической связи с решением задачи арабского единства
обусловило то положение, что ближневосточный конфликт, оста-
ваясь центральной военно–политической проблемой Сирии,
одновременно стал выступать в качестве наиболее динамичного
фактора ее межарабской политики в 60–е годы.

Приход ПАСВ к власти в Сирии. Роль Сирии в укреплении
Палестинского движения сопротивления и противодействии
экспансионистской политике Израиля в 1963–1965 гг.

Приход ПАСВ в начале 1963 г. к власти в Ираке, а затем
в Сирии ознаменовал начало нового этапа в ее истории и дея-
тельности, явившись событием большой политической важности
в жизни иракского и сирийского народов.

Почти одновременное установление баасистского режима в
двух соседних странах создало благоприятные условия для
активной реализации ПАСВ своей идеологической и полити-
ческой программы. Сложившаяся ситуация обсуждалась на
состоявшемся в марте 1963 г. совещании сирийских и ирак-
ских баасистов, где был принят ряд решений по осуществле-
нию арабского единства и, в частности, по объединению Сирии
и Ирака.⁴⁹

Однако проведение в жизнь этих решений было сопряжено
с необходимостью преодоления определенных объективных и
субъективных трудностей. Подорванные в период существова-
ния ОАР позиции сирийской секции ПАСВ восстанавливались с
большим трудом. Проблема осложнялась также тем обстоятель-
ством, что, наряду с ПАСВ, но на несколько других политико-

идеологических основах, создания объединенного арабского государства добивался в Сирии и ряд так называемых юнионистских организаций, требовавших немедленного объединения Сирии с Египтом.⁵⁰ Их влияние в политической жизни Сирии в тот период резко возросло, главным образом в силу того, что в военном перевороте 8 марта 1963 года, подготовленном и осуществленном под контролем Военного комитета ПАСВ, активное участие принимали офицеры-насеристы и юнионисты.

Учитывая сложившуюся расстановку сил, ПАСВ была вынуждена на время отказаться от единоличного представительства в руководстве страной. Только половина сформированного Салахом Битаром правительства была представлена членами партии, а остальные представляли армию и юнионистские организации.⁵¹

Таким образом, несмотря на то, что ПАСВ контролировала правительство, а призвав в армию уволенных ранее офицеров — сторонников Военного комитета партии, укрепила также свои позиции в армейском руководстве, ее влияние как в самой Сирии, так и в арабском мире были еще недостаточны для того, чтобы вплотную перейти к осуществлению партийной программы. Сближение с Египтом в этот период могло в значительной мере укрепить положение партии на внутривосточной арене, сняв давление со стороны насеристов и юнионистов, а также поднять ее авторитет на межаарабской арене. Вместе с тем, став правящей, ПАСВ стремилась не только удержаться у власти, но и не упустить политической инициативы в тех вопросах, которые она считала своей прерогативой, в первую очередь в вопросе достижения арабского единства. Исходя из этого, она заявила о готовности начать переговоры с Египтом по восстановлению сирийско-египетского объединения. Эта задача была декларирована правительством в качестве первоочередной задачи его деятельности.⁵²

В результате напряженных переговоров между делегациями Сирии, Ирака и Египта, продемонстрировавших наличие между сторонами серьезных разногласий по различным

аспектам объединения, 17 апреля 1963 г. в Каире была подписана Хартия о создании Федерации арабских республик (ФАР). Несмотря на то, что достигнутое соглашение носило компромиссный характер и, в связи с этим, вызывало сомнения относительно возможности его практического осуществления, в целом принятие Хартии было с большим воодушевлением встречено сторонниками арабского единства не только в Египте, Ираке и Сирии, но и в других арабских странах.

Следует отметить, что в ходе переговоров о создании федерации большое внимание было уделено причинам распада ОАР и, в частности, проблемам политического руководства. При этом баасисты Сирии и Ирака прилагали усилия к тому, чтобы по возможности ограничить влияние Египта на политический курс будущей федерации. В свою очередь, президент Г. А. Насер, не желая ослаблять свои позиции в союзе с двумя баасистскими режимами, первоначально настаивал на необходимости поэтапного объединения: сначала только Сирии и Египта, а затем, по истечении испытательного периода, подключения к ним Ирака. Однако, уступив давлению со стороны Сирии, Г. А. Насер согласился рассмотреть вопрос об организации трехсторонней федерации.⁵³

Принятие Хартии не разрешило разногласий между баасистами, не желавшими отдавать политическую инициативу как в самой Сирии, так и в будущей федерации юнионистам, и насеристам, требовавшим немедленного и безоговорочного объединения Сирии с Египтом на условиях, которые фактически выдвигали президента Г. А. Насера в качестве единоличного лидера.

22 июля 1963 г. президент Г. А. Насер заявил, что действия сирийского руководства, направленные на подавление юнионистских организаций, делают невозможным объединение Египта с Сирией.⁵⁴ Позиция, занятая президентом Г. А. Насером, не входила в особые противоречия с планами сирийских баасистов, которые возложили всю ответственность за отказ от создания федерации на Египет.⁵⁵ Для ПАСВ стало более важным и существенным построить свою межарабскую

политику с учетом того очевидного для нее обстоятельства, что доминирующие позиции Египта и насеризма в арабском мире объективно сужают сферу и ограничивают перспективы политической активности баасизма.

В то же время, если учесть реальное влияние и потенциал Египта, вытеснение насеризма с идеологической арены Арабского Востока могло стать не столько условием всестороннего торжества баасистских идей в арабском мире, сколько своеобразным средством их распространения и утверждения в политической среде тех арабских стран, руководство которых, в отличие от Египта, не имело определенной идеологической опоры. При этом ПАСВ учитывала и возможность использования традиционных исторических, политических и экономических связей Сирии с рядом арабских стран, и в первую очередь с Иорданией и Ливаном. С одной стороны, они привязывались к политико-идеологической программе ПАСВ общностью стоявшей перед ними задачи противостояния территориальной экспансии сионистов, а с другой — рассматривались как страны, не только связанные между собой традиционными узами, но и историко-географическая общность которых не могла подлежать сомнению.

В целом такой подход не мог быть в принципиальном разногласии с баасистским лозунгом арабского единства. Другое дело, какую реакцию могло вызвать такое стремление баасистов в политических кругах Ливана и Иордании. Очевидно, что отсутствие фундаментальных идеологических, политических и экономических предпосылок объединения не только предполагало односторонний характер курса сирийских баасистов на достижение единства между Сирией, Ливаном и Иорданией, но и резкое обострение отношений между столь различными режимами при первых же попытках его практического осуществления.

После тройственной агрессии против Египта в 1956 г. 80-ти километровый участок сирийско-израильской границы стал основным и постоянным объектом провокации со стороны Израиля. Только за период с начала 1957 г. и по март 1962 г. в этом районе имели место 347 вооруженных инцидентов.⁵⁶

В соответствии с соглашением о перемирии, подписанном Сирией и Израилем при содействии Совета Безопасности ООН 20 июля 1949 г., установленные демаркационные линии разъединения войск в основном совпали с пограничной линией между Сирией и подмандатной Палестиной. В тех же районах, которые оказались между этой бывшей сирийско-палестинской границей и демаркационными линиями перемирия, были установлены три демилитаризованные зоны. В соглашении особо подчеркивалось, что демаркационные линии не представляют собой окончательно признанных границ, поскольку положения соглашения обусловлены не политическими, а исключительно военными соображениями. При этом указывалось, что соблюдение положений соглашения должно быть направлено на создание соответствующих условий для мирного урегулирования палестинского вопроса.⁵⁷

Таким образом, вследствие отсутствия мирного соглашения между Сирией и Израилем, сирийско-израильская граница фактически представляла собой установленную в 1949 г. демаркационную линию разъединения войск. При этом обе стороны предъявляли территориальные претензии на районы демилитаризованных зон.

Неурегулированность пограничных вопросов между Сирией и Израилем осложнялась тем, что почти на всем своем протяжении демаркационная линия проходила по реке Иордан. В районе центральной демилитаризованной зоны, контролируемой Израилем, перепад уровня воды в реке Иордан составлял 282 метра, что создавало благоприятные возможности для строительства здесь электростанций и других ирригационных сооружений. Не случайно, что именно отсюда израильские власти собирались начать строительство канала для отвода вод реки Иордан вглубь территории Израиля, в пустыню Негев. Очевидно, что для осуществления любого проекта, связанного с использованием вод реки, требовалось согласие Сирии, контролировавшей ее левый берег. Более того, такой проект должен был быть также согласован и с Иорданией, поскольку в своем нижнем течении река проходит по ее территории. Наряду с возникающими при осуществлении этих

проектов трудностями политического характера, отвод Израилем вод реки Иордан, учитывая общую незначительность ее ресурсов и климатические условия района, имел бы неблагоприятные последствия для развития сельского хозяйства в тех районах Сирии и Иордании, которые располагались в бассейне реки. Но Сирия, прежде всего, стремилась не допустить реализации проекта по той причине, что это означало бы строительство новых израильских поселений на узурпированных сионистами палестинских землях.⁵⁸

Несмотря на рекомендации Организации Объединенных Наций не предпринимать осуществление каких-либо проектов в демилитаризованной зоне, Израиль не отказывался от попыток отвести воды реки Иордан в пустыню Негев. Наряду с проектом строительства канала из района центральной демилитаризованной зоны был также выдвинут альтернативный план отвода вод реки из района, расположенного ниже южной демилитаризованной зоны, к югу от Тивериадского озера.⁵⁹

Летом 1963 г. Израиль предпринял очередную попытку ввести войска в демилитаризованную зону. В ответ сирийское руководство направило жалобу в комиссию по перемирию и в Совет Безопасности ООН, а также приняло необходимые меры по пресечению агрессивных действий Израиля. В свою очередь правительство Израиля 20 августа отдало распоряжение своим войскам открыть огонь по сирийским пограничным пунктам, одновременно пытаясь возложить ответственность за напряженное положение на сирийскую сторону.⁶⁰

События на сирийско-израильской границе в августе 1963 г. со всей определенностью показали, что баасистское руководство Сирии полно решимости оказать серьезное противодействие экспансионистским планам Израиля, хотя эти планы угрожали не только интересам Сирии, но, главным образом, интересам Иордании. С этой точки зрения позиция, занятая сирийским руководством в отношении проекта отвода вод реки Иордан, может рассматриваться как первая попытка сирийских баасистов на практике продемонстрировать перед лицом растущей сионистской угрозы свою приверженность идеям арабской солидарности.

Решительная позиция Сирии способствовала укреплению авторитета партии Баас в арабском мире. О своей поддержке Сирии заявили правительства Ирака, Египта, Иордании, Саудовской Аравии, Ливана, Кувейта и Ливии.⁶¹

Основные направления деятельности ПАСВ и задачи сирийского руководства на межарабской арене в связи с активизацией агрессивного курса Израиля были рассмотрены на У1 национальном съезде партии, который состоялся в Дамаске 5-23 октября 1963 г.

В разделе резолюций съезда "Проблемы арабской борьбы" особо важное внимание было уделено консолидации прогрессивных сил в целях противодействия экспансионистским планам Израиля. Охарактеризовав попытки израильского руководства осуществить проект отвода вод р. Иордан в пустыню Негев как крайне серьезную угрозу всему арабскому миру, съезд призвал арабские страны и народы к пресечению этих опасных намерений, не останавливаясь перед применением силы. Подчеркнув, что Сирия и Ирак должны сыграть центральную роль в отражении сионистской экспансии, съезд одновременно указал на необходимость активного участия Египта в деле противодействия израильскому проекту.⁶²

Рассмотрев "позитивные и негативные аспекты режима Абдель Насера", съезд "подтвердил важность присутствия - качественного и количественного - Объединенной Арабской Республики в любом союзе". Одновременно подчеркивалось, что если положительные стороны режима Насера обязывают партию принять идею союза с ним, то отрицательные вынуждают ее принять этот режим "только как партнера, но не как основу этого союза".⁶³

Проанализировав в контексте развития арабского освободительного движения состояние палестинской проблемы, съезд выдвинул предложение о создании Фронта освобождения Палестины. Ответственность за осуществление этого предложения возлагалась съездом на все арабские страны, но в первую очередь на Сирию и Ирак. При этом специально оговаривалась необходимость оградить деятельность этого Фронта от негативного влияния межарабских разногласий.⁶⁴

Съезд также подчеркнул необходимость создания Прогрессивного арабского фронта, который охватил бы весь арабский мир и воплотил бы в себе идею арабского единства.⁶⁵

Значительное внимание в резолюциях съезда было уделено вопросам поддержки революционных преобразований в Йемене, освободительной и антиимпериалистической борьбы стран и народов Азии и Африки. Подтвердив приверженность принципам и целям движения неприсоединения, съезд особо отметил, что оно не создает препятствий для поддержания "тесных и дружественных отношений с народами социалистического лагеря". Вместе с тем, укрепление связей между народами "третьего мира" в рамках политики позитивного нейтралитета должно было, по мнению съезда, сыграть важную роль в "укреплении фронта борьбы против империализма".⁶⁶

Следует отметить, что эффективное осуществление выдвинутых на съезде задач в области арабской политики ПАСВ во многом связывала с планами установления единства между Сирией и Ираком. Однако вскоре после окончания У1 национального съезда, в ноябре 1963 г. иракские баасисты в результате государственного переворота, осуществленного под руководством М. А. Арефа, утратили руководящие позиции в стране. Это тяжело отразилось на положении баасистского режима в Сирии, над которым нависла реальная угроза политической изоляции в арабском мире: вслед за Египтом, Иорданией и Ливаном к антисирийской пропагандистской кампании присоединилось и новое руководство Ирака.⁶⁷

Несмотря на неблагоприятную обстановку, сирийское руководство не отказалось от проведения курса, намеченного на У1 национальном съезде ПАСВ. Предприняв ряд шагов по расширению связей с другими арабскими странами, оно — уже в одиночку, но также настойчиво — приступило к осуществлению поставленных задач.

23 декабря 1963 г. президент Египта Г. А. Насер, выступая в Порт-Саиде, призвал глав арабских государств принять участие в общеарабском совещании для разработки программы совместных действий в целях оказания эффективного противодействия экспансионистским планам Израиля.

Подчеркнув, что подобное совещание должно состояться вне зависимости от существующих между арабскими странами политических и идеологических разногласий, президент Г. А. Насер одновременно указал на необходимость взвешенного подхода к проблемам конфронтации с Израилем. "Я не намерен вести свою страну к катастрофе и не собираюсь рисковать ее судьбой", — особо отметил Г. А. Насер.⁶⁸

Прозвучавший в обращении египетского президента призыв к осмотрительности во всем, что касается вооруженного противоборства с Израилем, носил целенаправленный характер: еще до начала встречи в верхах Г. А. Насер хотел дать ясно понять, что Египет ни при каких обстоятельствах не позволит вовлечь себя неподготовленным в военные действия, на которые его "пытаются подтолкнуть определенные политические круги в арабском мире, выдвигающие лозунги немедленного проведения войны с Израилем". Было ясно, что Г. А. Насер при этом имел в виду главным образом баасистское руководство Сирии и, в частности, его неоднократные и настойчивые утверждения о том, что отказ от тотальной конфронтации с Израилем по причине определенного превосходства израильских вооруженных сил фактически является "призывом сложить оружие на основании того, что продолжение борьбы якобы даст врагу возможность оккупировать еще большую территорию, занять и укрепиться на новых позициях".⁶⁹

Таким образом, еще до начала работы совещания в верхах различия в позициях Сирии и Египта в отношении мер противодействия экспансионистской политике Израиля обнаружались достаточно рельефно. Следует отметить, что уже в ходе совещания, которое началось 13 января 1964 г., Сирия не сделала попытки сблизить свою позицию с египетской. Более того, глава сирийской делегации Амин Хафез открыто выступил с резкой критикой президента Г. А. Насера, пытаясь уличить его в пассивности и в стремлении избежать какой-либо конфронтации с Израилем под предлогом отсутствия благоприятных политических условий и недостаточной подготовленности арабских армий к ведению крупномасштабной войны с сионистским государством.⁷⁰

Изначальные расхождения между Сирией и Египтом в подходе к масштабам и характеру мер по оказанию эффективного противодействия экспансионистским планам Израиля в ходе развернувшейся на Каирском совещании дискуссии осложнились главным образом в силу следующих обстоятельств и причин. Во-первых, сирийское руководство считало, что стремление Г. А. Насера разработать на компромиссной основе общеарабскую позицию по палестинской проблеме, а также в отношении экспансионистских планов Израиля, на практике было прежде всего нацелено на решение ряда задач межарабской политики самого Египта, и в частности, на укрепление в тот период его позиций в Йемене, где египетские войска оказывали активную поддержку республиканским силам страны. Особое недовольство Сирии вызвало проявленное Египтом стремление нормализовать отношения с Иорданией и с Саудовской Аравией на основе признания ими республиканского режима в Йемене.

Хотя сирийское руководство также выступало в поддержку йеменской революции, но вместе с тем оно указывало на бесперспективность попыток стабилизировать положение республиканцев в Йемене путем уступок и отхода — пусть даже временного — от курса на расширение конфронтации с арабской реакцией. Более того, оно считало, что проявившееся в ходе Каирской встречи стремление ряда ее участников сконцентрировать внимание глав арабских государств на урегулирование межарабских отношений отвлекало их от главного — от эффективного решения вопросов арабо-израильской конфронтации. Надо отметить, что глава сирийской делегации Амин Хафез не делал при этом никаких попыток урегулировать противоречия и улучшить отношения Сирии с Египтом и Ираком.⁷¹

Во-вторых, Сирия не разделяла стремления президента Г. А. Насера ограничиться на этом этапе такими мерами пресечения сионистской экспансии, которые не вызвали бы резкого возрастания военно-политической напряженности в регионе и, тем самым, позволили бы арабам выиграть время, необходимое для серьезной и всесторонней организации эффективного вооруженного противодействия Израилю.

Еще до начала Каирского совещания, в ответ на попытки правящих кругов Израиля осуществить план переброски части вод реки Иордан в пустыню Негев, на уровне ЛАГ арабами был разработан контрпроект, который предусматривал постройку каналов и плотин, перекрывавших русла впадающих в реку Иордан ее притоков.⁷² Технический комитет ЛАГ представил на обсуждение участников Каирского совещания вышеуказанный проект, а также план его финансирования.

Одновременно представитель Постоянного военного командования ЛАГ подготовил доклад, связанный с вопросами обеспечения безопасности Сирии и Ливана на случай возможной израильской агрессии, если Израиль сделает попытку сорвать силой реализацию арабского контрпроекта. Главы арабских государств также рассмотрели альтернативный план решения проблемы вод реки Иордан, который предусматривал организацию широкомасштабных военных действий против Израиля.⁷³

Результатом работы конференции стало заявление 15 января о создании Объединенного арабского военного командования, наделенного административными и финансовыми полномочиями, и об учреждении штаб-квартиры этого командования.⁷⁴ 18 января в ходе состоявшейся пресс-конференции было уточнено, что руководителем командования назначен начальник генштаба египетских вооруженных сил генерал-лейтенант А. А. Амер, а штаб-квартира его будет располагаться в Каире. Ежегодный бюджет организации определялся в 34,5 млн. долларов.⁷⁵ Отмечалось также, что в мирное время Объединенное командование будет координировать вопросы военной политики арабских стран, а в случае агрессии Израиля — непосредственно направлять военные действия арабских армий.⁷⁶

Намечаемый таким образом характер деятельности Объединенного командования косвенным образом указывал на то, что Каирское совещание в целом поддерживало египетскую точку зрения в отношении противодействия экспансионистским планам Израиля, акцентируя необходимость принятия главным образом экономических санкций, в частности

реализации арабского проекта отсечения притоков реки Иордан. В дальнейшем это было подтверждено и материалами заключительного коммюнике совещания, в котором указывалось, что главы арабских государств "приняли необходимые практические решения в целях отражения сионистской угрозы как в области обороны, так и в технической сфере, а также посредством организации народа Палестины и предоставления ему возможности сыграть роль в освобождении своей страны и в определении своего будущего".⁷⁷

Сирия, однако, не только расценила эти меры как частичные, но и указывала на то, что их бесперспективность обусловлена уже тем, что при первой же попытке осуществления арабами контрпроекта им придется испытать на себе сильное давление со стороны Израиля и ответить на его вызов. И действительно, комментируя решения Каирского совещания, премьер-министр Израиля Л. Эшкол заявил 20 января 1964 г. в кнессете, что, не откладывая реализацию проекта по отводу вод реки Иордан, Израиль в то же время "... окажет сопротивление объединенным и незаконным мерам арабских государств и будет действовать в соответствии с необходимостью защиты своих жизненных прав".⁷⁸

Еще до начала работы Каирского совещания, в середине сентября 1963 г. Лига арабских государств (ЛАГ), рассмотрев на специальном заседании состояние палестинской проблемы в свете сложившейся в регионе обстановки, указала на необходимость создания "палестинского образования". Практическое осуществление этой задачи возлагалось главным образом на соответствующую общепалестинскую организацию, деятельность которой заключалась бы в мобилизации арабского народа Палестины на борьбу за восстановление своих законных прав.

Согласно принятому решению, официальным представителем палестинцев в ЛАГ был назначен Ахмад Шукейри, уполномоченный провести необходимые консультации с представителями своего народа в целях учреждения общепалестинского руководящего органа, который должен был, по существу, играть роль правительства в изгнании. А. Шукейри также было

поручено обсудить с арабскими руководителями вопросы, связанные с оказанием конкретной поддержки его миссии со стороны арабских государств.⁷⁹

Решение ЛАГ выражало стремление противопоставить экспансионистским планам правящих кругов Израиля вооруженную борьбу арабского народа Палестины за восстановление своих законных прав. В арабском мире хорошо понимали, что эффективное решение этой задачи невозможно без политической консолидации отрядов палестинского сопротивления в рамках единой организации и признания за ней права представлять арабский народ Палестины в борьбе за достижение его национальных прав. Вместе с тем, руководители ряда арабских стран, и в первую очередь непосредственно противостоящих израильскому экспансионизму, а именно Египта, Иордании и Сирии, учитывая все возможные последствия подобной консолидации в свете целей и требований их государственной политики, уже в процессе разработки проекта общепалестинской организации стремились создать условия для активного вовлечения всего палестинского сопротивления в сферу своего политико-идеологического влияния.

Подобная двойственность отношения арабских стран к палестинскому сопротивлению проявилась и в самой идее "палестинского образования", выдвинутого, как указывалось выше, ЛАГ в 1963 г.⁸⁰

Представляя собой очень своеобразное по форме национально-политическое объединение арабского народа Палестины, проект "палестинского образования" был, по сути дела, лишен конкретной территориальной основы. Не распространяя своего суверенитета на какую-либо часть бывшей подмандатной Палестины, это "образование" в структурном плане оказывалось, фактически привязанным к самому процессу политической и вооруженной борьбы палестинского сопротивления. В то же время эта борьба должна была организовываться и осуществляться с территории Иордании и других соседних с Израилем арабских стран и, уже хотя бы только в силу этого, находиться в согласованном подчинении с целями и требованиями их государственной политики.

Уже само по себе такое положение предопределяло не только подконтрольный характер "палестинского образования", но и способствовало дальнейшему развитию в правящих кругах арабских стран особого подхода к базирующимся на их территории отрядам палестинского сопротивления как к политико-идеологическому придатку их внешней политики.

Таким образом, выдвигая и поддерживая идею "палестинского образования", арабские страны стремились фактически к тому, чтобы активно регулировать развитие и размах вооруженной борьбы палестинцев в зависимости от характера и направленности выдвигаемых внешнеполитических задач, в частности, в области межарабской политики, и в соответствии с требованиями их конкретной позиции по актуальным проблемам конфронтации с Израилем.

На практике это означало, что при подходе к решению связанных с "палестинским образованием" проблем подавляющее большинство руководителей арабских стран отдавало приоритет политическим аспектам борьбы палестинского сопротивления, поскольку предоставление ПДС свободы вооруженных действий влекло за собой непосредственную угрозу агрессии со стороны Израиля, возможные последствия которой расценивались соразмерно степени военного превосходства израильских вооруженных сил.

Стремление арабских стран акцентировать, главным образом, политический аспект борьбы палестинцев при одновременном вовлечении их в сферу своей политической активности на межарабской арене находилось в очевидном противоречии с характером и задачами борьбы ПДС. Не случайно, что подавляющее большинство ведущих отрядов палестинского сопротивления довольно сдержанно отнеслись к выдвинутым в ЛАГ планам создания "палестинского образования" и Организации освобождения Палестины (ООП). "Их основное опасение, — замечает Р. Хамид, — заключалось в том, что ООП будет использована арабскими правительствами для ограничения роста национальных устремлений палестинцев путем привязки их к существующей структуре арабских государств, где ООП может стать объектом сильного дав-

ления, направленного на недопущение подрыва статус-кво в арабо-израильских отношениях".⁸¹ Их недовольство вызывало и то, что к реализации этих планов привлекались, в основном, те палестинские общественно-политические деятели, которые не столько имели заслуги в организации борьбы за восстановление законных прав арабского народа Палестины, сколько отвечали требованиям личной лояльности политике арабских режимов, санкционировавших вышеупомянутое решение ЛАГ. Так, король Иордании Хусейн дал свое согласие на "палестинское образование" только после того, как президент Г. А. Насер согласовал с ним кандидатуры руководящего состава будущей общепалестинской организации.⁸²

На кандидатуре А. Шукейри как лидера ООП настаивало главным образом египетское руководство, но она не вызывала принципиальных возражений и у короля Хусейна, который, по всей вероятности, находил его деятелем достаточно умеренного толка, чтобы поддержать его выдвижение в качестве руководителя организации, базирующейся в Иордании и опирающейся на его палестинских подданных. А. Шукейри до августа 1963 г. являлся представителем Саудовской Аравии в ООН. Однако после того, как он открыто поддержал Египет в вопросе республиканского Йемена, саудовское руководство предложило ему уйти в отставку. Очевидно, что и президент Г. А. Насер видел в А. Шукейри если не своего сторонника, то, во всяком случае, деятеля, который будет ориентироваться главным образом на Каир.

Собравшиеся в январе 1964 г. в Каире главы арабских государств при рассмотрении практических мер, направленных на решение палестинской проблемы, в основном ориентировались на рекомендации ЛАГ, принятые в сентябре 1963 г. Вместе с тем, утвердив их и уполномочив А. Шукейри провести необходимую подготовительную работу по созданию Организации освобождения Палестины, Каирское совещание фактически поддержало линию президента Г. А. Насера в палестинском вопросе, в частности, в отношении роли и характера борьбы арабского народа Палестины в противодействии экспансионистским планам Израиля.

Сирия, поддержав решения совещания, вместе с тем вынуждена была констатировать, что проявленная У1 национальным съездом ПАСВ инициатива по созданию общепалестинской военно-политической организации не дала ожидаемых результатов. Сирийскому руководству не только не удалось сориентировать процесс консолидации палестинского сопротивления на политико-идеологические установки баасизма, но и оказать какое-либо заметное влияние на разработку проекта создания ООП. Такое положение, подтвердив приоритет Египта в решении проблем общеарабского характера, одновременно свидетельствовало о том, что радикальной позиции сирийского руководства в ближневосточном конфликте подавляющее большинство арабских стран предпочитает более сбалансированную линию египетского президента.

То обстоятельство, что отдельные практические аспекты создания ООП были согласованы президентом Г. А. Насером с королем Иордании Хусейном, в то время как Сирия была практически исключена из этого процесса, имело в последующем самые важные последствия как в плане обострения сирийско-египетских разногласий, так и в плане оценки ПАСВ мер эффективного решения выдвинутой ею задачи освобождения Палестины.

Очевидно, что поддержка иорданским режимом более умеренной линии Египта была обусловлена не только желанием избежать крупномасштабной конфронтации с Израилем, но и стремлением не допустить усиления влияния Сирии в палестинском движении сопротивления, которое также являлось сторонником радикальных мер решения проблемы Палестины. Согласие короля Хусейна на "палестинское образование" позволяло иорданскому режиму апеллировать к авторитету Египта, противопоставляя его сбалансированную позицию в арабо-израильском конфликте радикальным требованиям самих палестинских организаций. Более того, согласовав с президентом Г. А. Насером кандидатуру руководящего состава ООП, король Хусейн не только способствовал выдвижению и укреплению влияния умеренно настроенных палестинских общественно-политических деятелей, но и попутно

решал две очень важные для него проблемы. Во-первых, противопоставляя "умеренную" ООП остальным палестинским организациям, король Хусейн препятствовал консолидации ПДС – процессу, который при определенных обстоятельствах мог представлять прямую угрозу правящему режиму. Во-вторых, обыгрывая сирийско-египетские разногласия и руководствуясь тем, что усиление влияния Египта на ООП будет происходить за счет соответственного ослабления влияния Сирии, король Хусейн препятствовал возможности активного использования ПАСВ палестинского фактора для реализации своих радикальных политических целей на межарабской арене.

Во второй половине февраля 1964 г. А. Шукейри приступил к исполнению возложенной на него миссии и проведению консультаций с руководителями Иордании, Сирии, Бахрейна, Ирака, Кувейта, Ливана и Судана.⁸³ В ходе его визитов в эти арабские страны А. Шукейри должен был обсудить проект Палестинской национальной хартии и Устав ООП, легших в основу "палестинского образования".⁸⁴

Сирийское руководство заняло в отношении А. Шукейри неоднозначную позицию: заявив о своей поддержке его миссии в целом, оно в то же время пыталось поставить под сомнение законность его выдвижения на роль лидера арабского народа Палестины. Так или иначе, но А. Шукейри остался удовлетворен встречей в Дамаске, заявив 5 марта, что Сирия поддерживает желание офицеров сирийской армии, палестинцев по происхождению, принять активное участие в формировании и обучении подразделений Армии освобождения Палестины (АОП).⁸⁵ Определенное влияние этой встречи можно было уловить и в заявлении, сделанном А. Шукейри в Каире по окончании его поездок по арабским странам: в нем, в частности, подчеркивалось, что задачи "палестинского образования" не ограничиваются только сферой политической борьбы и что ООП вплотную займется планами активного использования вооруженного потенциала палестинцев.⁸⁶

Буквально накануне созыва в Иерусалиме Палестинского

конгресса, который должен был рассмотреть и утвердить проект Палестинской национальной хартии и Устава ООП, Сирия предприняла попытку внести коррективы в процесс политической консолидации палестинцев. 20 мая руководство ПАСВ выступило с заявлением, в котором предложило создать специальный общеарабский механизм для подготовки и проведения всеобщих выборов в Палестинский национальный совет.⁸⁷ Сирийское предложение было рассчитано на то, что отказ от практики назначения членов совета сверху позволит не только придать создаваемой общепалестинской организации более радикальный характер, но и выведет ее одновременно из-под контроля Египта и Иордании. Такой подход в принципе соответствовал позиции ряда палестинских организаций, руководство которых не было представлено в подготовленном А. Шукейри списке кандидатов в Палестинский национальный совет. 24 мая эти организации (Фронт освобождения Палестины, ФАТХ, Революционный фронт освобождения Палестины, Блок палестинских командос, Арабский фронт освобождения Палестины и Организация национального освобождения) выступили с совместным коммюнике, в котором заявили о своем бойкоте конгресса, подчеркнув, что признают только путь вооруженной борьбы.⁸⁸

Метод назначения членов Палестинского национального совета сверху подвергся критике также и со стороны ряда других палестинских организаций и арабских государств, в частности, Саудовской Аравии.⁸⁹ Однако все в конечном итоге решила позиция Египта, который в категорической форме выступил против каких-либо изменений в намеченном порядке проведения первой сессии Национального совета Палестины.⁹⁰

Сессия открылась 28 мая 1964 г. в арабском секторе Иерусалима. В ней приняли участие представители палестинцев из всех арабских стран за исключением Саудовской Аравии.⁹¹ Совет принял решение о создании Организации освобождения Палестины и утвердил Национальную хартию, которая объявляла всех палестинцев членами ООП, а палестинский народ — ее основой. На сессии было также принято решение о создании Армии освобождения Палестины.⁹²

В статье 26 хартии признавалась ответственность Организации освобождения Палестины за освободительное движение палестинского народа.⁸³ Однако в своем выступлении на сессии А. Шукейри подчеркивал ту мысль, что "палестинское образование" не ставит своей целью отделение от Иордании территории Западного берега реки Иордан, а призвано обеспечить освобождение той части Палестины, которая контролируется сионистами.⁸⁴ Такая установка подверглась резкой критике со стороны не вошедших в ООП палестинских организаций, а также Сирии, которая требовала, чтобы ООП добивалась распространения своего суверенитета на всю Палестину.⁸⁵

Отношение сирийского руководства ко вновь созданной ООП приняло сдержанный характер. Это объяснялось, во-первых, тем, что, по его мнению ООП, уступая давлению со стороны Иордании, заняла нерешительную позицию по ряду важных вопросов, и в первую очередь тех, что касались определения границ "палестинского образования", взаимоотношений ПДС и иорданского режима, а также в отношении вооруженной конфронтации с Израилем. Такой подход, с точки зрения сирийского руководства, не только не отвечал необходимым требованиям борьбы за полное освобождение Палестины, но и мог в перспективе привести к полной утрате ООП предназначавшейся ей роли и превращению ее в послушный инструмент политики иорданского режима в палестинском вопросе.

Второе обстоятельство заключалось в том, что руководство ООП, ориентируясь в своей политической практике на Египет, оказалось, вопреки ожиданиям ПАСВ, больше под влиянием египетского режима, чем сирийского.

В связи с этим, не отказываясь от планов установления более тесного сотрудничества с ООП и стремясь укрепить свое идеологическое и политическое влияние на ПДС, Сирия взяла курс на военно-политическую поддержку тех его отрядов, которые формально не входили в ООП.⁸⁶ Одновременно она продолжала настаивать на сохранении ООП

самостоятельного военно-политического и организационного характера, стремясь к устранению контроля и сокращению влияния на ООП и ПДС со стороны других арабских стран, и в первую очередь Иордании и Египта.

В связи с дальнейшим развитием сирийско-египетских разногласий в отношении мер противодействия сионистской угрозе и решения палестинской проблемы необходимо отметить, что продолжая настаивать на приоритете экономических и политических средств борьбы, президент Г. А. Насер по-прежнему исходил из своей оценки ситуации в арабском мире и общего баланса сил, вовлеченных в арабо-израильскую конфронтацию. Требование начать крупномасштабную войну с Израилем представлялось ему авантюристическим, что, с другой стороны, вынуждало его к поиску альтернативных подходов к проблемам отражения сионистской экспансии и восстановления законных прав арабского народа Палестины.

В интервью английской "Обсервер" летом 1984 г. Г. А. Насер не случайно, на наш взгляд, отметил, что на настоящем этапе наиболее важным являются не переговоры по политическому урегулированию конфликта, а выполнение Израилем резолюции ООН по Палестине.⁹⁷ Это, хотя и самым косвенным образом, указывало на возможность признания Египтом правомерности мирного подхода к урегулированию арабо-израильских отношений в том случае, если правящие круги Израиля откажутся от осуществления своих экспансионистских программ и проявят реальное стремление к конструктивному решению палестинской проблемы.

Вместе с тем, заявление Г. А. Насера никак не означало, что Египет склоняется к тому, чтобы занять пассивную позицию в палестинском вопросе. "Арабы, — подчеркивал президент Египта, — никогда не согласятся со статус-кво в Палестине. Сегодня или завтра мы еще можем быть не в состоянии что-либо сделать, чтобы изменить это статус-кво, но само по себе оно невозможно!"⁹⁸

Таким образом, позиция Египта предусматривала два возможных подхода к решению проблем арабо-израильского конфликта.

Первый – принятие экономических и политических мер воздействия на Израиль, а также проведение мероприятий по консолидации арабского народа Палестины, направленных на всестороннее расширение его борьбы за свои права.

Второй подход предусматривал возможность применения средств силового давления на Израиль, однако, рассматривался как перспективный, поскольку предполагал наличие двух предпосылок: во-первых, создание единого арабского фронта борьбы, что требовало достижения превосходства арабских стран над Израилем прежде всего в экономической, социальной и политической сферах. И, во-вторых, достижение полной и всесторонней изоляции Израиля, и в первую очередь в плане разрыва его связей с империализмом – задача, которая, по мнению египетского руководства, могла быть решена путем ликвидации позиций и влияния империалистических держав в самом арабском мире.⁸⁹

В отличие от Египта, Сирия в период после Каирского совещания продолжала настаивать на той точке зрения, что единственно возможный путь оказать эффективное противодействие сионистской угрозе – это путь широкомасштабной вооруженной конфронтации с Израилем, которая должна быть начата немедленно, опираясь на уже достигнутый арабскими странами военный потенциал. Что же касалось использования политико-экономических средств давления на Израиль, то их действенность, по мнению Сирии, была ограниченной даже в том случае, если они были осуществлены.

Следует отметить, что выдвигаемые сирийским руководством аргументы в дальнейшем оказались косвенным образом подтверждены тем, что страны – непосредственные исполнители арабского контрпроекта – так и не решились развернуть работы в этом направлении в необходимых масштабах, мотивируя свою пассивность опасениями вооруженной агрессии со стороны Израиля.

Уже до начала работы второго общеарабского совещания в верхах в Александрии в сентябре 1964 г. от осуществления своей части проекта фактически отказался Ливан. По мнению руководства этой страны, было необходимо провести предва-

рительно ряд соответствующих оборонительных мероприятий, которые, однако, не только потребуют значительного времени, но и должны основываться исключительно на потенциале вооруженных сил самого Ливана. В связи с этим президент Ливана Ш. Хелу заявил также об отказе от размещения на территории страны контингентов войск из других арабских стран.¹⁰⁰

Позиция, занятая Ливаном, несмотря на определенные внешние различия, была по существу идентична позициям большинства арабских стран, а выдвинутые президентом Ш. Хелу требования явились показательными по крайней мере в двух важных отношениях. Во-первых, в том, что, согласовав в Каире план совместных действий, страны — непосредственные исполнители арабского контрпроекта — не считали себя гарантированными от опасности превентивных вооруженных действий со стороны Израиля. О том, что такая опасность носит реальный характер, отмечалось и в докладе А. А. Амера участникам совещания в Александрии: "Израиль безусловно предпримет вооруженную акцию на определенной стадии осуществления арабского плана по отводу".¹⁰¹ Дальнейшее же заявление А. А. Амера о том, что разработанный план обороны рассчитан только на тот случай, если Израиль будет действовать в одиночку, и не учитывал возможность вооруженной интервенции империалистических держав, только усугубило эти опасения.

Во-вторых, позиция Ливана была показательной и в том отношении, что вскрывала те подспудные негативные моменты на путях налаживания военно-политического сотрудничества арабских стран, которые определялись общей атмосферой недоверия и подозрительности в межарабских отношениях. Отказываясь принять на своей территории войска из других арабских стран, т.е. реализовать выдвинутый А.А.Амером план укрепления "восточного фронта", руководство Ливана могло, фактически, исходить не только из оценки возможной реакции Израиля¹⁰², но и того опасения, что эти войска, или даже их присутствие, могут тем или иным образом привести к дестабилизации политической ситуации в стране.

Рассматривая в свете вышеизложенного позицию Сирии, отметим, что в Александрии ее делегация вновь попыталась придать планам противодействия сионистской экспансии радикальный характер и добиться общеарабского одобрения курса на развертывание крупномасштабной конфронтации с Израилем. Однако, когда встал вопрос о вводе контингента египетских войск на территорию Сирии, в частности о переброске на сирийские базы подразделений египетских ВВС, сирийское руководство потребовало выделить значительные суммы на их содержание.¹⁰³

Акцентируя внимание на финансовых аспектах реализации плана межарабского военного сотрудничества, Сирия, фактически, затягивала решение вопроса о переброске египетских войск, что находилось в очевидном противоречии с его же выдвигаемым требованием оказать самое решительное противодействие Израилю. Чем можно было объяснить это противоречие?

Представляется, что позицию Сирии на общеарабском совещании в верхах в Александрии можно достаточно правильно оценить только с учетом стремления партии Баас достичь лидирующего положения в арабском мире. "Сирийское руководство, — справедливо отмечал в связи с этим Г. Торри, — старалось показать себя более радикальными арабскими националистами, а также более антиизраильскими, чем Насер".¹⁰⁴

Вместе с тем, при оценке позиции Сирии не следует, на наш взгляд, упускать из виду и то обстоятельство, что ввод египетских подразделений мог способствовать активизации деятельности юнионистов. Тем более, если учесть, что еще в июле 1964 г. на состоявшемся в Бейруте совещании сирийских юнионистских организаций ими вновь было выдвинуто требование немедленного объединения Сирии с Египтом. При этом лидеры этих организаций подчеркивали, что свою первоочередную задачу они видят в "...восстановлении ОАР путем ликвидации раскольнического баасистского режима и всех других способствующих сохранению раскола препятствий".¹⁰⁵

Ничто не указывало на то, что требования и планы сирийских юнионистов были согласованы с президентом Г. А. Насером или отвечали его устремлениям, однако, сами по себе они не могли не насторожить сирийское руководство. Оно, во всяком случае, предпочло на определенное время воздержаться от конкретного решения вопроса о приеме египетских подразделений, чтобы исключить саму возможность их учета в планах политической борьбы активизировавшихся свои действия сирийских юнионистских организаций. Это обстоятельство, наряду с духом соперничества в сирийско-египетских отношениях, и обусловило непоследовательность сирийской позиции в Александрии и в целом существенно влияло на возможность налаживания Сирией в тот период эффективного военно-политического сотрудничества с Египтом.

Отсутствие единства взглядов и действий арабских стран не выпало из поля зрения правящих кругов Израиля. На состоявшемся 13 сентября 1964 г. заседании члены израильского кабинета призвали мировое общественное мнение осудить принятые в Александрии решения, в частности, относительно создания Армии освобождения Палестины (АОП), и, вместе с тем, подтвердили свою решимость продолжить осуществление проекта по отводу вод реки Иордан.¹⁰⁶

В свою очередь Сирия, несмотря на отсутствие конкретного общеарабского оборонительного плана, взяла на себя инициативу по реализации арабского контрпроекта. Действуя в основном по трем направлениям, она приступила к проведению мероприятий по обеспечению работ по сооружению необходимых плотин и каналов, усилила контроль над демилитаризованными зонами и предприняла ряд попыток организовать общеарабское давление на империалистических союзников Израиля. В этих целях, в частности, 29 ноября Сирия призвала арабские правительства разорвать дипломатические отношения с теми странами, которые оказывают поддержку Израилю, а также, в случае необходимости, осуществить нефтяной бойкот Запада.¹⁰⁷

Активная позиция Сирии вызвала незамедлительную реакцию со стороны агрессивных военно-политических кругов

Израиля, которые усматривали в ней одно из основных препятствий на пути осуществления своих экспансионистских программ. Попытки Израиля оказать вооруженное давление на Сирию вызвали ее решительное противодействие, что в целом привело к резкому возрастанию напряженности на сирийско-израильской границе. Только за период с 16 ноября по 3 декабря 1964 г. положение в этом районе дважды стало предметом ¹⁰⁸ специального обсуждения в Совете Безопасности ООН.

Чем последовательнее осуществляла Сирия свои контрмеры, тем резче становились угрозы в ее адрес со стороны Израиля, тем чаще они подкреплялись различного рода провокациями израильских вооруженных сил. 15 января 1965 г. премьер-министр и министр обороны Израиля Л. Эшкол заявил на пресс-конференции для иностранных журналистов, что любая попытка арабов лишить Израиль возможности использовать воды реки Иордан ¹⁰⁹ будет рассматриваться как посягательство на границы страны. Член израильского кабинета генерал М. Даян в своих заявлениях пошел еще дальше, подчеркнув, что Израиль должен принять превентивные меры и силой пресечь ¹¹⁰ даже начало попыток арабских стран отвести притоки реки Иордан.

Действуя в соответствии с этими заявлениями, подразделения израильской армии в течение всей зимы и весны 1965 г. не переставали нагнетать военную напряженность на сирийско-израильской границе. Цель их провокаций состояла не только в том, чтобы помешать Сирии осуществить намеченные меры, но и оказать косвенное давление на другие страны, привлекаемые к реализации арабского контрпроекта. Более того, принимая во внимание реальное состояние и общую противоречивость межарабских отношений в тот период, Израиль рассчитывал также и на то, что взвинчивание военной напряженности на сирийско-израильской границе будет способствовать дальнейшему углублению разногласий между Сирией, с одной стороны, и Египтом, Иорданией и Ливаном — с другой, а это, в конечном итоге, могло поставить под вопрос саму возможность проведения в жизнь принятых в Каире и Александрии решений и внести раскол в ряды арабов в целом.

Действуя фактически в одиночку и не опираясь на военную поддержку других арабских стран, Сирия оказалась не в состоянии эффективно противодействовать агрессивным вылазкам Израиля, что, в конечном итоге, потребовало от нее определенной коррекции проводимого курса. После того, как 17 марта израильские войска осуществили массированную атаку на ирригационные объекты, сооружаемые на территории Сирии в соответствии с проектом по отсечению притоков реки Иордан, сирийское руководство было вынуждено пойти на временное приостановление проводимых работ.¹¹¹

Наряду с этим, однако, Сирия предприняла очередную попытку активизировать действия арабских стран и добиться установления прочного заслона на пути сионистской экспансии, создав условия для перехода к решительной вооруженной борьбе с Израилем. На состоявшемся в Каире 26-30 мая 1965 г. совещании премьеров арабских стран Сирия вновь потребовала дать немедленный и решительный отпор Израилю. В связи с этим сирийская делегация подтвердила предложение разместить часть подразделений военно-воздушных сил Египта на сирийских базах с тем, чтобы создать на "восточном фронте необходимый потенциал для развертывания вооруженной борьбы за освобождение Палестины".¹¹²

Египетское руководство, в принципе поддерживав это предложение, вместе с тем подчеркивало, что оно будет реализовано только в том случае, если Сирия гарантирует соблюдение согласованности в осуществлении своей политики с другими противостоящими Израилю арабскими странами. При этом Г. А. Насер дал ясно понять, что вооруженные силы Египта начнут немедленные боевые действия против Израиля только при возникновении реальной угрозы оккупации его войсками части территории Сирии.¹¹³

Комментируя итоги этого совещания и, в частности, поддержанную большинством арабских стран позицию Египта, президент Сирии А. Хафез заявил, что несмотря на проявленные арабскими руководителями пассивность и нерешительность, Сирия будет продолжать добиваться одобрения линии на радикальное решение проблемы Палестины. Одновременно сирийский руководитель высказал претензии к Египту,

отметив, что его подход определенно указывает то, что Сирия не может рассчитывать на реальную поддержку египетских вооруженных сил в случае израильской агрессии¹¹⁴.

В ответах президента Г. А. Насера на критические выпады Дамаска можно было четко проследить мысль о том, что Сирия в своих действиях руководствуется не столько стремлением добиться укрепления "восточного" фронта и наладить эффективное военно-политическое сотрудничество с Египтом, сколько беспочвенными опасениями о возможности использования юнионистами египетского контингента во внутривосточной борьбе. Указывая на непоследовательность сирийского руководства, Г. А. Насер подчеркивал: "Возникшая между нами и Сирией проблема не носила военный характер; это была проблема недоверия. Какие у нас были гарантии, что в том случае, если мы направим им самолеты, сирийцы затем не заявят, что пилоты ОАР готовили заговоры против них?".¹¹⁵

Таким образом, создавалась крайне противоречивая ситуация, при которой попытки консолидировать позиции арабских стран и укрепить "восточный" фронт на практике приводили к еще большему углублению разногласий между ними, а это, в свою очередь, ставило под вопрос возможность выработки единой линии в отражении сионистской экспансии. Такое положение дало египетской "Аль-Ахрам" основания указать на низкую эффективность и общую бесперспективность совещаний в верхах в деле организации борьбы с Израилем: "При всех случаях, политика совещаний в верхах не может привести к освобождению Палестины. Она не может быть освобождена при помощи конференций, выступлений и резолюций...".¹¹⁶

Несмотря на пессимистические прогнозы и утверждения египетской прессы о том, что только чудо может спасти курс на проведение общеарабских встреч¹¹⁷, такая встреча все же состоялась в Касабланке с 13 по 17 сентября 1965 г. Однако в центре внимания ее участников фактически оказались не столько вопросы, связанные с решением проблем арабо-израильского конфликта, сколько проблемы собственно межарабских отношений. Знаменательно, что одним из цен-

тральных достижений встречи, прошедшей под лозунгом "единства цели", а не "единства действий", стало подписание Пакта арабской солидарности, согласно которому ее участники обязались при решении общеарабских проблем, и в первую очередь палестинской, воздерживаться от проведения каких-либо недружественных акций.

Следует отметить, что встреча в Касабланке не только не способствовала улучшению сирийско-египетских отношений, но и вновь продемонстрировала низкий уровень взаимопонимания между Сирией и Египтом в целом. Президент А. Хафез в очередной раз упрекнул Египет в нежелании оказать реальную военную помощь Сирии, заявив также, что линия египетского руководства в отношении проблемы Палестины приобретает определенно капитулянтский характер. В свою очередь президент Г. А. Насер выдвинул ряд ответных обвинений, в частности в том, что Сирия перешла к активной поддержке антиправительственной деятельности египетских "братьев-мусульман".

Несмотря на то, что на заключительной стадии совещания сторонам несколько удалось примирить свои позиции, было ясно, что их реальная консолидация остается делом будущего. Более того, действия А. Хафеза в Касабланке, и в первую очередь его согласие впредь воздерживаться от критики арабских режимов, включая консервативные и реакционные, вызвали резкий протест со стороны левых сил в руководстве партии Баас. Они не только осудили решения встречи, назвав ее "касабланским спектаклем", но и вынудили А. Хафеза сложить с себя президентские полномочия.

*
* *
*

Позиция Сирии в ближневосточном конфликте в 1963 - 1966 гг., отразив общее для арабских стран стремление пресечь нарастание сионистской угрозы, вместе с тем про-

демонстрировала попытки партии Баас придать борьбе за освобождение Палестины особую и непосредственно связанную с развитием межарабских отношений направленность, и в частности добиться в ходе ее развертывания создания предпосылок для реализации политико-идеологических установок баасизма.

Исходя из утверждения о неизменности экспансионистской сущности сионизма, Сирия требовала одобрения линии на ликвидацию Израиля, подчеркивая, что любые попытки политического урегулирования конфликта будут способствовать приданию необратимости результатам сионистской экспансии и укреплению влияния империализма в регионе. На практике, однако, ее линия строилась с учетом того, что доминирующие позиции Египта в арабском мире существенно ограничивали сферу политико-идеологической активности баасизма. Понимая необходимость укрепления военно-политического сотрудничества с Египтом, сирийское руководство вместе с тем не отказывалось от обострения политико-идеологической полемики с Г. А. Насером, выдвигая на первый план вопросы борьбы с Израилем. Немаловажную роль при этом играли и опасения о возможности влияния этого сотрудничества на процесс активизации в Сирии юнионистов.

В результате позиция Сирии в конфликте приобрела в известной степени декларативный характер, что отчетливо проявилось в ходе подготовки и подписания декларации о создании Федерации Арабских Республик в апреле 1963 г., а также во время общеарабских совещаний в верхах в Каире (1964 г.), Александрии (1964 г.) и Касабланке (1965 г.).

Глава П

СИРИЯ НА ПУТЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ АГРЕССИВНЫМ ПЛАНАМ СИОНИСТСКО-ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА И ИЗРАИЛЬСКАЯ АГРЕССИЯ 1967 г.

Палестинская проблема в региональной политике левого крыла ПАСВ Сирии и аспекты роста военно-политической напряженности на Ближнем Востоке

"Движение 23 февраля", получившее поддержку всех выступавших за продолжение и углубление прогрессивных социально-экономических преобразований слоев сирийского общества, явилось "логическим выражением той длительной и сложной борьбы, которая шла внутри Баас между ее правым общеарабским руководством и левыми силами"¹. Власть в стране перешла в руки временного сирийского регионального руководства партии, которое отменило действовавшую временную конституцию и распустило Национальный революционный совет. Президентом республики был объявлен Нур ад-Дин аль-Атаси, а 1 марта 1966 г. Юсеф Зуэйн сформировал новое правительство Сирии, поставившего своей целью доведение до конца всех прогрессивных преобразований, построение "социалистического общества на научной основе с учетом конкретных условий, существующих в арабском мире"².

Успех "Движения 23 февраля" привел также к существенным сдвигам и в области внешней, и в первую очередь региональной, политики Сирии. Они, в частности, характеризовались принятием новой внешнеполитической концепции, в основе которой лежало утверждение о том, что проблема

арабского единства может быть успешно решена только лишь на базе революционной идеологии и путем объединения усилий прогрессивных арабских режимов "в борьбе за общеарабскую революцию, против сил реакции и империализма на Арабском Востоке".³ "Арабское единство, — справедливо отмечал в связи с этим Дж. Ленчовский, — осталось целью, но его приоритет был подчинен более высшему приоритету революции в арабском мире. Революция должна была стать предпосылкой единства".⁴

В своем окончательном виде цели и задачи внешнеполитической программы левого крыла ПАСВ были сформулированы на IX национальном съезде партии, состоявшемся в Дамаске в сентябре 1966 г. В принятых на съезде резолюциях, в частности, указывалось, что "объективная и научная сущность борьбы за единство и социализм на настоящем этапе представлена проведением всеобщей войны за освобождение, активное участие в которой принимают арабские трудящиеся массы и прогрессивные силы".⁵ При этом подчеркивалось, что ПАСВ в своей борьбе за осуществление поставленной цели — создание объединенного арабского социалистического общества — исходит из следующих принципов и положений: единство борьбы масс является "практическим воплощением единства арабской нации и неизбежным средством осуществления социалистической революции"; основное противоречие арабского мира представлено конфликтом между "трудящимися массами и прогрессивными силами, с одной стороны, а с другой — силами, враждебными интересам этих масс, — колониализмом, сионизмом и реакцией"; борьба трудящихся масс должна основываться на органическом сочетании "между классовой борьбой, направленной на ликвидацию эксплуатации и отсталости, и общенациональной борьбой за преодоление разобщенности единой арабской родины"; революция ПАСВ в Сирии является "частью ее общенациональной революции и результатом всеобщей революционной борьбы, развернутой партией на уровне всей арабской родины"; дело освобождения Палестины является точкой опоры партии "во внутренней, арабской и международной сферах и в ее работе

по мобилизации всех усилий", направленных на ликвидацию позиций империализма, сионизма и реакции в регионе; историческая ответственность за достижение единства арабской нации "лежит на революционных силах и прогрессивных движениях арабского мира"; сплоченность прогрессивных сил на всех уровнях, и в первую очередь в самом ходе "народной войны за освобождение Палестины, а также других национальных и освободительных битв", должна стать не только предпосылкой победы общеарабской революции, но и выступить в качестве платформы для их дальнейшего объединения.⁶

Борьба за освобождение Палестины, фактически, должна была сыграть роль своеобразного катализатора в развитии общеарабской революции в ходе народно-освободительной войны. Как указывалось в связи с этим в резолюциях съезда, "война распространится на все арабские территории в соответствии с потребностями битвы".⁷ При этом особо подчеркивалось, что координация усилий по освобождению Палестины с борьбой "в других местах должна проводиться таким образом, чтобы ускорить реализацию основной цели, а именно, освобождение всей арабской родины".⁸ Акцентируя эту установку, съезд призывал к усилению борьбы против прозападных режимов в Саудовской Аравии, Иордании, Ливии, Марокко, Кувейте, эмиратах и султанатах на юге Аравийского полуострова, Тунисе и Ливане, представлявших собой, по оценке руководства ПАСВ, "центры арабского капитализма и политической реакции, где вынашиваются планы заговоров против революционных движений в арабской родине".⁹

Указывая на общность стратегических интересов арабской реакции, с одной стороны, и сионизма и империализма — с другой, съезд рассматривал борьбу против Израиля не как против национального еврейского государства, а исключительно как базы империализма на Арабском Востоке, "созданной для охраны колониальных интересов в этом регионе и защиты реакционных правящих режимов".¹⁰ В этой связи съезд подчеркнул, что до тех пор, пока существование Израиля будет представлять собой основную преграду на пути прогрессивного экономического и социального развития

арабских народов и способствовать разобщенности арабской нации, "все победы, достигнутые арабскими массами, будут незначительными и непрочными".¹¹

Традиционный подход к решению палестинской проблемы, предполагавший достижение арабами военного превосходства над Израилем, а только затем переход к активной борьбе, расценивался съездом как пораженческий и категорически отвергался. По мнению руководства ПАСВ, в условиях постоянного и усиленного снабжения Западом вооруженных сил Израиля всеми видами новейшей военной техники подобный подход представляет собой "фактический призыв к признанию сионистского врага".¹² Одновременно указывалось, что поскольку ассигнование арабскими странами значительных средств на вооружение отрицательно влияет на их социально-экономическое развитие, то дальнейшая приверженность этому методу будет угрожать не только делу освобождения Палестины, но и "будущему всего прогрессивного в арабской нации".¹³ Более того, учитывая более широкие финансовые возможности реакционных и консервативных режимов в ряде арабских нефтедобывающих странах, съезд указал на то, что закупка ими современного вооружения на деле направлена на достижение военного превосходства над прогрессивными арабскими режимами, а не над Израилем. По мнению руководства ПАСВ, именно это обстоятельство определяло реальную целенаправленность призывов арабских реакционных и консервативных режимов более взвешенно подходить к военным аспектам арабо-израильского конфликта.¹⁴

Традиционному методу съезд противопоставлял "путь народного освобождения, которому ... последовали народные массы в Алжире" и который обеспечил их решительную победу над полумиллионной оккупационной армией французских империалистов.¹⁵ При этом подчеркивалось, что борьба такого рода должна быть тщательно спланирована с учетом возможностей противоборствующих сторон и должна проводиться наряду с усилением деятельности по консолидации прогрессивных сил арабского мира. Сближение и объединение

этих сил должны были происходить на основе равноправия и с учетом прошлого негативного опыта арабского единства, а возникающие между прогрессивными режимами разногласия следовало преодолевать посредством "взаимной критики, обоюдного контроля и обмена опытом на основе верности и лояльности борющимся массам"¹⁶.

Подтверждая свою приверженность принципам равноправия, ПАСВ вместе с тем отводила себе центральную и ведущую роль в провозглашаемой всеобъемлющей борьбе против сил реакции, сионизма и империализма на Арабском Востоке. Руководство партии мотивировало это тем, что только ПАСВ в полной мере обладает всеми необходимыми "средствами и возможностями, чтобы стать партией масс и их авангардом на пути к истинным принципам и концепциям современных арабских революций..."¹⁷ Одновременно в решениях съезда особо оговаривалось, что сближение партии в целях совместной борьбы с другими прогрессивными арабскими политическими силами не должно происходить в ущерб ее руководящей роли.¹⁸

Съезд также определил, что практическая деятельность партии должна быть направлена на "просвещение арабских масс, на их реорганизацию и на мобилизацию их энергии и потенциала в ходе народно-освободительной войны"¹⁹. Подготовка к этой войне провозглашалась в качестве центральной задачи партии, которая брала на себя обязательство принять все необходимые меры к тому, чтобы "в самом ближайшем будущем превратить лозунг (народно-освободительной войны - Г. Г.) в реальный факт".²⁰

В какой мере появление качественно новых тенденций в региональной политике Сирии, зафиксированных в решениях съезда, отвечало стремлению левого крыла ПАСВ расширить и углубить процесс прогрессивных социально-экономических преобразований внутри страны? Вопрос этот имеет немало-важное значение не только для понимания политической практики сирийского партийно-правительственного руководства в тот период в целом, но и для более всесторонней оценки причин и мотивов агрессии, осуществленной Израилем против Сирии, а также Египта и Иордании в июне 1967 г.

Как будет показано ниже, для империалистических кругов Запада в 1967 г. побудительным мотивом для того, чтобы двинуть против Сирии израильскую военную машину, был прежде всего проводимый сирийским руководством прогрессивный внутривосточный курс. Что же касалось при этом внешнеполитической программы ПАСВ, и в первую очередь тех ее аспектов, которые касались Израиля, то она, как это в дальнейшем признали сами представители израильской военщины, не расценивалась ни в Тель-Авиве, ни в столицах поддерживающих его империалистических держав в качестве какой-либо серьезной угрозы существованию сионистского государства.²¹ И действительно, даже самый общий анализ материалов IX национального съезда ПАСВ показывает, что выдвинутое на нем требование усилить борьбу с Израилем носило на том этапе хотя и не менее важный, но все-таки, по сравнению с задачами арабской политики партии, второстепенный характер, выступая на практике главным образом как одно из условий подавления арабской реакции. Призывая в ходе активного противодействия сионистской экспансии к расширению открытого противоборства со всеми реакционными арабскими режимами, левые баасисты пытались "революционизировать" арабский мир и, фактически, добиться создания на Арабском Востоке такой ситуации, когда бы вопрос установления надежного заслона агрессивной политике сионизма и империализма стал бы вопросом объединения между охваченными революцией арабскими странами.

Взяв курс на расширение и углубление прогрессивных социально-экономических преобразований, руководство ПАСВ справедливо полагало, что его реализация вызовет активное и всестороннее противодействие всех реакционных сил как в самой Сирии, так и за ее пределами и что в связи с этим конфронтация с ними является неизбежной. Вместе с тем, отдавая приоритет решению проблемы арабского единства, партия целенаправленно шла на ужесточение этой конфронтации в попытке захватить стратегическую инициативу и, тем самым, обеспечить не только дальнейшее развитие революционного процесса в Сирии, но и успех своей националистической доктрины в целом.

Таким образом, в своей политической практике сирийское партийно-правительственное руководство пыталось совместить в рамках лозунга "Единство, свобода, социализм" два направления, противоречащих друг другу не столько по существу своего содержания, сколько по характеру взаимосвязанности в реально складывавшихся в регионе условиях. Первое из них, связанное с решением задач прогрессивного переустройства Сирии, было, фактически, подчинено второму, направленному на реализацию идеи арабского единства, а это означало, что насущные и реально выполнимые цели отходили на второй план по сравнению с целью, достижение которой в обозримом будущем было крайне проблематично.

Как показало дальнейшее развитие событий, опасность этого противоречия состояла главным образом в том, что, сосредоточив усилия на решении проблемы арабского единства, сирийское руководство явно недооценивало возможные последствия своей региональной политики с точки зрения реакции Запада, и в первую очередь империалистических монополий, интересы которых прямо или косвенно ущемлялись в результате проводимых в Сирии социально-экономических преобразований. И по мере того, как росло недовольство этих монополий режимом в Дамаске, призывы последнего к проведению народно-освободительной войны объективно способствовали созданию благоприятной атмосферы для наведения соответствующего камуфляжа на процесс всесторонней оптимизации их политических и финансово-экономических интересов с экспансионистскими устремлениями правящих кругов Израиля.

Как известно, к середине 1960-х годов Израиль подошел в состоянии глубокого политического и социально-экономического кризиса. Не только армейские круги, но и гражданское руководство страны видело выход из создавшегося положения в развязывании войны с соседними арабскими государствами. По расчетам израильских лидеров, — указывает И. Д. Звягельская, — новая война могла не только привести к расширению границ государства и к ослаблению антиимпериалистических арабских режимов, но и вызвать

новый приток безвозмездных пожертвований со стороны международных сионистских организаций и из западных стран. Кроме того, они надеялись в случае резкого усиления напряженности на Ближнем Востоке сгладить с помощью националистических лозунгов нараставшие социально-политические противоречия в стране".²²

Подготавливая агрессию, правящие круги Израиля исходили из того, что конечный успех политики территориальной экспансии будет во многом зависеть не только от еще более тесного сближения интересов сионизма и империализма на Ближнем Востоке, но и от степени влияния результатов этой агрессии на перспективы развития арабского национально-освободительного движения и на происходивший в арабском мире процесс политико-идеологической поляризации. Вот почему, если с точки зрения территориальных целей агрессии наибольший интерес для сионистских кругов представляла Иордания, то в политическом плане ее острие направлялось против Сирии и Египта. Военное поражение этих стран, являясь необходимым условием для захвата новых территорий Израилем, могло вместе с тем привести к созданию серьезных предпосылок для коренной трансформации их политического курса, к свертыванию набравших в них силу процессов прогрессивных преобразований и к отходу от антиимпериалистических позиций в области внешней политики. А это, в свою очередь, могло оказать решающее влияние на развитие и исход политико-идеологической борьбы в арабском мире в пользу реакционных и консервативных сил, что отвечало бы стратегическим интересам и сионизма, и империализма.

Вместе с тем, при подготовке агрессии военно-политические круги Израиля были вынуждены учитывать и все те ее возможные последствия, которые могли так или иначе повлиять на положение страны на международной арене, на ее внешнеполитические связи и обязательства, а также на обстановку в мировой политике в целом. Опираясь на поддержку мирового сионизма, эти круги в качестве первоочередной поставили перед собой задачу создания в регионе такой ситуации, которая облегчила бы и ускорила получение от

империалистических покровителей Израиля санкции на переход к широкомасштабным и решительным боевым действиям. Речь, в частности, шла о том, чтобы дискредитировать прогрессивные арабские режимы на международной арене, выставить их в качестве агрессивной стороны, стремящейся уничтожить Израиль и угрожающей его населению геноцидом, и добиться их осуждения со стороны мирового сообщества. Параллельно этому определенные усилия должны были быть направлены на расширение в западной прессе антиарабской кампании, цель которой состояла в том, чтобы исказить истинные причины и мотивы возрастания напряженности на Ближнем Востоке и дезориентировать мировое общественное мнение, расположив его в пользу Израиля.

Вышеуказанные меры должны были обеспечить соответствующий морально-политический камуфляж агрессивным устремлениям правящих кругов Израиля, а также убрать определенные препятствия на пути произраильской ближневосточной политики империалистических держав, в первую очередь США. Основной упор, однако, Тель-Авив сделал на то, чтобы к моменту наивысшего обострения в политико-экономических отношениях этих держав и прогрессивных арабских режимов военно-политическая напряженность в регионе также бы достигла своего апогея. Продвигая решение этой задачи, израильское руководство сосредоточило внимание в основном на двух направлениях: на поддержке Сирией вооруженной борьбы ПДС, заметно активизировавшейся с начала 1965 г., и на росте противоречий, к которым приводила эта активизация в отношениях между Сирией и ПДС, с одной стороны, и Иорданией — с другой.

Не трудно заметить, что с точки зрения преследуемых Израилем целей важнейшее значение приобретало не столько расширение самой вооруженной борьбы палестинцев, сколько ее влияние на обстановку в регионе, и в первую очередь на характер взаимоотношений между арабскими странами. В Тель-Авиве, очевидно, рассчитывали, что Сирия будет стремиться к такому развитию палестинского сопротивления, которое, укрепляя ее позиции в арабском мире, одновремен-

но приводило бы к созданию альтернативного правящему в Иордании режиму центра сил. К такому выводу, во всяком случае, располагали те положения IX национального съезда ПАСВ, в которых особо подчеркивалась необходимость борьбы против "плацдарма реакции" в регионе — монархической Иордании.²³ С другой стороны, уже в ходе создания ООП правящий режим в Иордании довольно четко дал понять, что он будет придерживаться такого решения всех связанных с "палестинским образованием" вопросов, которое обеспечивало бы поддержку его позиции в ближневосточном конфликте "умеренными" арабскими странами, но отводило бы в то же время угрозу активизации палестинцев внутри страны и не давало бы Израилю повода для осуществления "превентивных акций". Столь явные и взаимонеприемлемые различия в подходах Сирии и Иордании к роли и перспективам борьбы ПДС не только предполагали дальнейшее обострение отношений между двумя странами, но и исключали саму возможность достижения ими согласованности в вопросах противодействия агрессивной политике Израиля. Понятно, что такое положение устраивало израильскую верхушку, тем более, что оно создавало дополнительные возможности для взвинчивания военно-политической напряженности в регионе.

Оценивая в свете вышеизложенного положение ПДС, следует отметить, что рост его военно-политического потенциала в этот период существенно сдерживался в силу продолжающихся углубляться межарабских противоречий и разногласий. Более того, вовлекаясь в них, — вольно или невольно, как по политико-идеологическим соображениям, так и в результате оказываемого сверху давления — еще не окрепшие отряды палестинского сопротивления оказывались под угрозой периодической разобщенности. Создание ООП не внесло существенных позитивных изменений в это положение, поскольку ее консолидирующая роль во многом продолжала зависеть от того, сумеют ли руководители арабских стран согласовать свои позиции в палестинском вопросе не на словах, а на деле, органически связать свои государственные интересы с интересами арабского народа Палестины на основе и в рамках противодействия глобальным

антиарабским планам сионизма. К сожалению, реальное состояние политического климата в арабском мире накануне израильской агрессии не давало оснований полагать, что в подходе большинства арабских стран к палестинскому вопросу произойдут соответствующие изменения и в их оценке перспектив развития своих отношений с ПДС и ООП не будут более превалировать конъюнктурные соображения.

На этом фоне особо выделялись отношения между Сирией и ПДС, заметно расширившиеся и укрепившиеся после февраля 1966 г., в частности, в результате выдвижения палестинской проблемы на острие внешнеполитической концепции левого крыла ПАСВ. "Заинтересованность в сирийско-палестинском сближении, — указывает в этой связи Е.Дмитриев, — была обоюдной. Палестинское руководство исходило из того, что Сирия как государство с прогрессивным режимом и ставящее перед собой политические цели, аналогичные целям палестинского движения, сможет оказать наиболее действенную и активную поддержку палестинского дела".²⁴

Следует, однако, отметить, что процесс сближения между Сирией и ПДС, как и их военно-политическое сотрудничество в целом, не был лишен внутренней противоречивости. Она, в частности, определялась тем, что имевшееся общее в идеологических установках сторон, обеспечивая основу для их взаимодействия, оказывалось в то же время недостаточным для выработки единой линии относительно конечных целей борьбы за освобождение Палестины.

Как и в концепциях ПАСВ, в идеологических установках палестинского национально-освободительного движения борьба за освобождение Палестины неразрывно связывалась с реализацией идеи арабского единства. Вместе с тем, эта неразрывность получала у него отличную от баасистской трактовку, отражавшую устремления палестинских арабов к национальному самоопределению, к созданию своего независимого суверенного государства. Так, в Палестинской национальной хартии в связи с этим указывалось: "Арабское единство и освобождение Палестины являются двумя дополняющими друг друга целями, и достижение одной из них облегчает

достижение второй. Таким образом, арабское единство ведет к освобождению Палестины, а освобождение Палестины – к арабскому единству, и деятельность в направлении реализации одной цели идет одновременно с реализацией другой”.²⁵ Далее в Хартии утверждалось: “Судьба арабской нации и само существование арабов зависят от судьбы палестинского дела. Из этой взаимосвязанности исходят стремление и борьба арабской нации за освобождение Палестины. Народ Палестины играет роль авангарда в осуществлении этой святой цели”.²⁶

Наряду с утверждением палестинского национализма как ядра, консолидирующего начала всех прогрессивных тенденций арабского национализма, Хартия настаивала на соблюдении приоритета национальных задач палестинцев, принимающих в борьбе за арабское единство самостоятельное и равноправное участие. “Палестинский народ, – подчеркивалось в ней, – верит в арабское единство. Однако, чтобы внести свой вклад в достижение этой цели, на настоящем этапе борьбы он должен сохранять свою палестинскую идентичность и препятствовать любым планам, направленным на ее растворение или ослабление”.²⁷ Эта установка, фактически, отражала укрепившееся среди палестинских лидеров в 1950-е – начале 1960-х годов убеждение о необходимости “самостоятельного организационного оформления палестинского национально-освободительного движения, о важности выдвижения таких политических лозунгов, которые, будучи по своему характеру отражением общеарабской борьбы против империализма и внутренней реакции, вместе с тем отстаивали бы национальные интересы палестинского народа”.²⁸

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что общая для ПДС и ПАСВ задача освобождения Палестины в то же время представляла собой вполне определенный водораздел между максимальными устремлениями палестинского национализма и минимальными целями баасистской программы. Иначе говоря, освобождение Палестины являлось для палестинского национально-освободительного движения условием создания национального государственного образования палестинских арабов, в то время как для ПАСВ эта задача носила

этапный характер в планах решения всего комплекса ее политико-идеологических установок.

При всей своей важности и чреватости различного рода осложнениями в будущем, эти расхождения, однако, не могли нарушить в целом позитивный характер сирийско-палестинских отношений. Создавшееся в них относительное равновесие позволяло ПАСВ самым активным образом привлекать к реализации своих общеарабских задач революционный потенциал палестинского национализма, размеры и значение которого в развитии политико-идеологической борьбы в арабском мире возрастали прямо пропорционально усилению империалистического давления на Ближнем Востоке и расширению агрессивных вылазок Израиля. Со своей стороны, опираясь на антиимпериалистический и антиссионистский курс ПАСВ, палестинское сопротивление не только приобретало в лице Сирии влиятельного союзника, но и решало с ее помощью насущные задачи укрепления своего военно-политического потенциала.

Усилению ориентации ПДС и ООП на Сирию в известной степени способствовало и обострение палестинско-иорданских отношений.

После того, как с января 1965 г. палестинцы приступили к проведению операций на израильской территории, Израиль стал использовать эти акции в качестве предлога для нападения на арабские страны, рассчитывая, в частности, "заставить последние предпринять жесткие меры против палестинского движения".²⁹ Поскольку основные базы палестинцев находились в Иордании, то большая часть ударов израильской армии приходилась на эту страну. Так, уже в мае 1965 г. массированным налетам израильтян подверглись расположенные на Западном берегу р. Иордан населенные пункты Аль-Шунух, Дженин и Калькилия.³⁰

Наряду со стремлением монархического режима в Иордании не допустить политической активизации своих палестинских подданных, израильские акции создавали предпосылки для периодических столкновений отрядов ПДС с местными властями. При этом палестинское сопротивление оказывалось

в крайне невыгодном положении, поскольку, уступая давлению со стороны властей в принципиальном вопросе вооруженной борьбы, оно ставило под удар свою и без того ограниченную самостоятельность, а идя на расширение возникавших конфликтов, — распыляло свои силы и даже рисковало своим присутствием в стране. Особенно опасной представлялась ПДС становившаяся все более реальной перспектива лишиться баз на Западном берегу р. Иордан, поскольку это оторвало бы его от основной массы палестинских арабов. В этих условиях, отстаивая свое право на проведение боевых операций с иорданской территории, палестинское сопротивление рассчитывало не только на поддержку патриотически настроенных слоев местного палестинского населения, но и на всестороннюю помощь Сирии. Это, в свою очередь, интерпретировалось Амманом как стремление ПДС способствовать экспорту в страну баасистской революции. Так, например, в июле 1966 г. иорданский премьер В. ат-Телл выступил с нападками на Сирию, обвинив ее в попытках спровоцировать государственный переворот при активном участии ПДС.³¹

Пытаясь возложить ответственность за рост напряженности в стране на руководство ООП, король Иордании Хусейн в послании к президенту Г. А. Насеру указывал: "Цель ООП в ее нынешних формах — разрушение Иордании и всего, что мы за долгие годы смогли добиться для нашей нации и для Палестины. Мы не сможем длительное время сотрудничать с этой организацией".³² Руководство ООП в свою очередь усилило критику правящего режима, требуя, в частности, чтобы он проводил более действенную линию в борьбе с Израилем. Поводом этому послужил категорический отказ иорданского правительства поддержать предложение ООП объявить Иерусалим столицей Иордании в ответ на принятое в сентябре 1966 г. Израилем провокационное решение о переводе в этот город кнессета. Сирия же, напротив, одобрила позицию ООП, подчеркнув, что "Израиль осуществляет эту серьезную акцию (перевод кнессета — Г. Г.) в тесном сотрудничестве с англо-американским империализмом как часть своих экспансионистских планов и усилий, направленных на то, чтобы вынудить иностранные державы признать его столицей оккупированный Иерусалим".³³

Активная поддержка Сирией этого и других требований ООП, а также вооруженной борьбы палестинцев в целом, была использована Израилем в качестве предлога для очередного раунда вооруженных провокаций на сирийской границе. При этом в Тель-Авиве даже не пытались хоть как-то замаскировать свои истинные намерения: 11 сентября начальник генерального штаба израильской армии генерал И. Рабин прямо заявил, что цель нападений — ликвидация режима в Дамаске.³⁴ В свою очередь израильский премьер Л. Эшкол в заявлении от 18 сентября подчеркнул, что Сирия будет нести ответственность за все акты саботажа вне зависимости от того, через границу какого государства проникнут на территорию Израиля палестинцы.³⁵

Заявление Л. Эшкола было интересно, в частности, тем, что оно косвенным образом опровергало имевшие место домыслы о том, что Сирия, поддерживая ПДС, практически ничем не рискует, но в то же время ставит под удар Иорданию, причем, с одной единственной целью — дестабилизировать ее правящий режим. В этой связи следует также отметить, что, несмотря на углубление кризиса в отношениях с ПДС и ООП, равно как и в отношениях с Сирией, король Хусейн хорошо понимал, что реальная опасность для Иордании исходит только и только со стороны Израиля. Не случайно, что в период возросшей напряженности на сирийско-израильской границе правительство Иордании 10 октября 1966 г. официально заявило, что в случае израильской агрессии против Сирии иорданские вооруженные силы примут самое непосредственное участие в ее отражении.³⁶

В октябре 1966 г. Сирия выступила с предложением ввести на территорию Иордании части Армии освобождения Палестины (АОП), дислоцированные в ряде арабских стран. Такой шаг сирийское руководство объясняло возросшей необходимостью укрепления позиций ПДС в Иордании и защиты его баз от нападений со стороны Израиля. Однако иорданские власти, опасаясь роста сирийского влияния и расширения военного присутствия ПДС в стране, в категорической форме отклонили это предложение.³⁷

Отказ Иордании поддержать сирийскую инициативу в известной степени был также обусловлен учетом возможной реакции на ввод в страну частей АОП со стороны Израиля.

В условиях нараставшего в Иордании внутривосточного кризиса появление этих частей давало Израилю повод расценить положение правящего режима как безнадежное. А это, в свою очередь, позволило бы ему перешагнуть через ту шаткую преграду на пути к захвату территории Западного берега р. Иордан, которую обеспечивали прозападная ориентация Иордании и, в частности, ее тесные связи с империалистическими кругами Великобритании. "В период, минувший после суэцких событий, — поясняет это общее положение Д. Маклэйн, — любая националистическая революция в Иордании почти обязательно вызвала бы захват левого берега реки Иордан Израилем, опирающимся на англо-американскую поддержку".³⁸

Проявленная иорданским режимом осторожность не могла, однако, обеспечить стране мир и стабильность. При всем своем желании отмежеваться от конфронтации с Израилем, на практике Иордания не могла остаться в стороне от охватывающего Ближний Восток военно-политического кризиса. И не потому только, что активизируемое политическими лозунгами ООП и практическими действиями ПДС палестинское население страны все более настойчиво требовало от властей предпринять конкретные и весомые шаги по решению палестинской проблемы. Возможность ее нейтралитета давно была принята во внимание в стратегических планах военно-политических кругов Израиля, и, предупреждая эту возможность, израильская армия последовательно ужесточала "превентивные" удары по базам ПДС и палестинским деревням, расположенным на Западном берегу р. Иордан.

13 ноября 1966 г. подразделения израильской армии совершили массированный налет на населенный пункт Ас-Саму, в результате которого он был почти полностью разрушен, а более 150 его жителей — убито или ранено. Факт агрессии был настолько очевидным, а действия израильской воищины — настолько бесчеловечными и варварскими, что даже США были вынуждены осудить Израиль на созванном в связи с этим заседании Совета Безопасности ООН.³⁹ Тем не менее,

правлящие круги Израиля и в этом случае попытались ввести в заблуждение мировое общественное мнение, объясняя свои действия необходимостью остановить рост "арабской угрозы". Указывая на Сирию как на эпицентр этой угрозы и стремясь переложить на нее ответственность за события в Ас-Саму, 16 ноября израильский премьер Л. Эшкол вновь выступил с угрозами в адрес сирийского руководства, обвинив его в подстрекательстве палестинцев и организации актов саботажа и диверсий против Израиля.⁴⁰

Мощная волна возмущения, которую подняла среди палестинского населения Иордании варварская акция Израиля, перекинулась и на правящую верхушку страны, обвиняемую в пассивности и в неспособности пресечь агрессивные действия. Антиправительственные выступления, вспыхнувшие при этом в отдельных районах Западного берега р. Иордан, явились крайним выражением этого возмущения и носили стихийный характер. Тем не менее, в своем заявлении от 28 ноября иорданский премьер В. ат-Телл указал, что беспорядки в стране спровоцированы извне и что "две арабские страны затратили в этих целях значительные суммы денег".⁴¹ Какие это были страны, глава иорданского правительства конкретно не указал, однако было ясно, что он имел в виду главным образом Сирию. Сирийское руководство незамедлительно прореагировало на выпад В. ат-Телля, призвав иорданское население усилить борьбу против правящего режима. "Сегодня, — подчеркивал президент Сирии Н. аль-Атаси, — будет освобождена Иордания, а завтра — Палестина!"⁴²

К оценке реальных политических соображений, стоящих за призывом сирийского президента, следует подходить с крайней осторожностью, со скидкой на чрезмерную эмоциональность, которая была характерна для критических выступлений подавляющего большинства арабских государственных деятелей того периода. В любом случае, однако, нельзя не признать, что в напряженной внутривосточной ситуации, возникшей в Иордании в ноябре 1966 г., партийно-правительственное руководство Сирии усмотрело первые ре-

альные проблески народно-освободительной войны. "Наш народ в Иордании, — указывал в связи с этим Ю. Зуэйн, — восстал против реакционных правителей, поскольку они сотрудничают с колониализмом. Наш народ заявил о своей решимости спасти страну от продажного режима как о предлюдии всеобщей народно-освободительной войны за очищение Палестины от сионизма. Пламя этой войны, несомненно охватит все уголки арабской родины, продолжающей страдать от посягательств колониализма, господства реакции и эксплуатации".⁴³

Данная сирийским премьером оценка ноябрьских событий в Иордании была явно завышенной и, в частности, преувеличивала степень их революционной направленности. Истиной, однако, было то, что иорданский режим действительно оказался в сложном положении. Каждая новая вооруженная провокация Израиля приводила к углублению кризиса в его отношениях с ПДС и ООП, что, в свою очередь, стимулировало ужесточение Тель-Авивом своей агрессивной линии. При этом, оказание активного противодействия Израилю сталкивалось с мрачными перспективами втягивания Иордании в крупномасштабную войну с более сильным противником, а пассивная оборона, не изменяя положения дел по существу, подрывала авторитет режима и, в то же время, объективно способствовала росту влияния в стране ПДС и укреплению его связей с политико-идеологическими оппонентами иорданской монархии в арабском мире.

После ноябрьских событий выход из создавшегося положения иорданский режим видел в том, чтобы, более решительно взяв на себя единоличную ответственность в вопросах отражения сионистской агрессии, нейтрализовать влияние ПДС на внутривосточной арене и резко ограничить возможности проведения им вооруженной деятельности с территории Иордании. Ориентируясь на эту установку, в своем выступлении от 29 ноября король Хусейн подчеркнул, что в случае очередного нападения со стороны Израиля "Иордания будет биться до конца — какими бы не были последствия".⁴⁴ При этом, однако, он особо отметил, что

никогда не согласится с требованиями предоставить ООП свободу в организации военных операций с территории страны ⁴⁵.

Произошедший в позиции Иордании определенный сдвиг в сторону более решительного противодействия агрессивному курсу Израиля не привел к улучшению климата в сирийско-иорданских отношениях. С точки зрения Дамаска, только коренной пересмотр Амманом своего подхода к вооруженной деятельности ПДС мог служить подтверждением серьезности его намерений внести реальный вклад в дело восстановления законных прав арабского народа Палестины в целом и в отражение израильской агрессии, в частности.

Резкие взаимные обвинения Сирии и Иордании достигли своей кульминации в начале декабря 1986 г. в ходе состоявшегося в Каире очередного заседании Арабского совета обороны при ЛАГ. Цель заседания состояла в том, чтобы в условиях возросшей угрозы израильской агрессии четко определить военную ответственность каждой отдельной арабской страны и роль Объединенного арабского командования. Председатель Исполкома ООП А. Шукейри потребовал также внести в повестку заседания вопрос о свободе вооруженной деятельности ПДС в Иордании.⁴⁶

В своем выступлении на заседании министр иностранных дел Сирии И. Махус вновь в категорической форме потребовал ввода частей АОП на территорию Иордании. Как и в октябре 1986 г., его позиция получила высокую оценку со стороны Исполкома ООП и лидеров ПДС.⁴⁷ Что же касалось иорданской делегации, то она, решительно отклонив это предложение, подчеркнула, что Иордания в случае необходимости будет готова усилить свою обороноспособность за счет ввода на свою территорию регулярных частей армий тех арабских стран, с которыми иорданское правительство поддерживает соответствующие контакты. В результате, дебаты вокруг АОП закончились тем, что 11 декабря Арабский совет обороны официально объявил о согласии Иордании на прием в течение ближайших двух месяцев контингентов иракских и саудовских войск.⁴⁸

Несмотря на то, что на заседании было принято решение

о предоставлении Сирии 50% резервного фонда Объединенного арабского командования, сирийское руководство осталось недовольным его результатами в плане решения вопроса о вводе частей АОП в Иорданию.⁴⁹ Его настроения полностью разделил председатель Исполкома ООП А. Шукейри, заявивший по окончании работы заседания, что если Иордания окончательно откажется от сотрудничества с ООП, то подразделения АОП войдут на ее территорию независимо от пожеланий короля Хусейна.⁵⁰ Из его заявления, однако, не было ясно, о каких конкретных подразделениях АОП шла речь и каким образом может быть осуществлена эта серьезная и связанная с межарабскими обязательствами акция.

Заявление А. Шукейри могло бы показаться простой попыткой оказать давление на иорданское правительство, если бы 27 декабря он не обнародовал бы решение о роспуске Исполкома ООП и создании Революционного совета, который должен был "взять на себя ответственность за подготовку народа к освободительной войне".⁵¹ Решение объяснялось невозможностью дальнейшей деятельности ООП в легальных условиях⁵², однако не исключено, что на деле оно было продиктовано стремлением нейтрализовать тех членов Исполкома ООП, которые не поддерживали линию его председателя, в частности, в вопросе взаимоотношений организации с иорданским правительством. На это, хотя и косвенным образом, указывало то, что имена членов вновь созданного совета засекречивались, поскольку, как было объявлено, некоторые из них проживали в Иордании.⁵³

Очевидно, что своим решением о роспуске Исполкома ООП А. Шукейри хотел также дать понять всему арабскому миру, что действующие с территории Западного берега р. Иордан силы ПДС не только выходят из-под контроля Аммана, но и не считают его в какой-либо мере ответственным за последствия своей вооруженной деятельности, как и за судьбу палестинского дела в целом. В формальном плане эта позиция не противоречила Уставу ООП и положениям Палестинской национальной хартии, и на этом уровне она не могла вызвать возражений санкционировавших создание

ООП арабских государств, включая Иорданию. Тем не менее, политическое содержание и последствия решения А. Шукейри, в том числе и реакция на него арабских государственных деятелей, определялись не их соответствием Уставу и Хартии, а реально сложившемся в арабском мире отношением к ООП и к ее роли в арабо-израильском конфликте.

Несомненно, принятое в Каире в январе 1964 г. главами арабских государств и правительств решение о создании ООП явилось важнейшим политическим событием, поскольку оно создало серьезные предпосылки для консолидации палестинского национально-освободительного движения и способствовало активизации антиимпериалистической и антиссионистской борьбы арабских народов в целом. Отдавая должное позитивным аспектам этого решения, следует вместе с тем напомнить, что еще в самом процессе его разработки выявился ряд серьезных противоречий в подходах арабских руководителей и лидеров ПДС к принципиальным условиям и отдельным сторонам практической деятельности создаваемой общепалестинской организации. Эти противоречия, касавшиеся главным образом вопроса о степени самостоятельности ООП в проведении вооруженной борьбы, не были преодолены в ходе Каирского и последующих совещаний в верхах. Вопрос этих противоречий остался, фактически, открытым, а после Касабланки и отказа ряда ведущих арабских стран от самой практики проведения общеарабских форумов его согласованное решение вообще стало невозможным. И именно это обстоятельство становилось причиной развития различного рода кризисных явлений как в самой ООП, так и в ее отношениях с арабскими государствами, и в первую очередь с Иорданией.

Сложность и противоречивость положения, в котором оказалось палестинское сопротивление, могут быть всесторонне оценены только с учетом того, что создание ООП — предполагали это арабские руководители, или нет — резко стимулировало агрессивный внешнеполитический курс Израиля. В условиях непреодоленной разобщенности арабских стран активизация вооруженной борьбы ПДС в известной степени расширила возможности военно-политических кругов Израиля

в осуществлении планов дальнейшей территориальной экспансии. Ими, в частности, был сделан упор на трансформацию локальных столкновений израильской армии с отрядами ПДС в крупномасштабную конфронтацию с теми арабскими странами, на территории которых эти отряды базировались.

Форсировав создание ООП как одно из направлений предполагаемого общеарабского противодействия сионистской экспансии и признав ее право на вооруженную борьбу в принципе, на практике арабские страны были вынуждены считаться с реальными и возможными последствиями деятельности отрядов ПДС с их территории, включая угрозу вооруженного вторжения со стороны Израиля. Ориентируясь на собственные силы и стремясь в первую очередь обеспечить требования своей национальной безопасности, эти страны так или иначе ограничивали палестинцев в выборе средств и форм борьбы за их национальные права. Вряд ли было справедливым осуждать арабских руководителей за проявления осторожности, однако, вместе с тем, нельзя не признать и того, что их позиция определенным образом тормозила палестинское национально-освободительное движение, активизировавшегося после создания ООП.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что решение А. Шукейри о роспуске Исполкома ООП было в основном продиктовано стремлением разорвать круг противоречий, сложившихся в отношениях ООП с иорданскими властями в связи с деятельностью ПДС в стране. Очевидно, вместе с тем, что оно представляло собой также и отчаянную попытку изменить отношение арабских стран к вооруженной борьбе ПДС с Израилем, вынудить их отказаться от пассивной обороны и перейти к конкретным и решительным действиям по осуществлению национальных прав арабского народа Палестины.

При определенном развитии событий решение А. Шукейри могло в равной степени привести как к гражданской войне в Иордании, так и к израильской агрессии против этой страны. Очевидно, что такая перспектива вполне устраивала Тель-Авив. Не случайно, во всяком случае, что начальник

генерального штаба израильской армии генерал И. Рабин, комментируя политическую обстановку в регионе, заявил, что Израиль не примет "войны наполовину" на условиях, диктуемых арабами, как это уже было продемонстрировано рейдом на Ас-Саму 13 ноября.⁵⁴ Фактически, его заявление было направлено на то, чтобы подтолкнуть иорданские власти к ликвидации военного присутствия палестинцев в стране. Одновременно, стремясь столкнуть Иорданию с Сирией и Египтом, И. Рабин подчеркнул, что действия палестинского сопротивления направляются из Дамаска и Каира.⁵⁵

Учитывая позицию Сирии в вопросе ввода подразделений АОП в Иорданию, а также ее отношение к правящему режиму этой страны в целом, представляется обоснованным предположить, что при принятии своего решения А. Шукейри ориентировался на морально-политическую поддержку сирийского руководства. Но означало ли это, что Сирия стремилась к такому повороту событий в Иордании, который привел бы к крупномасштабной конфронтации арабских стран с Израилем? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Более того, как показывает анализ, в тот период сирийское руководство не только не стремилось к войне с Израилем, но и не ожидало этой войны, несмотря на крайнюю напряженность военно-политической обстановки в регионе.

Несомненно, однако, то, что сирийское руководство учитывало эту напряженность в плане осуществления целей своей региональной политики. Борьба за освобождение Палестины занимала центральное место в концепции народно-освободительной войны, но согласно ее же положениям, крупномасштабная вооруженная конфронтация с Израилем рассматривалась как более отдаленная, перспективная цель, успешное осуществление которой возможно было лишь только после того, как арабский мир будет находиться в процессе объединения в соответствии с принципами баасизма и под руководством ПАСВ. "Мы верим, — подчеркивал премьер-министр Сирии Ю. Зуэйи еще за месяц до израильской агрессии в июне 1967 г., — что только народно-освободительная война гарантирует свободу в Палестине и в других местах. Мы будем

продолжать поддерживать лозунг народно-освободительной войны, поскольку он получил одобрение со стороны всех арабов. Арабы хотят не обещаний, а действий. Арабский марш на Палестину должен сначала пройти через Амман, Риад и Тунис, чтобы свергнуть марионеточные режимы".⁵⁶

Это заявление, как и практические действия Сирии, отвечало выдвинутому правительством страны и руководством ПАСВ внешнеполитическим целям, острие которых было направлено против консервативных арабских режимов.

*
* *
*

5 февраля 1967 г. Израиль потребовал от Сирии, чтобы она отказалась от поддержки ПДС и закрыла свою границу для вооруженной деятельности его отрядов. При этом подчеркивалось, что в противном случае Израиль ответит на действия палестинцев ударом по самой Сирии.⁵⁷ Как показало дальнейшее развитие событий, это были не пустые угрозы.

Анализируя события критического для всех стран Ближнего Востока периода второй половины 1966 г. — первой половины 1967 г., трудно не отметить очевидные просчеты Сирии, выразившиеся в недооценке реальных масштабов исходившей от Израиля угрозы и возможных последствий его агрессивных действий. Такое положение, видимо, следует объяснять тем, что сирийское руководство, фетишизируя идею народно-освободительной войны, рассматривало агрессивные вылазки Израиля как фактор, стимулирующий развитие политико-идеологической борьбы в арабском мире. С другой стороны, по мнению сирийского руководства, наблюдавшееся в этот период углубление внутривосточного и экономического кризиса в Израиле исключало возможность осуществления его правящей верхушкой своих агрессивных планов в масштабах, которые могли бы реально угрожать суверенитету и территориальной целостности Сирии.

Не отрицая в принципе возможности нападения Израиля на Сирию, руководство страны в то же время считало, что израильская армия, несмотря на свою высокую техническую

оснащенность и высокий боевой уровень, не сможет добиться стратегического превосходства над объединенными силами арабских армий, а тем более – оккупировать территории арабских стран. На исход военных действий, по его мнению, решающее влияние должно было оказать и то обстоятельство, что Израиль располагает ограниченными людскими ресурсами, несопоставимыми с соответствующими ресурсами арабских стран.⁵⁸

Реальность, однако, соответствовала этой оценке сирийского руководства лишь частично. Обстановка в Израиле была действительно сложной, но именно это и подталкивало правящие круги страны на новую войну. Что же касалось вопроса людских ресурсов, то руководство вооруженных сил Израиля строило свою военную доктрину на нанесении первого удара по жизненно важным центрам в структуре арабских армий, их расчленении и последовательном уничтожении, а также оккупации тех территорий, которые представляли для сионистских кругов первостепенный, стратегический интерес и которые израильская армия могла удерживать под своим контролем.

Израиль был готов к войне, и для того, чтобы развязать ее, ему требовалось лишь одно – получить одобрение своих империалистических покровителей.

Сирия и израильская агрессия 1967 г. – мотивы, стимулы и цели конфронтации

В период 1963–1966 гг., сначала под давлением, а затем под непосредственным руководством левого крыла ПАСВ, в Сирии был осуществлен целый ряд важных демократических преобразований, затронувших все основные сферы социально-экономической жизни сирийского общества. Так, в частности, вслед за национализацией банков и страховых обществ, в том числе и иностранных, и принятием нового закона об аграрной реформе, под контроль государства были взяты все крупные и часть средних промышленных предприятий. В

значительной мере усилились позиции государства и в области внешней торговли. В результате государственный сектор в экономике Сирии занял ведущие позиции в производстве, кредитно-финансовой сфере и внешнеторговой деятельности. Важнейшим шагом на пути социально-экономического прогресса сирийского общества явилась национализация всех природных ресурсов страны, а также собственности занятых их разработкой местных и иностранных компаний. Сирия стала первым арабским государством, взявшим под свой контроль нефтяное хозяйство.⁵⁹

Все эти меры, наряду с расширением сотрудничества со странами социалистического содружества, способствовали созданию в Сирии экономических и политических предпосылок некапиталистического развития, росту ее международного авторитета и влияния на арабское национально-освободительное движение. Вместе с тем, как справедливо отметил Л. И. Медведко, такая "политика революционного правительства Сирии, обнародованная программа которого подкреплялась конкретными делами, не могла не тревожить империалистов и арабскую реакцию".⁶⁰

Если принять во внимание ту особую роль, которую играл в экономических, политических и военно-стратегических планах империалистических держав на Ближнем Востоке нефтяной фактор, то, очевидно, наибольшую озабоченность на Западе должна была вызвать национализация сирийским руководством нефтяных ресурсов страны. И не только потому, что она непосредственно затронула интересы таких крупнейших нефтяных компаний, как "Сокони вакуум", "Шелл" и "Эссо".

Как известно, объединенные в рамках Международного нефтяного картеля и так называемые независимые нефтяные компании в середине 1960-х гг. не только еще сохраняли господствующие позиции в арабских нефтедобывающих странах, но и оказывали существенное негативное воздействие на политическую обстановку на Ближнем Востоке в целом. Им, в частности, принадлежала инициатива в проведении большинства внешнеполитических акций США, Англии и

Франции, направленных на подавление национально-освободительного движения в регионе.⁶¹ Национализация собственности нефтяных компаний в Сирии явилась открытым вызовом, впервые брошенном в арабском мире нефтяному бизнесу, и одновременно продемонстрировала саму возможность успешной ликвидации очагов политико-экономического влияния империализма в регионе. Негативные, с точки зрения нефтяных компаний, последствия этой радикальной и по тем временам революционной акции сирийского руководства определялись, таким образом, не столько финансовыми потерями, сколько созданием крайне нежелательного для всего нефтяного бизнеса прецедента.

Учитывая вышеизложенное, силу и направленность ответной реакции нефтяных монополий на ущемление Сирией их интересов нетрудно было предугадать. Тем более, что очень скоро сирийское руководство сделало еще один очень серьезный шаг в этом направлении, выдвинув против нефтяного консорциума "Ирак Петролеум Компани" обвинение в грубых нарушениях концессионного соглашения по транзиту нефти по территории Сирии.

Это обвинение было детально обосновано в ноте, направленной 28 августа 1966 г. сирийским правительством руководству "Ирак Петролеум". В ней, в частности, подчеркивалось, что консорциум, представляя фальшивые отчеты, в течение десяти последних лет умышленно занижал концессионные отчисления в пользу Сирии, в результате чего она недополучила 40 млн ф. ст. В связи с этим и исходя из требований защиты национальных интересов сирийского народа, правительство Сирии категорически настаивало на погашении фактической задолженности и на повышении на 50% концессионных отчислений за транзит нефти.⁶²

Следует отметить, что вся производственная деятельность "Ирак Петролеум" находилась в согласованном подчинении экономической политике нефтяного картеля. Вместе с тем, структура и размеры участия отдельных монополий в "Ирак Петролеум" своеобразно отражали политическую основу взаимоотношений, утвердившихся между членами консорциума

в ходе ожесточенной конкуренции и в результате борьбы империалистических держав за господство над нефтяными богатствами Ближнего Востока. Так, участие нефтяных монополий в "Ирак Петролеум" распределялось следующим образом: английская "Бритиш Петролеум" - 23,75%, англо-голландская "Ройал датч-Шелл" - 23,75%, французская "Компани франсэз де петроль" - 23,75%, американские "Стандард ойл компани оф Нью-Джерси" и "Мобил ойл" - по 11,75%, примыкавшая к "Шелл" "Партекс" - 5%. При этом важно отметить, что контрольный пакет акций (около 56%) "Бритиш Петролеум" принадлежал правительству Англии, а французское правительство контролировало 35% акций и 40% голосов в правлении "Компани франсэз де петроль".⁶³

Таким образом, в структуре и размерах участия "Ирак Петролеум" было представлено целенаправленное слияние интересов нефтяного бизнеса и правящих кругов ведущих империалистических держав, которые были заинтересованы в укреплении позиций консорциума как в силу непосредственного участия в распределении прибылей, так и в силу требований их ближневосточной политики. Вместе с тем структура консорциума указывала на общую согласованность в подходах США, Англии и Франции к политическим проблемам и условиям эксплуатации ближневосточной нефти.⁶⁴

Подобное слияние интересов не только определяло крайне реакционный характер деятельности "Ирак Петролеум", но и являлось основой тех финансовых злоупотреблений, на которые в частности, указывалось в ноте сирийского правительства. Так, еще в 1940-е гг. между "Бритиш Петролеум" и правительством Англии было достигнуто негласное соглашение, предоставившее компании возможность выплачивать все концессионные расходы из той суммы, которая причиталась в качестве подоходного налога английскому казначейству. Аналогичные соглашения были достигнуты и остальными участниками консорциума, в результате чего только за период 1952-1972 гг. "Ирак Петролеум" вычла в свою пользу 7 млрд ф. ст.⁶⁵ Одновременно таким образом искусственно занижалась фактическая прибыль консорциума, что и позволяло ему существенно уменьшать концессионные отчисления правительствам Ирака и Сирии.⁶⁶

Требования Сирии, таким образом, были справедливы и обоснованны, однако, было бы наивным полагать, что всемогущая, опирающаяся на поддержку трех ведущих империалистических держав "Ирак Петролеум" с легкостью удовлетворит их и не попытается всеми доступными ей средствами вынудить сирийское руководство пойти на попятную. Это подтвердил уже первый раунд переговоров между представителями сирийского правительства и "Ирак Петролеум", состоявшийся в Дамаске 10-17 сентября, 18 сентября, прервав переговоры, представители консорциума отбыли в Лондон, что якобы было вызвано необходимостью проведения консультаций с советом директоров и подготовки необходимых документов.

Очевидно, однако, что на деле это решение имело совершенно иную мотивировку. Позиция, занятая представителями консорциума, сразу и убедительно показала, что они не только не стремятся к конструктивному решению вопроса, но и намерены всячески затягивать переговоры с тем, чтобы выиграть время для организации всестороннего давления на сирийское правительство.

Есть также все основания полагать, что, уходя от прямого ответа на требования Сирии, руководство "Ирак Петролеум" строило свою позицию с учетом скорой возможности коренных изменений в политическом курсе страны. При этом речь шла как о государственном перевороте, так и о качественном сдвиге вправо, к которым могли привести наблюдавшиеся в этот период резкое обострение внутривнутриполитической обстановки в стране и рост напряженности в отношениях Сирии с рядом соседних стран, и в первую очередь с Иорданией, Израилем и Турцией.

Так, в начале сентября в Сирии были раскрыты два заговора, один из которых был подготовлен смещенными в феврале 1966 г. лидерами правых баасистов, а другой - бывшим членом регионального руководства ПАСВ майором С. Хатумом.⁷⁰ Последнему, а также некоторым другим участникам его заговора, удалось избежать ареста и скрыться в Иордании, предоставившей им политическое убежище.⁷¹

Причем, как показало проведенное сирийскими властями расследование, при подготовке переворота С. Хатум не только координировал свои действия с лидерами правых баасистов, но и установил контакты с ЦРУ США.⁷² Оценивая произошедшие события, президент Сирии Н. Атаси указал также на причастность к заговорам "Ирак Петролеум" и подчеркнул, что цель заговорщиков состояла в том, чтобы "открыть дорогу реакции, нефтяным монополиям и империализму, нанести удар по революции и свести на нет все ее достижения как на внутренней, так и на внешней аренах."⁷³

Организованные совместными усилиями империалистических кругов и правой оппозиции подрывные действия, таким образом, потерпели провал, продемонстрировав вместе с тем неготовность сирийской реакции бросить решающий вызов правящему режиму. Но, как справедливо отметил Л. И. Медведко, "чем меньше оставалось надежд у империалистов на использование сирийской реакции, тем откровенней они поощряли и толкали израильских милитаристов на вооруженные провокации против Сирии".⁷⁴

Показательно, что в сентябре 1966 г. вооруженные провокации Израиля против Сирии не только участились, но и приобрели более откровенный характер. Пытаясь, однако, возложить всю ответственность за напряженное положение на сирийскую сторону, 11 сентября Израиль обратился в Совет Безопасности ООН с жалобой на Сирию, обвинив ее в подстрекательстве и организации рейдов палестинских партизан на израильскую территорию.⁷⁵ Отметим, что это обвинение выдвигалось в то самое время, когда израильские спецслужбы налаживали при посредничестве ЦРУ США контакты с укрывшимся в Иордании майором С. Хатумом в целях организации и прямой поддержки⁷⁶ вооруженного вторжения возглавляемых им сил в Сирию. Это положение в лишний раз подчеркивало лицемерный характер израильской дипломатии, которая пыталась добиться осуждения Сирии в ООН за то по существу, что сирийское руководство оказывало поддержку справедливой борьбе арабского народа Палестины. Со своей стороны представитель Сирии в ООН в

ходе обсуждения израильской жалобы заявил членам Совета Безопасности, что периодические вооруженные столкновения на сирийско-израильской границе являются прямым следствием агрессивного курса Израиля, угрожающего безопасности всех стран ближневосточного региона.⁷⁷ Одновременно министр иностранных дел Сирии И. Махус в сделанном в Дамаске заявлении указал на наличие реальной угрозы агрессии со стороны Израиля, подчеркнув, что вооруженные силы Сирии и Египта готовы оказать ей решительный отпор.⁷⁸

В условиях постоянной угрозы израильской агрессии и на фоне обострившихся отношений с Иорданией особую озабоченность Сирии вызвали появившиеся в конце сентября сообщения о концентрации на ее границах турецких войск, носившей явно провокационный характер⁷⁹. Показательно, что правительство Турции прокомментировало ситуацию на турецко-сирийской границе с недопустимой для нормальных дипломатических отношений задержкой и только после того, как 3 октября начался второй раунд переговоров между сирийской делегацией и представителями "Ирак Петролеум". Не отрицая факте концентрации турецких войск на границе с Сирией, официальный представитель правительства Турции заявил 7 октября, что его страна не преследует каких-либо агрессивных целей.⁸⁰

Второй раунд переговоров с "Ирак Петролеум" также не дал конкретных результатов. И вновь отъезд представителей консорциума в Лондон сопровождался эскалацией военно-политической напряженности на сирийско-израильской границе.⁸¹ Повторение и в дальнейшем подобного рода "совпадений" дало газете "аль-Баас" все основания заметить, что "Ирак Петролеум" заводит в тупик и откладывает переговоры "каждый раз, когда готовится новый заговор (против Сирии - Г. Г.), и возобновляет их, когда этот заговор проваливается..."⁸²

10 октября сирийское правительство выступило со специальным заявлением, в котором разъяснило свою точку зрения на мотивы затягивания переговоров представителями "Ирак Петролеум". Указав, в частности, на непрекращающиеся попытки стоящих за консорциумом империалистических кругов вынудить Сирию отказаться от своих справедливых тре-

бований, сирийское правительство подчеркнуло, что оно никогда не поступится интересами народа и что оно "обладает средствами защитить их несмотря на провокации империализма и его агентов".⁸³

Решимость Сирии до конца отстаивать свои требования уже не вызвала сомнений у руководства "Ирак Петролеум". Вместе с тем, не оставляя надежду рано или поздно сломить сирийское руководство, заинтересованные империалистические круги продолжали делать ставку на усиление давления. Центральная роль в нагнетании атмосферы напряженности вокруг Сирии, а также в дискредитации ее правящего режима в глазах мировой общественности, отводилась Израилю. Очевидно, что при этом были всесторонне учтены как опыт тройственной агрессии против Египта в 1956 г., так и стремление экспансионистских кругов Израиля спровоцировать арабов на повторение ситуации 1948 г. Немаловажное значение в этих планах придавалось традиционно антисирийскому курсу Турции, а также возможности резкого обострения в отношениях Сирии с Иорданией и Ираком.

Израиль, направляя развитие ситуации в нужное ему русло, сделал акцент на расширение ударов по расположенным на сирийской территории базам ПДС. Принимаемые же Сирией ответные меры, как и ее поддержка ПДС в целом, активно и широко использовались дипломатическими службами Израиля для обеспечения необходимого прикрытия его агрессивного курса, а также в целях подрыва позиций Сирии на международной арене.

Показательно, что в то время, когда представитель Израиля в ООН, выступая в роли миротворца, добивался от Совета Безопасности осуждения "актов сирийской агрессии", израильская военная верхушка подчеркивала, что только в условиях эскалации военных действий против Сирии израильская армия сможет эффективно выполнить поставленную перед ней задачу по нейтрализации вооруженной борьбы палестинцев. Поясняя это положение, командующий северным округом генерал Д. Элазар, в частности, указывал: "Чем стремительнее эскалация, тем раньше наступает момент,

когда... (Израиль) доводит свое преимущество в использовании таких тяжелых и сложных типов вооружений, как танки и самолеты, до решающей концовки".⁸⁴ Таким образом, следуя логике израильского генерала, у праязых кругов Израиля была только одна возможность положить конец постоянной напряженности на израильско-сирийской границе — осуществить широкомасштабную агрессию против Сирии.

11 октября Израиль вновь обратился с жалобой на Сирию в Совет Безопасности ООН, потребовав, чтобы он добился от сирийского правительства гарантий того, что рейды палестинских партизан с территории Сирии будут прекращены.⁸⁵ В Дамаске, очевидно, хорошо понимали, что кроется за манипуляциями Израиля в ООН. Во всяком случае 12 октября сирийское руководство строго предупредило Израиль о возможных последствиях его провокационной политики, подчеркнув, что вооруженные силы Сирии находятся в состоянии полной готовности.⁸⁶

14 октября Совет Безопасности ООН начал рассмотрение вопроса об урегулировании взрывоопасной обстановки на сирийско-израильской границе. 22 октября его представитель заявил, что ответственность за нарушение соглашения о перемирии несут обе стороны — и Израиль, и Сирия, одновременно отметив, что в приграничных районах этих стран не наблюдается какой-либо концентрации войск.⁸⁷

Предусмотрев ряд мер по отражению возможного нападения со стороны Израиля, сирийское руководство одновременно осуществило мероприятия по нейтрализации провокаций со стороны Турции. Так, 23 октября премьер-министр Сирии Ю. Зуэйн принял решение о наложении ареста на недвижимую собственность и капиталы проживающих в стране турецких подданных.⁸⁸ Принимая это решение, сирийское правительство исходило из всего опыта сирийско-турецких отношений в послевоенные годы, и в частности из того, что Турция активно подключалась ко всем попыткам империалистических кругов оказать на Сирию военно-политическое давление. Немаловажное значение в принятии этого решения сыграл и учет особого характера взаимоотношений между Турцией и "Прак Петролеум", сложившегося еще со времен учреждения Багдадского пакта.⁸⁹

Не может быть сомнения в том, что Турция была заинтересована в активной поддержке "Ирак Петролеум", причем, не только по политическим, но и по экономическим соображениям. Выставляя себя в роли ревностного защитника интересов консорциума, она рассчитывала на возможность установления тесного сотрудничества с нефтяным бизнесом. В этой связи следует упомянуть о появившихся в арабской прессе сообщениях о том, что "Ирак Петролеум" рассматривает проект прокладки нового нефтепровода по территории Турции, реализация которого будет зависеть от исхода переговоров консорциума с правительством Сирии.⁹⁰ Политическая направленность этого маневра была очевидной: не только заинтересовать Турцию в дальнейшей поддержке "Ирак Петролеум", но и оказать дополнительное давление на Сирию. Следует отметить, что сирийское руководство не придавало сообщениям об этом проекте серьезного значения, расценив их как пустую угрозу.⁹¹ Возможно, именно это способствовало тому, что руководство "Ирак Петролеум" официально опровергло наличие проекта прокладки нефтепровода по территории Турции.⁹²

26 октября начался третий раунд переговоров, в ходе которого Сирия выдвинула ряд новых претензий и требований к "Ирак Петролеум". Так, представителям консорциума было передано решение судебных инстанций Сирии, наложивших на "Ирак Петролеум" штраф размером 1,5 млн долларов за нарушение таможенного режима.⁹³ Одновременно арбитражный суд по трудовым вопросам в Дейр-эз-Зоре потребовал от консорциума возмещения его сирийским семейным служащим 1,25 млн долларов, полагававшихся им в качестве надбавки за работу в условиях пустыни.⁹⁴ На рассмотрение представителей консорциума был также передан иск Федерации профсоюзов Сирии, которая обвиняла "Ирак Петролеум" в том, что в результате внесения расходов по медицинскому обслуживанию в общий перечень расходов она не только нарушила соответствующую договоренность, но и нанесла системе социального обеспечения Сирии ущерб в размере 4,95 млн долларов.⁹⁵

Расширение претензий Сирии к "Ирак Петролеум" показало, что сирийское руководство не только не собирается уступать оказываемому на него давлению, но и полно решимости довести переговоры до победного конца. Что же поддерживало эту решимость? Очевидно, что не только и не столько заинтересованность в существенном увеличении отчислений от транзита нефти, сколько стремление заставить консорциум признать справедливость выдвинутых требований и, тем самым самолично подтвердить грабительский характер деятельности нефтяных монополий в целом. Вместе с тем такое, хотя и вынужденное признание со стороны ведущего на Ближнем Востоке империалистического нефтяного объединения прямо дискредитировало стоящие за ним державы и наносило чувствительный удар по их ближневосточной политике. С учетом этого положения и следовало оценивать истинные масштабы политических последствий сирийской инициативы.

Первостепенность политических аспектов переговоров с "Ирак Петролеум" была подтверждена решениями IX национального съезда ПАСВ, состоявшегося в октябре 1966г. "Нефть, — подчеркивалось в них, — являясь основным ресурсом арабов, в настоящее время поставлена на службу колониализму и его монополиям и используется для поддержки реакционных режимов. Арабская нефть должна служить интересам всей арабской нации и решению ее главных проблем, в первую очередь проблемы Палестины".⁹⁶ Съезд также указал, что выдвижение Сирией справедливых претензий к "Ирак Петролеум" привело к тому, что империалистические круги сначала попытались подорвать революционный режим в стране силами местной реакции, а после провала этих попыток активизировали антисирийскую политику правящих кругов Израиля⁹⁷.

Более детально такое положение было проанализировано в специальном заявлении министра иностранных дел Сирии И. Махуса, который, в частности, указал, что Израиль, подталкиваемый стоящими за нефтяными монополиями империалистическими кругами, готовит агрессию против Сирии. В качестве основных причин активизации сионистских

кругов в Израиле И. Махус назвал требования Сирии к "Ирак Петролеум" и взятый ПАСВ курс на народно-освободительную войну.⁹⁸

В начале ноября сирийскому правительству стало ясно, что эффективное продолжение переговоров с "Ирак Петролеум" невозможно без принятия радикальных мер и что в сложившейся ситуации у него нет другой альтернативы, как только "борьба во всех формах, вплоть до полной остановки транзита нефти".⁹⁹ Учитывая возможные последствия этой радикальной меры, руководство Сирии предприняло ряд важных шагов в направлении всестороннего укрепления позиций страны. 2 ноября в Каире начались переговоры между президентом Г. А. Насером и членами сирийской делегации во главе с премьер-министром Ю. Зуэйном. Переговоры, цель которых состояла в достижении более тесного сотрудничества между Сирией и Египтом в политической и военной областях, завершились 4 ноября заключением сирийско-египетского договора о совместной обороне.

Следует отметить, что содержание всех II пунктов договора подчеркивало его исключительно оборонительный характер. Так, 1 пункт договора, в частности, гласил, что, действуя "в соответствии с законным индивидуальным и коллективным правом самозащиты, стороны берут на себя обязательство оказать помощь другому государству и принять незамедлительно все меры и использовать все средства, включая вооруженные силы, для отпора нападению". И, как указывалось во 2 пункте, только в случае "непосредственной опасности или появления угрозы нападения договаривающиеся стороны незамедлительно примут превентивные и оборонительные меры..." При этом в 10 пункте особо подчеркивалось, что "ни одно из положений этого договора ни при каких обстоятельствах не нарушает права и обязательства, вытекающие из специальных соглашений, Устава Лиги арабских государств и Устава Организации Объединенных Наций".¹⁰⁰ Более того, как сообщалось из Каира, президент Г. А. Насер при заключении договора не только подчеркнул, что Египет будет твердо придерживаться всех

положений договора и окажет Сирии необходимую помощь в случае агрессии, но и одновременно призвал сирийское руководство воздерживаться от всех действий, которые могут быть использованы Израилем для провоцирования вооруженных инцидентов.¹⁰¹

В Сирии договор о совместной обороне был расценен как важный фактор укрепления солидарности прогрессивных сил арабского мира со справедливой борьбой сирийского народа за свои неотъемлемые права, как существенное препятствие на пути израильской агрессии. Опираясь на этот договор, Сирия перешла к решительному наступлению на "Ирак Петролеум" и 20 ноября предъявила его руководству ультиматум, в котором, в частности, указывалось, что если сирийская сторона не получит немедленного и исчерпывающего ответа на свои требования, то в отношении консорциума будет принят целый ряд жестких мер.¹⁰² Показательно, что это решение было принято с учетом всех возможных для Сирии последствий, включая конфронтацию с Израилем. "Сирийский народ, — подчеркивало в этой связи сирийское правительство, — бесстрашно противостоит "Ирак Петролеум" и стоящим за ней иностранным силам... Сегодня он подготовлен к этой конфронтации более, чем когда-либо прежде".¹⁰³

Как в плане успеха переговоров с "Ирак Петролеум", так и в плане противодействия агрессивному курсу Израиля важное значение для Сирии имели ее отношения с Ираком. Еще в сентябре 1966 г. иракское руководство, указав на необходимость скорейшего достижения эффективной межарабской координации в области обороны, официально заявило о своей готовности "выполнить национальный долг в случае любой агрессии против Сирии".¹⁰⁴ В ответ на предъявленный Сирией ультиматум "Ирак Петролеум" сделала попытку втянуть в спор Ирак и, спекулируя на его заинтересованности в продолжении транзита нефти, внести раскол в ряды арабов.¹⁰⁵ Однако, как показали состоявшиеся в Дамаске 22 ноября сирийско-иракские переговоры, нацеленные на обсуждение всех возможных последствий сирийского ультиматума, этим планам "Ирак Петролеум" не суждено было осуществиться.

Комментируя переговоры в Дамаске и подчеркивая солидарность с позицией правительства Ирака всех прогрессивных сил страны, багдадская "аль-Баяд" предупреждала консорциум о крайне негативных для него последствиях, к которым может привести его тактика "проволочек в отношении требований Ирака и Сирии, касающихся их прав на нефть".¹⁰⁶

Учитывая заинтересованность Ирака в продолжении транзита нефти, Сирия официально заверила его, что обеспечит бесперебойную работу нефтепроводов даже в том случае, если "Ирак Петролеум" попытается искусственно сорвать ее. При этом Сирия высоко оценивала солидарность с ее борьбой, которая была продемонстрирована иракским правительством и всеми прогрессивными силами арабского мира. "Арабские народы, — подчеркивалось в заявлении руководителя сирийской делегации на переговорах с "Ирак Петролеум" З. Хани, — опираясь на свои прогрессивные режимы, стоят в одном строю с народом Сирии, ... который сумеет принять сионистский вызов и преодолеть вооруженный натиск империализма".¹⁰⁷

В конце ноября правительство Сирии запретило всякое передвижение оборудования "Ирак Петролеум" между насосными станциями, а 8 декабря им было принято решение об установлении фиксированного налога размером в 5 шиллингов и 5 пенсов на каждую тонну сырой нефти, перекачиваемой в Баниас. В этот же день Сирия наложила арест на все имущество "Ирак Петролеум", заявив, что он продлится до тех пор, пока консорциум не выплатит 3,7 млн ф. ст. за транзит нефти по новым расценкам за период с 1 января по 30 сентября 1966 г.¹⁰⁸

Действия Сирии получили общее одобрение со стороны Ирака. 9 декабря глава иракского правительства Н. Талеб, по достоинству оценив значение принятых Сирией мер, вместе с тем подчеркнул, что арест, наложенный Сирией на имущество "Ирак Петролеум", не должен "стать поводом для остановки транзита иракской нефти или уменьшения объема ее экспорта".¹⁰⁹

Если со стороны прогрессивных сил арабского мира и

всей прогрессивной мировой общественности принятые Сирией меры были встречены с одобрением, то совсем иной была реакция нефтяных монополий и империалистических держав, в первую очередь США и Англии, у которых сообщение об аресте собственности "Ирак Петролеум" вызвало самую серьезную озабоченность. Так, представитель госдепартамента США в связи с этим выступил со специальным заявлением, в котором указал, что США очень внимательно и с беспокойством следят за развитием событий, и одновременно дал понять, что американское правительство расценит как крайне негативные любые попытки радикальным образом изменить характер существующих между нефтяными монополиями и нефтедобывающими странами отношений.¹¹⁰

Несмотря на очевидный нажим со стороны США Сирия продолжала решительно настаивать на своих требованиях. В результате "Ирак Петролеум" пошла на некоторые уступки и предложила решить спор посредством увеличения ежегодных концессионных отчислений в пользу Сирии примерно на 2,55 млн ф.ст. Сирия, однако, отказалась от этой подачи, вновь подтвердив свое принципиальное требование об увеличении полагающихся ей отчислений на 50% и возмещении понесенного ею ущерба в размере 40 млн ф. ст.¹¹¹ Тогда руководство "Ирак Петролеум" 10 декабря прекратило перекачку иракской нефти в сирийский порт Банияс.¹¹²

Несмотря на то, что остановка нефтепроводов ошутимо затронула интересы Ирака, его правительство продолжало официально поддерживать сирийские требования. 10 декабря премьер-министр Н. Талей заявил, что при любых обстоятельствах Ирак будет требовать от "Ирак Петролеум" выплаты его доли дохода в размерах обычного объема добычи нефти.¹¹³ Такая позиция Ирака позволила Сирии в свою очередь усилить нажим на консорциум и перекрыть 13 декабря проходивший по ее территории участок нефтепровода в ливанский порт Триполи.¹¹⁴

Приветствуя позицию Ирака и подчеркивая общеарабское значение своих действий, Сирия призвала все заинтересованные в ликвидации диктата нефтяных монополий силы под-

держать ее справедливые требования. Как указывалось в официальном заявлении сирийского правительства, "арабский народ Ирака и народы других арабских стран поддерживают Сирию потому, что хорошо понимают принципиальные мотивы ее позиции, которая продиктована не частными соображениями, а определяется общеарабскими интересами".¹¹⁵

Попытки "Ирак Петролеум" столкнуть интересы Сирии и Ирака не только не достигли желаемой цели, но, напротив, привели к тому, что эти две арабские страны выступили единым фронтом. Более того, подчеркивая тщетность попыток империалистических кругов внести раздор в сирийско-иракские отношения и указывая на решающее значение межа-рабской солидарности в деле противодействия политико-экономическому диктату империализма, Сирия стала все более настойчиво продвигать идею о том, что Ирак в состоянии самостоятельно разрабатывать свои нефтяные ресурсы и что действия "Ирак Петролеум" подтверждают необходимость ее скорейшей национализации иракским правительством.¹¹⁶

14 декабря во время переговоров с министром иностранных дел Сирии И. Махусом в Багдаде иракские руководители вновь подтвердили свою позицию в отношении сирийских требований к "Ирак Петролеум".¹¹⁷ В свою очередь И. Махус заявил, что проходящий по сирийской территории нефтепровод "Ирак Петролеум" фактически является неотъемлемым достоянием иракского народа, и одновременно указал на необходимость национализации консорциума. Он также подчеркнул, что в создавшейся обстановке особое значение приобретают солидарность и активная антиимпериалистическая позиция арабских стран и что в этом плане их роль сегодня "не отличается от роли, сыгранной ими во время Суэцкой войны 1956г.". ¹¹⁸

Поднятый Сирией вопрос о национализации "Ирак Петролеум" и ее попытки убедить в необходимости этого шага иракское правительство значительно расширили и усиливали антиимпериалистическую направленность сирийской инициативы. Не случайно, что действия Сирии вызвали открытую тревогу не только у руководства консорциума, но и у британского правительства. Если

раньше Лондон воздерживался от каких-либо официальных заявлений, то сейчас он решил продемонстрировать свое отношение к ходу переговоров и оказать на сирийское правительство политическое давление. Сделано это было в довольно-таки завуалированной форме, что, однако, лишь подчеркнуло стремление правящих кругов Англии уйти от прямого и официального ответа на выдвинутые Сирией требования. Так, английский посол в Дамаске Р. Эванс заявил в МИД Сирии, что поскольку "Ирак Петролеум" является официально зарегистрированной в Англии компанией, то его правительство резервирует за собой право прокомментировать ход переговоров на их последующих этапах.¹¹⁹ Заявление посла при всей его сдержанности не вызывало сомнений в том, что английское правительство выступает как заинтересованная сторона и что его реакция на конечные итоги переговоров будет соответствующей. В указании на это положение, собственно, и состояла цель английского демарша.

Таким образом, к концу 1968 г. Сирия вплотную подошла к тому рубежу, за которым ее спор с "Ирак Петролеум" мог реально перерасти в политическую проблему регионального масштаба. Окончательную ясность в создавшуюся ситуацию должна была внести позиция Ирака в вопросе национализации "Ирак Петролеум".

После некоторых колебаний иракское правительство дало понять, что оно пока еще не готово к такому радикальному и чреватому различного рода осложнениями шагу, каким явилась бы национализация "Ирак Петролеум". Такое решение объяснялось не только тем, что в Ираке еще имелись влиятельные силы, заинтересованные в укреплении и расширении связей с западными империалистическими кругами, но и отсутствием уверенности в наличии объективных и субъективных условий для успешного осуществления подобной акции. Так или иначе, но правительство Ирака ограничилось заявлением о том, что будет по-прежнему твердо поддерживать Сирию, не прибегая к национализации консорциума.¹²⁰ Одновременно иракское правительство подчеркнуло, что спор между Сирией и "Ирак Петролеум" в любом случае не должен послужить причиной уменьшения доходов Ирака.¹²¹

В ответ сирийское руководство заявило, что Сирия значительно снизит размеры концессионных отчислений за транзит иракской нефти, если ею будет распоряжаться сам Ирак. Тем самым оно не только еще раз попыталось убедить правительство Ирака в необходимости национализации "Ирак Петролеум", но и положить конец различным спекуляциям относительно направленности своих требований, а именно их чисто финансово-экономическом характере. Не получение Сирией возможно больших доходов от транзита нефти, а ликвидация контроля монополий над арабской нефтью – вот в чем видело свою задачу и на что в лишний раз указало сирийское руководство.

Со своей стороны "Ирак Петролеум" заявила иракскому правительству, что в связи с закрытием Сирией нефтепроводов она не сможет выплатить в текущем году концессионные отчисления Ираку в полном объеме. Представляя собой новую попытку внести раскол в сирийско-иракскую солидарность, это заявление вместе с тем в очередной раз продемонстрировало, насколько серьезно воспринимала "Ирак Петролеум" правительство той страны, безраздельное распоряжение природными ресурсами которой она считала своей неоспоримой имперской привилегией. Дело в том, что, предупреждая правительство Ирака о финансовых потерях, руководство консорциума одновременно приняло решение о резком увеличении добычи нефти в других месторождениях, не связанных в плане транспортировки с проходящими по сирийской территории нефтепроводами.¹²³ Указывая на лицемерный и откровенно колонизаторский характер этого заявления, багдадская "Саут аль-Араб" подчеркивала, что "Ирак Петролеум" не имеет права попираить интересы иракского народа только на том основании, что его правительство поддерживает справедливые требования Сирии.¹²⁴

В этот, безусловно, критический момент важную роль в укреплении курса Ирака на поддержку Сирии сыграло египетское руководство. Оно, в частности, информировало правительство Ирака, что Египет считает себя непосредственно вовлеченной в спор стороной.¹²⁵ Одновременно

18 декабря на специально созванном внеочередном заседании Национального Собрания египетский премьер С. Сидки указал на солидарность Египта со справедливыми требованиями Ирака, а также особо подчеркнул, что его страна "полностью поддерживает правительство Сирии в деле защиты интересов народа".¹²⁶

Не будет преувеличением сказать, что эти заявления египетского руководства ознаменовали начало переломного этапа в переговорах между Сирией и "Ирак Петролеум". Очевидно, что руководство консорциума и стоящие за ним империалистические круги не могли не посчитаться с твердой позицией наиболее развитой и обладающей большим политическим влиянием в регионе страны, которая к тому же национализировав в 1956 г. Всеобщую компанию Суэцкого канала, однажды уже продемонстрировала пример решительного противодействия политико-экономическому диктату Запада. Немаловажное значение имело при этом и то обстоятельство, что с официальной поддержкой требований Сирии выступила страна, связанная с ней обязательствами совместной обороны. Это во многом снижало эффективность военно-политического давления на Сирию, организуемого стоящими за "Ирак Петролеум" империалистическими кругами, хотя и, конечно же, не уменьшало угрозы империалистической агрессии против сирийского народа как таковой.

Следует также учесть, что заявления египетского руководства, которое, фактически, выступило в роли гаранта соблюдения национальных интересов Сирии и Ирака, явились важным фактором в деле упрочения совместной сирийско-иракской платформы на переговорах с "Ирак Петролеум". Такое положение имело большое значение прежде всего для сирийской стороны, но оно вместе с тем способствовало и укреплению позиций тех общественно-политических кругов Ирака, которые склонялись к более решительным действиям в вопросе национализации консорциума. Очевидно, что в этих условиях любые попытки "Ирак Петролеум" еще более накалить атмосферу вокруг переговоров могли лишь стимулировать активность этих кругов и вызвать значительный

рост антиимпериалистических настроений в Ираке в целом. Таким образом, к началу 1967 г. руководство "Ирак Петролеум" было вынуждено уже более осторожно и взвешенно подходить к переговорам с правительством Сирии, учитывая не только интересы всего нефтяного бизнеса на Ближнем Востоке, но и возможность всестороннего ослабления позиций консорциума в Ираке.

Как оценивало руководство "Ирак Петролеум" создавшуюся ситуацию и какие стратегические соображения должны были определить его дальнейшую тактику на переговорах? Не располагая документальными данными на этот счет, тем не менее логично будет предположить, что крупнейшее объединение нефтяных монополий, деятельность которого непосредственно и всесторонне поддерживалась ведущими капиталистическими державами мира, не могло пойти на уступки, не используя до конца все возможности силового давления на Сирию. Это предположение подтверждается, в частности, тем, что финальная часть переговоров проходила на фоне еще более усилившейся военной напряженности на сирийско-израильской границе и развернувшейся в западной прессе антисирийской кампании.

Если в конце 1966 г. агрессивные действия Израиля были в основном направлены против Иордании, то в начале 1967 г. внимание израильских милитаристов вновь было сосредоточено на Сирии. Так, 2 января сообщалось о новом крупном столкновении между израильскими и сирийскими пограничными войсками.¹²⁷ Генеральный секретарь ООН У Тан в связи с этими событиями выразил серьезную озабоченность складывающейся на Ближнем Востоке ситуацией, заявив 16 января, что по обе стороны сирийско-израильской границы наблюдается концентрация войск, и подчеркнув, что создавшееся положение таит в себе угрозу для всех стран региона.¹²⁸ 25 января при посредничестве ООН в комиссии по перемирию состоялась встреча сирийских и израильских представителей. С обеих сторон были высказаны обвинения в нарушении демаркационной линии и в провоцировании пограничных инцидентов, однако, в итоге, и Сирия, и Израиль дали обязательство не прибегать к силе в конфликтных ситуациях.¹²⁹

Одновременно империалистические и реакционные арабские круги сделали попытку активизировать антиправительственные выступления правых сил в Сирии, чтобы нанести комбинированный удар по правящему режиму и заставить его пойти на свертывание проводимого им внутри- и внешнеполитического курса. В качестве основной ударной силы на этот раз выступила организация "Братьев-мусульман", подрывные действия которой были нацелены на создание благоприятной политической атмосферы для осуществления государственного переворота в стране. Нити заговора и на этот раз тянулись в Иорданию, где под покровительством иорданских властей и под непосредственным руководством специалистов ЦРУ США готовились для вторжения на территорию Сирии мятежные силы С.Хатума. Сигналом к их выступлению должны были стать антиправительственные беспорядки, организованные "братьями-мусульманами". Более того, в критический момент мятежникам должны были оказать поддержку специальные подразделения израильских войск, переодетые в сирийскую военную форму.¹³⁰ Премьер-министр Сирии Ю. Зуэйн, подчеркивая проимпериалистическую направленность заговора и характеризуя его как очередной шаг в направленной против Сирии подрывной деятельности сил арабской реакции, сионизма и империализма, в частности, указывал: "Это было не простым совпадением, что сентябрьская попытка переворота произошла сразу же после того, как мы заявили о своей решимости... произвести расчет с британской монополитической компанией (т.е. с "Ирак Петролеум" - Г. Г.). И не случайно, что колониализм двинул против нас своих агентов в регионе - Израиль и реакционеров в Иордании..."¹³¹

Оценка мотивов эскалации всестороннего давления на Сирию, данная главой сирийского правительства, отвечала положению дел по существу. Соответственно этой оценке и исходя из общих требований своего политического курса партийно-правительственное руководство Сирии и определяло свою позицию как на переговорах с "Ирак Петролеум", так и в отношении мер пресечения агрессивных акций Из-

раиля. При этом, однако, ему не всегда удавалось избегать определенных крайностей, политической риторики, "революционной фразы" и т.п. Со своей стороны силы, заинтересованные в ликвидации режима в Дамаске, при помощи средств массовой информации и других каналов пытались дискредитировать цели внешней политики Сирии и, в частности, заострить внимание мирового общественного и политического мнения на отдельных крайних положениях внешнеполитической концепции левого крыла ПАСВ. При этом особый упор делался на искажение действительных причин антиизраильской позиции сирийского руководства и отрицания им политических методов урегулирования ближневосточного конфликта.

Безусловно, призывы ПАСВ к ликвидации Израиля как базы сионизма и империализма на Ближнем Востоке не способствовали улучшению политического климата в арабо-израильских отношениях. Однако, как справедливо указывает Е. М. Примаков, учитывая негативное воздействие любых требований ликвидации Израиля на нагнетание арабо-израильской вражды и углубление ближневосточного конфликта, необходимо реалистично оценивать их соотношение "с политикой Израиля, направленной на лишение национальных прав палестинского народа, с жестоким экспансионизмом и агрессивностью Израиля в отношении соседних арабских стран".¹³

Следует также отметить, что в рассматриваемый период сирийское руководство было озабочено не вопросами ликвидации Израиля, а укреплением своего положения на внутриполитической и арабской аренах. Обстановка, сложившаяся в Сирии и вокруг нее к началу 1967 г., требовала от него незамедлительного решения двух взаимосвязанных задач: обеспечить твердую поддержку ведущих арабских стран своей позиции в конфликте с "Ирак Петролеум" и, опираясь на нее, добиться решительного сдвига в своих переговорах с руководством консорциума.

Проблемы укрепления межарабской солидарности в борьбе против экономического диктата нефтяных монополий и организации эффективного противодействия военно-полити-

ческому давлению, которое оказывали стоящие за "Ирак Петролеум" империалистические круги США и Англии на прогрессивные арабские режимы, и в первую очередь на Сирию, были обсуждены во время визитов руководителей Ирака в Каир и Дамаск в феврале 1967 г. "Эти визиты, — отмечает О. Герасимов, — ... явно повлияли на урегулирование нефтяного кризиса".¹³³ Причем, принципиальный и твердый подход арабских руководителей к решению проблемы привел к тому, что "Ирак Петролеум" была вынуждена не только возобновить переговоры с Сирией, но и удовлетворить справедливые требования Ирака.

Сделав еще несколько неудачных попыток заставить Сирию отойти от своей принципиальной линии, "Ирак Петролеум" в конечном итоге была вынуждена подписать и новое соглашение о транзите нефти по сирийской территории. Согласно этому соглашению, достигнутому в Дамаске 2 марта 1967 г., концессионные отчисления в пользу Сирии были повышены на 50%. Причем, это положение имело обратную силу с 1 января 1966 г., что дало сирийскому правительству дополнительно 11 млн долларов. Одновременно "Ирак Петролеум" взяла на себя обязательство выплатить Сирии образовавшуюся в период 1955–1965 годов задолженность в размере 40 млн ф. стерлингов.¹³⁴

Успех, достигнутый Сирией в борьбе за пересмотр концессионного соглашения с "Ирак Петролеум", имел не только важное экономическое, но и большое политическое значение. Последовательно отстаив свою позицию, Сирия внесла весомый вклад в развернувшуюся в начале 1960-х годов борьбу арабских нефтедобывающих стран за пересмотр кабальных соглашений с империалистическими нефтяными монополиями. Более того, добившись полного удовлетворения своих законных требований, Сирия не только наглядно продемонстрировала всему арабскому миру возможность эффективного противодействия политике неокOLONиализма, но и нанесла ощутимый удар по политическим позициям империализма на Ближнем Востоке в целом.

Принимая во внимание все конкретные и перспективные

результаты инициативы Сирии в нефтяном вопросе, правильно предположить, что ее успех явился в то же время тем рубежом, за которым последовало уже всестороннее слияние интересов империалистических кругов Запада с агрессивными планами правящей верхушки Израиля в отношении Сирии. На это, во всяком случае, указывают два обстоятельства. Во-первых, то, что о намерениях Израиля напасть на Сирию ведущим империалистическим державам было известно еще за несколько месяцев до того, как это нападение реально совершилось в июне 1967 г. Об этом, в частности, был хорошо осведомлен Париж. "Фактически, — писал по этому поводу Э. Руло, — французские официальные круги хорошо знали, и причем знали за несколько месяцев, что израильским генеральным штабом уже разработаны подробные планы захвата части сирийской территории, в первую очередь Голанских высот, которые господствовали над израильской границей. Их цель состояла не столько в том, чтобы не допустить проникновения фedayинов внутрь израильской территории через Иорданию, сколько в том, чтобы создать серьезные трудности для режима в Дамаске, если вообще не свергнуть его".¹³⁵

Во-вторых, обращает на себя внимание то, что израильские провокации на сирийской границе приобрели особую масштабность и интенсивность сразу же после того, как сирийское руководство подписало соглашение с "Ирак Петролеум". Война с Сирией могла начаться уже 7 апреля 1967 г., когда израильская армия нанесла массированный удар по сирийской территории, однако этому помешала активная позиция Советского Союза, не позволившая израильским милитаристам осуществить свои агрессивные цели в полной мере.¹³⁶

Ситуация еще более обострилась в начале мая 1967 г., когда Израиль стал концентрировать свои войска на границе с Сирией. Не скрывая преследуемых при этом целей, 12 мая начальник генерального штаба израильской армии генерал И. Рабин заявил, что "мы осуществим молниеносную атаку на Сирию, оккупируем Дамаск, свергнем тамшний режим и

вернемся".¹³⁷ О реальности этих намерений свидетельствовало и то, что 14 мая израильский министр иностранных дел А. Эбан провел специальный инструктаж среди сотрудников своего аппарата и израильских дипломатических представителей за рубежом о мерах по соответствующей обработке мирового общественного мнения в связи с предстоящими военными действиями. По его указанию израильские послы должны были также повсеместно распространять версию о том, что Сирия может вынудить Израиль применить против нее силу.¹³⁸

В соответствии с разработанным планом, Израиль собирался осуществить нападение на Сирию не позднее 18 мая. Однако израильское военно-политическое руководство было вынуждено изменить дату начала агрессии в связи с тем, что Египет, верный своим обязательствам, предпринял в защиту Сирии ряд экстренных мер военно-оборонительного характера. Предварительно проинформировав Генерального секретаря ООН о своих намерениях, президент Г. А. Насер отдал приказ о вводе частей египетской армии в ряд районов Синайского полуострова, где были расположены чрезвычайные силы ООН, осуществлявшие контроль за линией перемирия между Египтом и Израилем. К 18 мая передислокация египетских войск была завершена.¹³⁹

22 мая правительство Египта объявило об установлении своего контроля над судоходством в заливе Акаба и Тиранском проливе, запретив, в частности, проход через них израильских судов, а также судов других стран, доставляющих Израилю военно-стратегические грузы. Вместе с тем 23 мая во время встречи с Генеральным секретарем У. Таном в Каире президент Г. А. Насер сделал специальное заявление, в котором подчеркнул, что египетская армия собирается проводить инициативные наступательные действия, а Египет будет полностью соблюдать положения соглашения о перемирии.¹⁴⁰

В ответ на меры, принятые Египтом, израильское руководство, поощряемое гласной и негласной поддержкой империалистических кругов, выступило с угрозами в адрес арабских стран. В результате, военно-политическая напряженность в

регионе резко и многократно возросла, достигнув своего апогея в начале июня 1967 г.

Совет Безопасности ООН, обсудив на целой серии заседаний возникшую на Ближнем Востоке взрывоопасную обстановку, пытался разработать конструктивную линию урегулирования возникшего кризиса, однако, обструкционистская, произраильская по своей сущности позиция США и Англии помешала принятию позитивных решений. Их маневры не только не дали возможности Совету Безопасности ООН предпринять эффективные меры, но и привели к еще большему обострению ситуации.¹⁴¹

5 июня 1967 г. Израиль совершил нападение на Египет, а затем перенес остроту агрессии на Иорданию и Сирию.

В первые дни войны сирийское военное командование не проявило необходимой боевой инициативы и по ряду причин – потеря сирийскими ВВС свыше 70 боевых самолетов, а главное, известие о поражении египетских войск на Синайском полуострове – отказалось от проведения наступательных операций, отдав приказ о переходе к обороне. Активные боевые действия на сирийско-израильском фронте велись, фактически, только два дня. Днем 9 июня израильские войска перешли в наступление, а в конце того же дня части сирийской армии, несмотря на имевшееся у них превосходство в пехоте, танках и артиллерии, не выдержали удара и в ночь на 10 июня стали отходить. К исходу 10 июня израильские войска полностью овладели Голанскими высотами и районом Кунейтры.¹⁴² В результате прорвавшие фронт израильские танки оказались всего в 60 км от Дамаска, а израильские ВВС почти беспрепятственно подвергали бомбардировке его пригороды и столичный аэропорт.¹⁴³ И только благодаря позиции Советского Союза, в категорической форме потребовавшего в Совете Безопасности ООН немедленного прекращения боевых действий, Израиль был вынужден отказаться от планов наступления на столицу Сирии.¹⁴⁴

Небольшой по времени период с февраля 1966 г. по июнь 1967 г. явился одним из наиболее насыщенных важными политическими событиями в новейшей истории Сирии. Его влияние на весь дальнейший ход развития сирийского общества трудно переоценить: он оставил глубокий, во многом неизгладимый след на практически все сферы политической и социально-экономической жизни страны, на много лет вперед предопределил задачи и основные направления ее внешней политики, ее роль на межаарабской арене.

Сложность и противоречивость этого периода заключались не только в том, что, решая задачи прогрессивного переустройства социально-экономической жизни Сирии и пытаясь создать условия для реализации идеи арабского единства, сирийское руководство вынуждено было преодолеть упорное сопротивление сил внутренней и внешней реакции и испытывать на себе постоянное давление империалистических кругов. В меньшей степени они определялись тем, что процесс решения вышеуказанных задач, так же как и возникавшие при этом осложнения внутри- и внешнеполитического характера, оказались тесно, практически неразрывно связаны с ближневосточным конфликтом и его развитием.

Важно понять, что такое положение явилось, во-первых, следствием той роли, которую играл ближневосточный конфликт в политической и социально-экономической жизни региона, в частности, тех аспектов этой роли, которые определяли установившиеся там порядок и характер соотношения стратегических интересов империализма, с одной стороны, и национальных интересов арабских народов — с другой. Любая серьезная попытка внести коренные изменения в это соотношение в пользу национальных интересов арабских народов неизменно приводило к активизации империализмом агрессивного, экспансионистского потенциала Израиля. Так было в 1956 г., в период Суэцкого кризиса, так

случилось и в июне 1967 г., поскольку и мероприятия египетского руководства в середине 1950-х годов, и мероприятия сирийского руководства в середине 1960-х годов были, в конечном итоге, направлены на подрыв позиций империализма на Ближнем Востоке.

Во-вторых, что не менее важно, ближневосточный конфликт, и в первую очередь палестинская проблема, были, фактически, выдвинуты в качестве платформы всей политико-идеологической деятельности сирийского руководства, возглавляемого левым крылом ПАСВ. Если принять во внимание вышеизложенное, то нельзя не признать, что руководство Сирии имело достаточно веские основания связывать решение палестинской проблемы с решением задач коренного политического и социально-экономического переустройства арабского мира. В этом, собственно, и состояла особенность позиции Сирии в ближневосточном конфликте накануне израильской агрессии и именно это на практике определило ее сильные и слабые стороны.

Глава Ш

СИРИЯ В БОРЬБЕ ЗА ЛИКВИДАЦИЮ ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗРАИЛЬСКОЙ АГРЕССИИ И РЕШЕНИЕ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В ПЕРИОД 1967-1970 годов

Сирийский подход к путям преодоления ближневосточного кризиса и альтернативы организации общеарабского фронта борьбы

Военно-политические итоги агрессии позволили правящим кругам Израиля приступить к новому этапу в реализации геополитической концепции сионизма. Оценивая с этих позиций сложившуюся ситуацию, генерал М. Даян, в частности, подчеркивал: "Наши отцы достигли границ, которые были признаны планом по разделу. Наше поколение достигло границ 1949 года. Сегодня поколение шестидневной войны сумело достичь Суэца и Голанских высот. И это — не конец! После настоящих линий прекращения огня будут новые. Они распространятся за пределы Иордании, может быть в Ливан, а может быть — и в центральную Сирию..."

Продвигая процесс сионистской экспансии в сторону создания "Великого Израиля", израильская военно-политическая верхушка в качестве программы-минимум поставила перед собой задачу достижения на Ближнем Востоке таких условий, которые обеспечили бы переход от режима оккупации захваченных арабских территорий к их непосредственной аннексии.

С другой стороны, как характер израильской агрессии и направленность политики Израиля в последующий за ней

период не могли быть сведены только к целям территориальной экспансии, так и вставшая перед арабскими странами, и в первую очередь перед арабским национально-освободительным движением, задача преодоления кризисной ситуации на Ближнем Востоке не могла быть ограничена исключительно проблемой оккупированных территорий. Реакционная сущность политики американо-израильского альянса на Ближнем Востоке в целом определяла то положение, что борьба за всестороннюю ликвидацию последствий израильской агрессии и решение палестинской проблемы в долговременном плане могла успешно развиваться только на принципиально антиимпериалистических основах и быть, таким образом, одновременно направленной против самих позиций империализма и всех связанных с ним сил в регионе. Очевидно было и то, что выбор арабскими странами, и в первую очередь теми, кто непосредственно был вовлечен в ближневосточный кризис, путей ликвидации последствий израильской агрессии мог быть сделан правильно не только с учетом новой обстановки на Ближнем Востоке, но и при обязательном критическом осмыслении причин постигшего их поражения, ошибок и промахов, допущенных ими в предшествовавший агрессии период.

Необходимость освобождения захваченных Израилем территорий сама по себе еще не могла предопределить идентичности позиций Сирии, Египта и Иордании в отношении конкретных путей преодоления возникшей кризисной ситуации в целом. Достижение этими странами согласованности в действиях представляло нелегкую проблему хотя бы уже в силу тех разногласий и противоречий, которые существовали между ними накануне израильской агрессии и которые, конечно же, не могли бесследно исчезнуть с ее окончанием. Более того, на политику Сирии, Египта и Иордании оказывал давление целый ряд факторов, особенности воздействия которых в условиях реально сложившейся в каждой из стран обстановки создавали предпосылки для появления и развития существенных различий в их подходах к решению возникших проблем. Это были факторы, связанные как с конкретными территориальными, военно-политическими и социально-экономическими

последствиями израильской агрессии, ^тдаже, попытки сирий-
идеологическими установками правящих ^ре положения кон-
в отношении арабо-израильского конфликта ^впрактике привели,
палестинской проблемы, в частности.

Территориальные потери Сирии оказались не столь ^бзна-
чительными, как потери Египта и Иордании. Площадь зах-
ваченных Израилем районов Голанских высот и Кунейтры
составила около 1000 км², т.е. примерно 0,5% всей терри-
тории Сирии. Однако число беженцев из этих районов было
довольно внушительным, составив по официальным данным
100 тыс. человек.²

В экономическом плане эти территориальные потери так-
же не были столь ощутимы и в целом не могли оказать
существенного негативного воздействия на экономику Сирии.³
Однако возникшая необходимость резкого увеличения рас-
ходов на оборону, на восполнение потерь в военной технике
и вооружениях,⁴ не могла не сказаться на финансировании
целого ряда важных народнохозяйственных проектов, которые
намечалось осуществить в 1966-1970 гг. в ходе выполнения
второго пятилетнего плана страны.

Следует отметить, что проблема всестороннего восстано-
вления и укрепления сирийских вооруженных сил не ограни-
чивалась решением только военно-технических задач. Раз-
витие событий на сирийско-израильском фронте показало
недостаточную подготовленность командного состава сирий-
ской армии в оперативном и тактическом отношениях, вы-
явило слабые места в боевой подготовке сирийских ВВС и
сил ПВО, а также войск в целом, не проявивших в сраже-
ниях необходимой стойкости и упорства. И если, учитывая
позицию Советского Союза, его готовность оказать постра-
давшим от агрессии арабским странам всестороннюю помощь,
восполнение потерь в военной технике являлось лишь вопро-
сом самого ближайшего времени, то для достижения необ-
ходимого уровня боеспособности сирийской армии требова-
лись более длительные сроки. Такое положение объективно
диктовало необходимость проявления особого внимания со
стороны руководства Сирии к нуждам армии и к вопросам
военного строительства в целом.

период не могли быть с^в, что, хотя экономическое значение
ной экспансии, так и в^сот и Кунейтры в масштабах всей
в первую очередь п^еико, с военно-стратегической точки зре-
ным движением. имела для Сирии чрезвычайно важные послед-
ствия. Голанские высоты, представляя собой естественную
преграду на стыке территорий Израйля, Сирии, Иордании и
Ливана, всегда составляли исключительно важный, страте-
гический элемент в системе сирийской обороны. Обладание
Голанскими высотами давало Израилю значительное потен-
циальное преимущество в случае проведения на израильско-
сирийском фронте как оборонительных, так и наступатель-
ных операций. Если при этом учесть, что расстояние от
оккупированной Израилем Кунейтры до Дамаска по прямой
составляет примерно 80 км, а также принять во внимание
высокую техническую оснащенность и мобильность современ-
ных вооруженных сил, то нетрудно было представить, какая
опасность могла угрожать в случае возобновления военных
действий столице Сирии, оказавшейся в пределах зоны опера-
тивного действия израильской армии.

Учитывая эти обстоятельства, возможность политического
урегулирования вопроса о возвращении района Голанских
высот Сирии была крайне проблематичной. Тем более, что
стремление к его аннексии логически вытекало из планов
сионистских кругов обеспечить Израилю так называемые
"безопасные границы". Буквально на следующий день после
прекращения огня эти планы стали практически воплощаться
в жизнь, что, конечно же, не могло остаться незамеченным,
и в первую очередь для руководства Сирии. К тому же все
сионистские партии и организации Израйля прямо потребо-
вали расширения мер, проводимых в районе Голанских высот
и не оставлявших сомнений в их аннексионистском характере.
Так, в решениях состоявшегося в феврале 1968 г. совещания
этих партий и организаций в этой связи, в частности, ука-
зывалось: "Голанские высоты всегда представляли собой
угрозу безопасности и сохранности израильских поселений
в Галилее и Иорданской долине. Поэтому эта территория
должна быть демилитаризована, а израильские силы ... долж-
ны занять позиции на вершинах Голанских высот".⁵

Как было показано в предыдущей главе, попытки сирийского руководства осуществить отдельные положения концепции народно-освободительной войны на практике привели, в частности, к осложнению отношений Сирии с рядом арабских стран, и в первую очередь с Иорданией, а также были активно использованы Израилем для нагнетания военной напряженности на Ближнем Востоке и подготовки агрессии. Тем не менее, и в новых условиях сирийское руководство не отказалось от этой концепции, считая, что сложившаяся ситуация не только подтверждает правильность ее основных положений, но и создает более благоприятные условия для ее реализации. Дальнейшее развитие событий показало, что эта установка носила принципиальный характер, сыграв, в частности, определяющую роль в подходе Сирии к проблеме организации общеарабского фронта борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии.

Эта проблема оказалась в центре политической активности арабских стран после того, как 11 июня 1967 г. президент Судана И. Азхари предложил созвать в Хартуме общеарабскую встречу в верхах для обсуждения сложившейся кризисной ситуации и принятия соответствующей программы совместных действий. Первым на это предложение откликнулся президент Г. А. Насер, подчеркнувший, что для созыва подобной встречи нет никаких препятствий, поскольку "совместная борьба против Израиля устранила все разногласия между арабскими странами".⁶

Сирийское руководство, не разделив оптимизма египетского президента в оценке реального состояния межарабских отношений и поставив под сомнение практическую эффективность общеарабской встречи в верхах, тем не менее направило своего представителя в Кувейт для участия в подготовительном совещании министров иностранных дел. В ходе состоявшихся 17-18 июня заседаний министры рассмотрели выдвинутый Суданом план, который предусматривал "очищение атмосферы" в межарабских отношениях; принятие согласованной позиции в ООН в отношении США и Англии, поддержавших Израиль; продолжение нефтяного бойкота США,

Англии и Голландии; создание нового общеарабского командования; разработку и осуществление совместной оборонной программы; мобилизацию всех необходимых ресурсов арабских стран на обеспечение борьбы за ликвидацию последствий агрессии.⁷

На совещании был также рассмотрен вопрос созыва чрезвычайной встречи глав арабских государств и правительств, однако время и место ее проведения при этом не уточнялись. Последнее обстоятельство было отнюдь не случайным, на что, в частности, указывала позиция представителя Саудовской Аравии. Оговаривая условия проведения встречи в верхах, он особо подчеркнул, что Саудовская Аравия примет в ней участие только в том случае, если Египет предварительно рассмотрит вопрос о выводе своих войск из Йемена.⁸ Оговорка саудовского министра недвусмысленно указывала на то, что все проблемы, связанные с ликвидацией последствий агрессии, будут решаться консервативными режимами только в контексте задач их арабской политики. Это, в свою очередь, обуславливало соответствующую политическую направленность условий предоставления ими помощи пострадавшим от агрессии странам. И если у Иордании, учитывая характер правящего в ней режима, подобная установка не могла вызвать каких-либо серьезных возражений, то для Египта и Сирии вопрос о том, принять или не принять ее, мог иметь исключительно принципиальное значение. Выдвижение этой альтернативы явилось единственным, фактически, итогом совещания министров иностранных дел арабских стран в Кувейте, прерванного 18 июня в связи с их отъездом в Нью-Йорк для участия в работе чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по Ближнему Востоку.

Президент Сирии Н. Атаси в своем выступлении на сессии охарактеризовал возникший на Ближнем Востоке острый военно-политический кризис как прямое следствие экспансионистской политики Израиля, опирающегося на поддержку мирового империализма. Указав на проимпериалистическую направленность агрессии, сирийский руководитель подчеркнул, что усиление борьбы против сил реакции, сионизма и империализма

ма является основной задачей прогрессивных арабских режимов, отвечающей интересам всех освободившихся стран Азии и Африки. "Мы не допустим, — заявил он, — чтобы наша родина стала базой, которую империализм будет использовать для нападений на эти два великих континента или против социалистических стран и других миролюбивых наций".⁹

Подвергнув резкой критике и осуждению произраильскую позицию США и Англии, Н. Атаси в то же время высоко оценил всестороннюю помощь и поддержку, оказанную арабам в тяжелой для них ситуации Советским Союзом и другими социалистическими странами. Сирийский руководитель дал такую же высокую оценку и проекту резолюции, который был выдвинут советской делегацией и который, по его мнению, указывал принципиальный путь к урегулированию кризиса.¹⁰

Представитель Сирии в ООН Дж. Томэ в своем выступлении на сессии более подробно остановился на причинах и целях нападения Израиля на Сирию. Он, в частности, подчеркнул наличие прямой связи между израильской агрессией и политикой империалистических монополий на Арабском Востоке, особо указав на то обстоятельство, что события в регионе приняли угрожающий характер после того, как сирийское руководство бросило вызов "Ирак Петролеум Компани".¹¹

Комментируя выступления членов сирийской делегации, средства массовой информации Сирии уделили основное внимание разъяснению сущности израильской агрессии и принципиальных требований сирийского партийно-правительственного руководства к путям ликвидации ее последствий. Подчеркивалось, что агрессия преследовала прежде всего политические цели, ставя задачу дискредитации, а затем и свержения прогрессивных арабских режимов. Самая главная и самая опасная цель агрессии состояла в том, чтобы нанести удар по самим идеям социализма и вселить в арабские трудящиеся массы недоверие к социалистическим силам во всем мире, посеять сомнение в целесообразности сотрудничества с социалистическими странами. При этом подчеркивалось, что руководство ПАСВ никогда не откажется от идеи народ-

но-освободительной войны как средства сплочения народных масс для борьбы за освобождение Палестины и других частей арабского мира, не откажется от "революционной арабской стратегии укрепления прогрессивных и революционных арабских сил, являющейся единственным путем осуществления целей арабской нации".¹²

Взяв курс на достижение всестороннего сотрудничества с прогрессивными арабскими режимами, сирийское руководство в конце июня 1967 г. предприняло ряд шагов, направленных на разъяснение своей позиции в решении ближневосточного конфликта и условий созыва совещания глав арабских государств. Выступая 24 июня 1967 г. по дамасскому радио, министр информации Сирии отметил полное совпадение между позициями Сирии и Алжира, поддерживающих предложение созыва "малой" встречи в верхах с участием руководителей Алжира, Египта, Ирака и Сирии, а также создания между этими государствами особых экономических и военных связей.¹³

26 июня премьер-министр Сирии Ю. Зуэйн нанес краткосрочный визит в Ирак, где также было достигнуто взаимопонимание сторон по вопросу о созыве общеарабской встречи в верхах. По мнению сирийских и иракских руководителей, только принципиально антизападная повестка дня совещания, заранее разработанная всеми его участниками, могла стать основанием и условием для ее проведения. Аналогичную позицию в этом вопросе заняло и алжирское руководство.¹⁴

"Малая" встреча в верхах руководителей Египта, Алжира, Ирака и Сирии начала свою работу 13 июля 1967 г.

Сирийская делегация внесла на рассмотрение участников встречи предложение о создании объединенного военного командования и политического консультативного совета, заявив также, что Сирия готова рассмотреть вопрос об объединении с Египтом. Однако президент Г. А. Насер отклонил это предложение, отметив, что на данном этапе более насущной и важной, чем объединение двух стран, является проблема освобождения оккупированных арабских территорий. При этом египетский руководитель предлагал не отказывать-

ся от попыток политического урегулирования кризиса, готовясь одновременно к освобождению оккупированных территорий силой. Заняв такую позицию, президент Г. А. Насер также отклонил предложение сирийской делегации рассмотреть вопрос о немедленном развертывании партизанской войны против Израиля. Египетская точка зрения получила поддержку со стороны Ирака.¹⁶

В итоге встречи участники ее приняли решение созвать в августе 1967 г. в Хартуме встречу министров иностранных дел арабских стран для выработки повестки общеарабского совещания в верхах, а также направить в Москву алжирскую и иракскую делегации для обсуждения вопросов о возможности предоставления Советским Союзом всесторонней помощи пострадавшим от израильской агрессии арабским странам.

С 1 по 5 августа 1967 г. в Хартуме состоялась встреча министров иностранных дел арабских стран. В ее работе также приняли участие генеральный секретарь Лиги арабских государств и председатель Исполкома Организации освобождения Палестины. Повестка дня совещания не была заранее подготовлена. Собравшиеся министры рассмотрели в связи с этим перечень вопросов, выдвинутых еще в июне 1967 г. на конференции в Кувейте. В то же время представители Ирака и Кувейта внесли дополнительное предложение обсудить проблемы, связанные с продлением нефтяного бойкота, достижением солидарности в экономической политике и созданием специального фонда для оказания финансовой помощи странам, непосредственно пострадавшим от израильской агрессии.¹⁸

Основные прения на встрече развернулись по вопросу нефтяного бойкота западных стран. Сирия, которую поддерживал Ирак, требовала продолжения бойкота, в то время как Саудовская Аравия, Ливия и Кувейт выступали за его прекращение. В конечном итоге, учитывая, что мнения участников по этому важному вопросу разделились, конференция приняла решение созвать 15 августа в Багдаде встречу министров нефтяной промышленности, финансов и экономики

арабских стран. Рекомендации этой встречи затем должны были быть рассмотрены при продолжении совещания министров иностранных дел в Хартуме, назначенного на 26 августа.¹⁹

В перерыве между указанными двумя совещаниями министров иностранных дел в Хартуме был проведен ряд встреч между представителями отдельных арабских государств с целью сближения их позиций по основным вопросам повестки общеарабского форума. Так, президент Ирака А. С. Ареф прибыл 10 августа в Дамаск, где в течение двух дней обсуждал с сирийским руководством различные аспекты послевоенной ситуации на Ближнем Востоке. По окончании переговоров было сделано совместное сирийско-иракское заявление, в котором, в частности, указывалось, что при обсуждении вопросов организации общеарабских усилий, направленных на ликвидацию последствий израильской агрессии, между сторонами было достигнуто полное взаимопонимание.²⁰ Вместе с тем, как сообщали ливанские информационные круги, в ходе своего визита президент Ареф пытался убедить руководство Сирии занять более гибкую позицию в отношении возможности установления политических и экономических контактов с западными странами.²¹

На конференции министров нефти, финансов и экономики арабских стран, состоявшейся в Багдаде с 15 по 20 августа 1967 г., Сирия вновь выступила с требованием безоговорочного нефтяного бойкота западных стран, а также применения других экономических санкций в отношении США и Англии. Ее позиция была поддержана Ираком и Алжиром. Против подобного подхода выступили представители Саудовской Аравии, Марокко, Туниса, Ливии, Иордании и Кувейта. В результате, дальнейшее обсуждение вопроса было перенесено на предстоящую конференцию министров иностранных дел в Хартуме.²²

Вторая встреча министров иностранных дел арабских стран в августе 1967 г. в целом одобрила положения, выдвигаемые группировкой арабских стран во главе с Саудовской Аравией, которая считала, что отмена нефтяного бойкота Запада поз-

волит арабским нефтедобывающим странам сохранить получаемые ими доходы от эксплуатации нефтяных месторождений и тем самым внести более эффективный вклад в организацию борьбы за освобождение оккупированных Израилем территорий.²³

В Дамаске итоги этой встречи были расценены как исключаящие возможность участия Сирии в общеарабском совещании в верхах. 31 августа, после получения соответствующих инструкций, министр иностранных дел Сирии И. Махус покинул Хартум. Перед отъездом он, однако, заявил о готовности сирийского руководства выполнить любую "позитивную" резолюцию, которая будет принята главами арабских государств, и подчеркнул, что Сирия полностью доверяет внешнеполитическому курсу, проводимому президентом Г. А. Насером.²⁴

По прибытии в Дамаск И. Махус, характеризуя занятую Сирией позицию, отметил: "Несмотря на все наши усилия в Кувейте, Нью-Йорке, Багдаде и Хартуме, нам не удалось добиться одобрения рекомендаций, которые должны были быть представлены на обсуждение встречи в верхах... Сирийская точка зрения состояла в том, что эти рекомендации, в первую очередь багдадские резолюции (т.е. нефтяной бойкот Запада - Г. Г.), должны были быть одобрены до начала работы встречи в верхах".

1 сентября 1967 г. общеарабское совещание в верхах в Хартуме закончило свою работу. В принятой на совещании резолюции главы арабских государств обязывались бороться за полную ликвидацию последствий израильской агрессии и вывод израильских войск со всех арабских территорий, оккупированных в июне 1967 г., объединив политические усилия на международном и дипломатическом уровнях. Резолюция подчеркивала, что поставленная цель должна быть достигнута на основе соблюдения принципов "нет" - миру с Израилем, "нет" - признанию Израиля, "нет" - переговорам с Израилем. При этом было подтверждено право арабского народа Палестины на создание независимого государства на его собственной территории.

В резолюции указывалось также, что, по мнению участников совещания, отказ от нефтяного бойкота может быть использован в качестве позитивного оружия, поскольку нефть является тем основным ресурсом арабов, который, будучи направлен на развитие экономики пострадавших от израильской агрессии арабских стран, позволит им укрепить свои позиции в борьбе против Израиля.

Главы арабских государств одобрили также план создания межарабского фонда экономического и социального развития и взяли на себя обязательство принять все необходимые меры для повышения обороноспособности противостоящих Израилю стран.

Саудовская Аравия, Кувейт и Ливия, согласно резолюции совещания, обязались каждые три месяца выделять из доходов от продажи нефти соответственно 50, 55 и 30 млн. фунтов стерлингов для оказания финансовой помощи Египту и Иордании.²⁵

Совещанию глав арабских государств в Хартуме нельзя дать однозначной оценки. Сам по себе его созыв явился фактом большого политического значения, продемонстрировав глубокую озабоченность и понимание главами арабских государств масштабов угрозы, исходившей из очевидного стремления правящих кругов Израиля придать военно-политическим итогам агрессии необратимый характер. Вместе с тем, совещание отчетливо показало, что осознанная арабскими странами необходимость консолидации своих усилий в целях ликвидации последствий израильской агрессии не может быть реализована достаточно эффективно в силу существовавших среди арабских стран идеологических и политических противоречий и разногласий.

Более того, уже в ходе встреч в Кувейте, Хартуме и Багдаде стало очевидно, что ряд консервативных режимов во главе с Саудовской Аравией активно стремились воспользоваться кризисной ситуацией на Ближнем Востоке в целях усиления и расширения своих позиций в арабском мире. При этом основная ставка делалась ими на всестороннее использование того критического положения, в котором оказались в результате израильской агрессии Египет и Сирия.

Представленные в основном нефтедобывающими странами, арабские консервативные режимы мотивировали необходимость прекращения нефтяного бойкота тем, что без этого оказание полноценной помощи пострадавшим от агрессии странам невозможно. Вместе с тем, предоставление этой помощи Египту и Сирии оговаривалось выполнением ими ряда условий и требований, которые свидетельствовали о том, что, прикрываясь лозунгом арабской солидарности, арабская реакция поставила цель не только добиться от Египта и Сирии принципиальных уступок в сфере их межарабской политики, но и дискредитации позиции этих прогрессивных режимов на межарабской арене.

Так, выразив готовность предоставить Египту необходимую финансовую помощь для компенсации его материальных и военных потерь, Саудовская Аравия в то же время потребовала вывода египетских войск из Йемена. Выполнение этого требования Египтом крайне осложнило бы положение республиканских сил в Йемене, создав вместе с тем благоприятные условия для продолжения Саудовской Аравией своей политики, направленной на ликвидацию достижений йеменской революции. И тем не менее, президент Г. А. Насер был вынужден подписать в Хартуме соответствующее соглашение с королем Фейсалом, которое "означало решение йеменской проблемы на условиях, фактически продиктованных Саудовской Аравией".²⁶

Что же касалось Сирии, то принятое в Хартуме решение об оказании финансовой помощи пострадавшим от израильской агрессии странам на нее не распространялось. Мотивировалось это тем, что Сирия отказалась участвовать в заключительном совещании глав арабских государств в Хартуме. Однако, как впоследствии признал М. Риад, бывший в то время министром иностранных дел Египта, вопрос о предоставлении финансовой помощи Сирии был фактически решен негативно еще до начала работы заключительного совещания. Об этом заявил М. Риаду министр иностранных дел Саудовской Аравии, указав, что король Фейсал был категорически против предоставления какой-либо помощи

Сирии, поскольку последняя выступала с нападками на саудовский режим и не пыталась сгладить имевшиеся между странами разногласия.²⁷

Следует подчеркнуть, что компромисс Египта и Сирии с консервативными арабскими режимами фактически не мог ограничиться только сферой их арабской политики. Очевидно, что, связав себя определенными обязательствами и опираясь главным образом на финансовую поддержку консервативных арабских режимов, Египет и Сирия тем самым способствовали бы созданию в регионе такого положения, которое в перспективе привело бы к тому, что империалистические государства и, в первую очередь США, опираясь на своих партнеров на Арабском Востоке, получили бы более широкие возможности для контроля над арабо-израильским конфликтом. Более того, компромисс, достигнутый прогрессивными режимами Египта и Сирии с арабскими консервативными государствами, так или иначе приводил к компромиссу с внутренней реакцией, способствуя созданию благоприятных условий для ее всесторонней активизации.

Таким образом, было достаточно очевидно, что при определенном развитии событий все это могло привести к такому положению, создания которого и добивалась правящая верхушка Израиля в июне 1967 г., — всемерному ослаблению и последующей трансформации антиимпериалистических и прогрессивных режимов в Египте и Сирии — т.е. именно той цели, которой добивался Израиль и его покровители военными средствами.

В таких условиях решающим фактором, способным сбалансировать, а затем и преодолеть негативные последствия компромисса с реакционными и консервативными силами, могла стать только внутренняя стабильность правящего режима, его способность адаптироваться к возникшей на Ближнем Востоке напряженной военно-политической ситуации путем консолидации своего наиболее последовательного ядра и мобилизации всех усилий на неуклонное проведение в критических условиях прогрессивного курса на внутренней и внешней аренах.

Задачи партийно-правительственного руководства Сирии, связанные с проблемой ликвидации последствий израильской агрессии, были рассмотрены на IX чрезвычайном национальном съезде ПАСВ, который состоялся в начале сентября 1967 г.

Съезд определил агрессию как конкретное проявление "всеобщей стратегии империализма, направленной на подавление воли народов и удержание их в сфере его прямого или косвенного влияния". В материалах съезда подчеркивалось, что, санкционировав агрессию, империалистические круги во главе с США пытались остановить процесс всестороннего ослабления своих позиций в регионе, процесс, который определяли "глубокие сдвиги в сторону социализма, четкая освободительная политика, взятая на вооружение прогрессивными режимами в Сирии, ОАР и Алжире, первые шаги, сделанные в направлении сближения этих прогрессивных сил на основе их совместной борьбы, усиление противодействия масс и прогрессивных сил реакционным режимам, разоблачение этой реакции, ее методов и ее нерушимой связи с империализмом и сионизмом, расширение вооруженной борьбы масс, направленной на ликвидацию оплотов империализма".²⁸

Съезд выделил четыре основных цели, которые преследовала агрессия. Во-первых, остановить революционный процесс в арабском мире и свергнуть прогрессивные режимы. Во-вторых, подтвердить роль Израиля как базы империализма, осуществляющей контроль над одним из важнейших центров международных коммуникаций, и осуществить новый этап "экспансионистской стратегии мирового сионизма, направленной на захват еще одной части арабских территорий ... и подготовку последующей волны агрессии в целях создания государства сионизма (от Ефрата до Нила)". В-третьих, оказать морально-психологическое давление на все антиимпериалистические национально-освободительные силы мира. И, наконец, в-четвертых, подорвать авторитет и позиции мирового социализма.²⁹

Определяя причины поражения, съезд указал, что оно во многом было обусловлено отсутствием единства арабских

народов. "Состояние разобщенности, — подчеркивалось в решениях, — имеет самые тяжелые последствия для всех сторон жизни арабов, для их способности упорно противостоять натиску извне и побеждать. Все остальные причины носят подчиненный характер и вытекают из этой реальности, проявляются ли они в отсутствии индустриальной базы, которая гарантировала бы арабам экономическую самообеспеченность, или же в отсутствии единого военного командования, которое повело бы войска в соответствии с нуждами и требованиями войны, — т.е. во всем том, что, как это было практически доказано недавним прошлым, не может быть компенсировано какой-либо экономической или военной координацией".³⁰

Съезд указал также на бесплодность попыток решить возникшие проблемы путем проведения общеарабских совещаний в верхах, поскольку они оказались не в состоянии "разработать единую программу, которая гарантировала бы использование всего потенциала арабов в интересах их общей битвы на основе бойкота тех империалистических сил, которые способствовали развязыванию агрессии и поддерживали ее экономически и политически..."³¹ По мнению съезда, успех борьбы за освобождение оккупированных территорий и ликвидацию империалистического присутствия в регионе следовало связывать с развитием революционной линии и мобилизацией всех возможностей на расширение вооруженного противодействия Израилю, в то время как "использование других — экономических, политических и пропагандистских — средств должно быть поставлено на службу этому основному методу".³²

Опираясь на эти положения, съезд в области внутренней политики ПАСВ выдвинул задачи укрепления единства политического руководства сирийского общества, расширения его связей с массовыми демократическими организациями, создания отрядов народного ополчения, укрепления регулярной армии и народных вооруженных сил, дальнейшего развития экономической базы и решительного пресечения деятельности агентов империализма и арабской реакции в Сирии.³³

В области межарабских отношений съезд указал на не-

обходимость достижения единства между прогрессивными арабскими странами, на важность выработки Сирией, ОАР, Алжиром и Ираком единой стратегии борьбы и объединения их военного и экономического потенциала, на возросшее значение всех прогрессивных сил, движений и организаций арабского мира в деле консолидации народных масс и их решительного противодействия "всем политическим, экономическим и социальным опорам империализма".³⁴ Съезд также призвал к безоговорочной поддержке борьбы арабского народа Палестины за свои национальные права, к тотальному бойкоту всех поддерживавших агрессию империалистических держав, к активному использованию "нефтяного оружия" и к ликвидации всех иностранных военных баз в арабском мире.³⁵

В области международной политики ПАСВ съезд выдвинул задачи дальнейшего укрепления отношений с социалистическими и неприсоединившимися странами, проведения широкой работы по разъяснению мотивов израильской агрессии в целях привлечения мирового общественного мнения на сторону справедливых требований арабских народов, углубления связей с национально-освободительными движениями в интересах "консолидации их совместной борьбы против колониализма, империализма и сионизма".³⁶ Одновременно съезд указал на необходимость пересмотра отношений со всеми странами в зависимости от их подхода к арабо-израильскому конфликту.³⁷

Руководство ПАСВ, подводя итоги проделанной на съезде работы, выразило уверенность в том, что арабские прогрессивные силы сумеют объединить свои ряды на основе приверженности принципам "революционной стратегии, которая направит массы на путь долгой борьбы за осуществление целей арабской революции".³⁸ Оно также подчеркнуло, что арабские народы не сомневаются в том, что "силы свободы и прогресса во всем мире стоят на стороне их справедливого дела, поскольку оно является делом всех народов, борющихся против империализма и сионизма".³⁹

Как и во время "малой встречи в верхах" в июле 1967г.,

предложение Сирии о создании объединения прогрессивных арабских режимов в целях оказания эффективного противодействия экспансионистской политике Израиля не нашло отклика со стороны египетского руководства. "Защита арабской территории, — писал в те дни известный египетский журналист М. Хейкал, хорошо осведомленный о планах президента Г.А.Насера, — является обязанностью всех арабов, вне зависимости от их социальных и политических различий... Истинная революционная позиция состоит не в повторении лозунгов, а в мобилизации всех ресурсов на проведение борьбы".⁴⁰

Более просирийскую позицию в вопросе объединения занял Ирак. В ходе состоявшегося с 11 по 13 октября официального визита в Багдад сирийская делегация, возглавляемая президентом Сирии Н. Атаси, обсудила с иракским руководством проблему создания политического или военного союза между прогрессивными арабскими режимами. Достигнутое по этому вопросу соглашение характеризовалось руководителями обеих стран как важный шаг на пути к единству всех революционных сил.⁴¹

Обсуждение аналогичных проблем состоялось в конце октября 1967 г. с президентом Алжира Х. Бумедьеном, выявившее определенные расхождения между позициями Сирии и Алжира. В отличие от своего первоначального подхода, вызванного скорее эмоциональной реакцией, чем трезвым политическим расчетом, президент Х. Бумедьен в беседе с сирийским руководством высказался за то, чтобы попытаться вернуть оккупированные территории при помощи политических средств, поскольку, по его мнению, на данном этапе арабы не располагали реальными возможностями для ведения успешной войны с Израилем.⁴²

Реакция Египта на предложение рассмотреть вопрос объединения прогрессивных арабских стран, а также переговоры в Алжире показали, что Сирия не может рассчитывать на активную поддержку своего внешнеполитического курса со стороны тех арабских режимов, которые сирийское руководство рассматривало как своих единственно возможных союзников в арабском мире.

Попытка консолидировать вокруг себя прогрессивные арабские режимы была сделана Сирией и в ноябре 1967 г., когда в связи с принятием Советом Безопасности ООН специальной резолюции по Ближнему Востоку (№ 242 от 22 ноября 1967 г.) вновь встал вопрос о необходимости выработки общеарабской позиции в отношении путей освобождения оккупированных территорий и решения палестинской проблемы. Как известно, резолюция Совета Безопасности предусматривала уход израильских войск со всех захваченных в июне 1967 г. арабских территорий, прекращение призывов к войне и самого состояния войны на Ближнем Востоке, уважение и подтверждение сторонами суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех государств региона и их права жить в мире в пределах безопасных и признанных границ, свободных от каких-либо угроз и военных посягательств.

Резолюция подчеркивала необходимость гарантирования свободы навигации по международным водным путям в регионе, справедливого решения проблемы палестинских беженцев, а также, в целях обеспечения территориальной целостности и политической независимости всех государств региона, создание демилитаризованных зон в пограничных районах Израиля и его арабских соседей. Для реализации этих положений предусматривалось установление контактов между всеми заинтересованными сторонами при посредничестве специального представителя ООН. (Эта миссия была возложена на шведского дипломата Г. Ярринга).⁴³

Резолюция СБ ООН № 242 явилась важным базовым документом, заключавшим в себе основные принципы и требования мирового сообщества к путям установления прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке. Вместе с тем она не была свободной от определенных недостатков и упущений, связанных главным образом с ограниченным толкованием палестинской проблемы. "Хотя принятый документ, — указывает Е. Дмитриев, — казалось бы, носил комплексный и в целом сбалансированный характер, он не учитывал важнейшего компонента ближневосточного урегулирования, его

сердцевины – необходимости конструктивного решения проблемы Палестины на путях предоставления ее коренным жителям права на самоопределение. В резолюции 242 палестинский вопрос рассматривался исключительно как проблема беженцев".⁴⁴

Таким образом, призывая все государства региона к взаимному признанию в рамках границ, фактически сложившихся в результате Палестинской войны 1948–1949 гг., резолюция СБ ООН обходила вопрос о реализации признанного еще в 1947 г. Генеральной Ассамблеей ООН права арабского народа Палестины на создание своего суверенного государства. В результате, принятие арабами этой резолюции целиком и полностью могло быть истолковано как их согласие на признание Израиля в рамках им же установленных военной силой границ и на частичное урегулирование палестинской проблемы. Такой подход к установлению мира на Ближнем Востоке при определенных условиях мог удовлетворить и Израиль, и даже некоторых его арабских соседей, однако не отвечал и не мог отвечать чаяниям и принципиальным требованиям арабского народа Палестины. С точки же зрения межарабских обязательств и соглашений такой подход находился бы в очевидном противоречии с решениями, принятыми в Каире в 1963 г. в связи с созданием ООП.

Реакция Сирии на резолюцию № 242, в отличие от Египта и Иордании, определялась не только военно-политическими соображениями, но и обуславливалась требованиями идеологического порядка. Признание Израиля и согласие на частичное решение палестинской проблемы даже только по тактическим соображениям ставило под удар идеологические основы арабской политики ПАСВ, ограничивая сферу ее политической деятельности исключительно рамками национально-государственной политики Сирии и лишая ее морального права выступать от лица всей арабской нации.

И не случайно, что сирийское руководство в своем официальном заявлении от 23 ноября 1967 г. категорически отвергло указанную резолюцию, подчеркнув, что она является

ничем иным, как "серьезным международным подтверждением принципа решения проблемы посредством военной силы и представляет собой сделку по палестинской проблеме в ответ на неясные обещания Израиля отвести свои войска".⁴⁵

В связи с этим президент Сирии Н. Атаси призвал все прогрессивные силы арабского мира и все арабские правительства не признавать и бороться против реализации положений резолюции Совета Безопасности ООН по Ближнему Востоку, поскольку признание этой резолюции, указывал он, равноценно консолидации с Израилем и защите "сионистского образования".⁴⁶

Придерживаясь принятого курса на сотрудничество только с прогрессивными арабскими режимами, Сирия категорически отказалась от участия в очередной общеарабской встрече в верхах, созываемой в начале декабря 1967 г. в Рабате для обсуждения резолюции № 242 в свете решений, принятых на Хартумском совещании. 25 ноября египетское руководство обратилось в секретариат Лиги арабских государств (ЛАГ) с просьбой провести контакты со всеми членами Лиги в целях скорейшего созыва встречи. К 29 ноября все остальные страны — члены ЛАГ, за исключением Сирии и Саудовской Аравии, дали свое согласие на участие в совещании в верхах. Однако, если Сирия отказалось от участия в предполагавшейся встрече без каких-либо оговорок, саудовское руководство мотивировало свою позицию тем, что вопрос об организации подобной встречи будет целесообразно рассмотреть только после того, как станут известны результаты миссии специального представителя Генерального секретаря ООН посла Г. Ярринга.⁴⁷

Когда стало ясно, что встреча глав арабских государств не может состояться в намеченное время, секретариат ЛАГ предложил первоначально созвать конференцию министров иностранных дел. Она и состоялась в начале декабря 1967 г. в Каире. Руководство Сирии, хотя и выступало до этого против созыва общеарабской встречи в верхах, приняло участие в работе двух заседаний конференции.

В ходе ее министры иностранных дел арабских стран

должны были разработать повестку будущего совещания в верхах. Основные прения развернулись по вопросам, касающимся в целом характера политических и военных мер в решении ближневосточного конфликта и отношения к миссии Г. Ярринга. 11 декабря министры приняли решение созвать встречу в верхах 17 января 1968 г. и обсудить на ней весь комплекс возможных политических, экономических и военных мер ликвидации последствий израильской агрессии в свете резолюции Совета Безопасности ООН по Ближнему Востоку. Одновременно, учитывая позицию, занятую Сирией и Саудовской Аравией, на министра иностранных дел Марокко была возложена миссия установить контакты с руководителями этих стран в целях обеспечения их участия в предстоящей встрече в верхах.⁴⁹

Участовавший в работе каирской конференции председатель Исполкома ООП А. Шукейри был, пожалуй, единственным, кто полностью поддержал позицию Сирии в отношении политических мер урегулирования ближневосточного конфликта и миссии Г. Ярринга. А. Шукейри открыто выразил свое несогласие с решением включить в повестку встречи в верхах обсуждение политических мер, настаивая на необходимости преодоления кризисной ситуации на Ближнем Востоке исключительно военными средствами.⁵⁰

Категорически отвергнув резолюцию Совета Безопасности ООН по Ближнему Востоку, Сирия отказалась и от какого-либо участия в переговорах по реализации ее положений, к проведению которых приступил специальный представитель Генерального секретаря ООН Г. Ярринг. Поясняя свою позицию, премьер-министр Ю. Зуэйн указывал: "Поскольку мы полностью отвергли британскую резолюцию (т.е. резолюцию СБ ООН № 242 от 22.11.1967 г. — Г. Г.), то нет никаких причин принимать посланника Совета Безопасности Ярринга. Мы не видим достаточных оснований для проведения бесполезных дискуссий".⁵¹

Сирийские средства массовой информации развернули широкую кампанию, подвергая резкой критике и осуждению все те арабские режимы, которые склонялись к политичес-

кому решению ближневосточного кризиса в соответствии с положениями резолюции Совета Безопасности ООН. "Готовность некоторых поторговаться, — писала в эти дни "ас-Саура", — не может обмануть нас... Соблюдение принципов резолюции Совета Безопасности будет означать полный отказ от прав палестинских арабов".⁵² Оценивая позицию Египта и Иордании, сирийское руководство считало ее негативной, подрывающей основы арабской солидарности с палестинским народом и ставящей под удар интересы всей арабской нации.

Подводя итоги политической активности арабских государств в связи с поисками путей преодоления ближневосточного конфликта газета "аль-Баас" отмечала: "Мы разъяснили нашу позицию в отношении совместных арабских действий и призвали к расторжению дипломатических и экономических связей с теми государствами, которые оказывали помощь Израилю, как, например, с США, Англией и ФРГ. Мы требовали прекращения перекачки нефти, изъятия арабских вкладов из банков этих стран и использования этих средств для нужд, связанных с отражением агрессии. Мы не приняли участия в арабской встрече в верхах потому, что подготовительные совещания министров иностранных дел арабских стран не привели к единому мнению. Арабская реакция использовала Хартумскую встречу для нападков на прогрессивные режимы. Об этом свидетельствуют вмешательство Саудовской Аравии во внутренние дела Йемена с целью свержения республиканского режима и нынешняя возня вокруг создания нового империалистического пакта в районе Персидского залива... Все эти факты подтверждают правильность избранной правительством Сирии линии в отношении совещания в верхах".⁵³

Коснувшись резолюции Совета Безопасности ООН по Ближнему Востоку, газета подчеркивала: "Когда мы отвергли английский проект резолюции, это не означало будто мы против мирного разрешения арабской проблемы и признаем только военный путь решения. Мы были и будем против английской резолюции, потому что она поощряет агрессоров.

То, что Израиль до сих пор отказывается вывести свои войска и требует прямых переговоров с арабами, означает, что США и Израиль игнорируют мнение мировой общественности. Мы верим в политическую борьбу и не игнорируем ее. Но оккупантов невозможно победить политическим путем. Поэтому мы в нашей стране готовимся к бою, мобилизуем наш народ, создаем народную армию, крепим дружбу и сотрудничество с социалистическими странами".⁵⁴

Несмотря на все усилия, предпринятые министерством иностранных дел Марокко и Лигой арабских государств, очередная встреча в верхах, которая намечалась на вторую половину января, в 1968 г. так и не состоялась. В межарабских отношениях, всесторонне активизировавшихся после израильской агрессии, наступило определенное затишье. Арабский мир, заняв выжидательную позицию в отношении политических усилий урегулирования ближневосточного кризиса, предпринимаемых ООН, подводил итоги израильской агрессии с учетом тех сдвигов, которые произошли в нем самом. Наступило время, когда эмоциональный наплыв, вызванный военным поражением, должен был постепенно смениться трезвым и всесторонним анализом возникшей на Ближнем Востоке ситуации, а декларации и пропагандистские призывы — переходом к кропотливой и напряженной работе по реализации выдвигаемых принципов и путей ликвидации последствий израильской агрессии.

*
* *
*

Подводя некоторые итоги, можно выделить следующие основные моменты, характеризовавшие отношение Сирии к проблеме организации арабского фронта борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии.

В целом сама идея политического урегулирования ближневосточного кризиса не была чужда сирийскому руководству. Однако, по его мнению, такое урегулирование должно

было означать не только возвращение арабам территорий, оккупированных Израилем в июне 1967 г., но и реализацию права арабского народа Палестины на создание своего независимого государства.

Очевидно, что сирийское руководство отдавало себе отчет в том, что в таком объеме политическое урегулирование кризиса не может быть приемлемым для правящих кругов Израиля, а потому и заявляло о бесперспективности попыток добиться ликвидации последствий израильской агрессии политическими методами. Частичное же урегулирование кризиса не могло быть, в свою очередь, приемлемым для Сирии, поскольку достижение компромиссного соглашения с Израилем, даже исключительно по тактическим соображениям, наносило непоправимый удар по политико-идеологическим основам межарабской политики правящего баасистского режима.

Указывая на стремление Израиля аннексировать захваченные в июне 1967 г. арабские территории, Сирия в своей позиции в отношении организации арабского фронта борьбы исходила в первую очередь из того, что между проблемой Палестины и проблемой оккупированных территорий имеется прямая причинно-следственная связь. В связи с этим сирийское руководство считало, что последствия израильской агрессии могут быть полностью ликвидированы только в ходе продолжения и всестороннего развития общей борьбы за освобождение Палестины. Отказ же от продолжения борьбы за освобождение Палестины, по мнению сирийского руководства, в создавшихся условиях не только бы означал фактическое признание более ранних итогов сионистской экспансии, но и никак не повлиял бы на уменьшение угрозы арабскому миру со стороны Израиля, поскольку его экспансионистская сущность оставалась неизменной.

Стремление арабских реакционных режимов воспользоваться критическим положением Сирии и Египта для общего расширения и укрепления своих позиций в арабском мире в целом определяло, по мнению сирийского руководства, реальную направленность выдвигаемых ими планов ликвида-

дии кризисной ситуации на Ближнем Востоке. В связи с этим сирийское руководство подчеркивало, что сотрудничество на компромиссной основе с арабской реакцией не только не даст положительных результатов в плане борьбы с Израилем, но и будет способствовать общему ослаблению прогрессивных режимов Сирии и Египта как на внешней, так и на внутренней арене.

Таким образом, руководствуясь требованием не допустить изменения соотношения сил в арабском мире в пользу реакции, Сирия настаивала на организации такого фронта борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, который опирался бы исключительно на силы и потенциал прогрессивных арабских режимов и добивался своих целей в рамках общей борьбы за освобождение Палестины.

Позиция Сирии в ближневосточном кризисе и предпосылки возникновения "исправительного движения 16 ноября" 1970 г.

По мере того, как миссия Г. Ярринга заходила в тупик, наталкиваясь на очевидное нежелание правящих кругов Израиля предпринять конструктивные шаги по урегулированию конфликта, парийно-правительственное руководство Сирии все более настойчиво требовало от прогрессивных арабских режимов, и в первую очередь от президента Г. А. Насера, признания и осуществления двух положений: Во-первых, признания того, что политическое урегулирование не имеет каких-либо серьезных перспектив. "Все данные указывают на тот факт, — подчеркивал в связи с этим президент Н. Атаси, — что политические меры, направленные на то, чтобы заставить Израиль уйти с оккупированных им территорий, никогда не увенчаются успехом. Миссия Ярринга не дала нам ни одного проблеска надежды... Поэтому арабские народы не могут не осознавать бесполезность миссии представителя ООН".⁵⁵ Во-вторых, признания того, что ликвидация последствий израильской агрессии может быть связана только с одним направлением — возобновлением вооруженной борьбы с Израилем.

Подчеркивая бесперспективность политических методов урегулирования ближневосточного кризиса, призывая к ликвидации последствий израильской агрессии в рамках продолжения общей борьбы за освобождение Палестины и к объединению в этой борьбе всех прогрессивных сил арабского мира, руководство ПАСВ и в новых условиях пыталось сориентировать внешнюю политику Сирии на реализацию основных положений концепции народно-освободительной войны.

"История показала, — утверждал министр иностранных дел Сирии И. Махус, — что еще ни один народ не был освобожден при помощи политических средств и что ответом на насилие колониализма может быть только революционное насилие. Вот почему политическое решение (ближневосточного кризиса — Г. Г.) невозможно, в то время как компромиссное урегулирование проблемы территорий может быть достигнуто только за счет интересов арабских масс и ликвидации палестинского вопроса. Но мы имеем дело не с результатами оккупации наших территорий, а с самой ее причиной — с существованием Израиля".⁵⁶

Подчеркивая приверженность сирийского руководства идее народно-освободительной войны, И. Махус указывал в частности: "Мы убеждены в крайней необходимости для всех революционных и других прогрессивных сил арабского мира начать оборонительную войну, с одной стороны, и создать начальные условия, основу для перехода к войне за освобождение — с другой. Мы убеждены, что эта борьба должна охватить весь арабский мир, проводиться повсюду, где имеются колониальные интересы, а они проникли во все уголки арабского мира и не ограничиваются только Израилем".⁵⁷

Как указывалось выше, важнейшим компонентом концепции народно-освободительной войны являлась вооруженная борьба палестинского движения сопротивления. В новых условиях сирийская партия Баас приняла решение создать новое вооруженное палестинское формирование, которое полностью опиралось бы на политико-идеологические установки баасизма в своей практической деятельности. Переход от поддержки палестинского сопротивления к созданию под

эгидой ПАСВ новой палестинской военно-политической организации должен был ознаменовать начало качественно нового этапа в реализации положений концепции народно-освободительной войны.

Такое вооруженное палестинское формирование, получившее название "Ас-Саика", было создано на базе организации Авангард народно-освободительной борьбы (АНОБ), которая в свое время, в соответствии с решением IX национального съезда ПАСВ, объединила в своих рядах проживающих на территории Сирии палестинцев.

Непосредственно присоединенная к руководящему аппарату ПАСВ, "Ас-Саика", по мнению сирийского руководства, должна была сыграть важную роль в развитии народно-освободительной войны. В то же время, активизировав "Ас-Саику" и, фактически, выдвинув ее в качестве альтернативы ведущей палестинской организации - ФАТХ, руководимой Я. Арафатом, руководство ПАСВ стремилось консолидировать вокруг нее все другие отряды палестинского сопротивления. При этом она стремилась активно использовать то положение, что Сирия практически являлась единственной страной арабского мира, которая последовательно выступала против политических методов урегулирования ближневосточного кризиса на основе частичного решения палестинской проблемы. А такой подход приветствовался всеми без исключения отрядами палестинского сопротивления.

Как неоднократно подчеркивало руководство "Ас-Саики", члены этой организации "всегда верили, что освобождение палестинской территории тесно связано - органически и диалектически - со всеобщим освобождением арабского мира и что палестинский народ, будучи в авангарде борьбы, проводимой на узурпированной территории, находится также на передовой линии освободительной борьбы других притесняемых и эксплуатируемых арабских народов".⁵⁸ Несмотря на то, что такой подход в целом соответствовал позициям других палестинских организаций, и в частности положениям Палестинской национальной хартии, "Ас-Саика" заметно выделялась из общего потока палестинского сопротивления. Тесно свя-

занная с сирийской партией Баас на идеологическом и военно-политическом уровнях, "Ас-Саика" и по своему национальному составу не могла расцениваться как чисто палестинская организация, поскольку в нее стали входить сирийцы, ливанцы, иорданцы и сторонники партии Баас из других арабских стран. В дальнейшем такое положение привело к тому, что количественный состав "Ас-Саики" мог свободно варьироваться сирийским руководством в зависимости от того, какую конкретную военно-политическую роль в той или иной обстановке призвана была осуществлять эта организация.⁵⁹

Непосредственное и целенаправленное участие Сирии в организации боевой подготовки и обеспечении "Ас-Саики" всеми необходимыми средствами ведения вооруженной борьбы привело к тому, что очень скоро она заняла одно из ведущих мест в палестинском движении сопротивления. Очевидно, что сила "Ас-Саики" как военного формирования отчасти компенсировала ее относительную политическую самостоятельность и обеспечивала ей определенный вес при решении общих вопросов военной политики ООП. Однако, с другой стороны, ориентация "Ас-Саики" на внешнеполитический курс Сирии явилась предпосылкой возникновения различного рода трений между этой организацией и руководством ООП, и в первую очередь по тем вопросам, которые так или иначе касались требования Палестинской национальной хартии о сохранении палестинской идентичности. Очевидно, что подобного рода трения автоматически распространялись на отношения между Сирией и руководством ООП.⁶⁰

В целом, однако, в этот период наблюдалось возрастание влияния Сирии и рост ее авторитета среди отрядов палестинского движения сопротивления. Этому в первую очередь способствовало то, что Сирия, в отличие от Египта и Иордании, активно стремилась к расширению партизанской войны палестинцев против Израиля. Наряду с военной и морально-политической поддержкой, сирийское руководство предоставляло палестинским партизанам возможность без каких-либо серьезных оговорок организовывать рейды со своей территории и шло на обострение обстановки, несмотря на возрастающие

угрозы в свой адрес со стороны Израиля. Так, в начале января 1968 г. представитель израильского правительства официально заявил, что если Сирия не закроет свои границы для действий палестинских партизан, то вооруженные силы Израиля нанесут удар по ее территории.⁶¹

Принципиально отказавшись от участия в общеарабских встречах в верхах, Сирия фактически пошла на сознательную политическую самоизоляцию в арабском мире. Ее отношение к реакционным и консервативным арабским режимам, как и до израильской агрессии, носило враждебный характер, а взаимоотношения с прогрессивными режимами, и в первую очередь с египетским, — лишены момента всестороннего взаимопонимания.

Более того, отвергнув резолюцию Совета Безопасности ООН по Ближнему Востоку и отказавшись установить контакты со специальным представителем Генерального секретаря ООН, Сирия формально исключила себя из процесса урегулирования ближневосточного кризиса и на уровне этой авторитетной международной организации.

Следует отметить, что в своем подходе к ближневосточному кризису Сирия не была одинока: в арабском мире было немало влиятельных политических и общественных сил, которые также не верили в возможность его урегулирования мирным путем. При этом, однако, важно подчеркнуть, что их пессимизм, сам по себе не исключавший и, более того, не противопоставлявший себя политическому решению ближневосточного конфликта, основывался на глубоком понимании сущности сионизма и подкреплялся конкретными результатами внешнеполитического курса Израиля. "Такие настроения, — указывал в связи с этим Е. Дмитриев, — вызваны в первую очередь действиями Израиля, направленными на срыв политического урегулирования. Едва ли можно сомневаться, что если Израиль согласится выполнять положения ноябрьской резолюции Совета Безопасности, то не будет возникать вопрос о каких-то особых позициях отдельных арабских стран и некоторых кругов в арабском общественном мнении."⁶²

Израиль, дав формальное согласие на установление кон-

тактов с Г. Яррингом, на практике заводил переговоры с ним в тупик, руководствуясь при этом решениями, которые были приняты в связи с резолюцией Совета Безопасности ООН по Ближнему Востоку израильским кабинетом 28 ноября 1967 г. Комментируя это заседание, газета "Маарив" указывала, что намерения Израиля состоят в том, чтобы ограничить контакты с Г. Яррингом, а не проводить с ним переговоры по каким-либо конкретным вопросам.⁶³ Министр обороны Израиля М. Даян в связи с этим прямо указывал: "Для Израиля область, лежащая между Средиземным морем и рекой Иордан, — единое территориальное целое. Я категорически возражаю против демаркации каких-либо границ, которые нарушат это единство. Израиль не должен соглашаться на выполнение резолюции Совета Безопасности № 242 ни при каких обстоятельствах, поскольку она недвусмысленно призывает к нашему отходу на линии 4 июня 1967 г."⁶⁴

Отметим, что если в течение всего периода 1948–1967 гг. правящие круги Израиля прикрывали свою экспансионистскую политику необходимостью добиться от арабов государственного "признания", то теперь, после июньской агрессии, было выдвинуто требование о необходимости обеспечить Израилю "безопасные" границы. Заместитель премьер-министра Израиля И. Аллон, определяя содержание этого требования, указывал: "Линии перемирия 1949 г. не составляют безопасные границы. Мир может быть достигнут только в результате всеобъемлющего мирного соглашения, которое предусмотрит эффективные меры безопасности и установит новые стратегические границы. Израильское существование, будь то гражданское, военное или политическое, должно быть основано на геостратегическом переустройстве, которое гарантирует географическую глубину и топографические позиции, пригодные к обороне. Безопасные границы — это политические границы, обеспечивающие территориальную глубину и такие естественные преграды, как водные пути, горы и пустыни. И таким границам не может быть какой-либо альтернативы".⁶⁵

Однако и при наличии подобных "безопасных" границ Израиль, по утверждению И. Аллона, резервировал за собой право осуществлять вооруженные акции различного масштаба на территории соседних арабских государств в зависимости от ряда обстоятельств. К таким обстоятельствам И. Аллон относил следующие: нападение или подготовка к нападению арабов на Израиль; необходимость пресечения террористических действий и акций саботажа, направляемых с территории соседней арабской страны; необходимость прорыва блокады арабами морских путей; оказание помощи известным и неизвестным, действительным и возможным союзникам Израиля в арабском мире; изменение существующего положения в любой соседней арабской стране, которое будет угрожать безопасности Израиля⁶⁶.

Ясно, что такой подход к урегулированию арабо-израильской конфронтации не имел ничего общего с резолюцией Совета Безопасности ООН, а означал, что Израиль последовательно стремится к установлению своего безраздельного политического и военного контроля на всем Ближнем Востоке и к аннексии захваченных в июне 1967 г. арабских территорий. Это подтверждалось и самой практикой израильского руководства. На оккупированных арабских территориях началось интенсивное строительство военизированных израильских поселений. Первое такое поселение в районе захваченных у Сирии Голанских высот было создано уже через месяц после прекращения военных действий. Выступая 16 июля 1968 г. на праздновании годовщины существования этого поселения, заместитель премьер-министра Израиля И. Аллон заявил, что пока арабы выжидают",... Израиль должен добиться создания новых условий, которые обеспечат нашу безопасность". Он также добавил, что постоянное присутствие Израиля на Голанских высотах является "незаменимым средством поддержания безопасности Галилеи и Иорданской долины".⁶⁷

Подобного рода заявления израильских руководителей, подкрепленные конкретными действиями, являлись, с точки зрения Сирии, весомым аргументом в пользу ее позиции в

ближневосточном конфликте, в частности, выдвигаемого требования решения проблемы оккупированных арабских территорий с позиций силы.

Если обострение отношений с реакционными режимами в целом соответствовало провозглашенному ПАСВ курсу на проведение народно-освободительной войны, то задача развития всестороннего сотрудничества с прогрессивными арабскими странами продолжала оставаться наиболее насущным требованием и стояла перед Сирией так же остро, как и в первые дни после израильской агрессии. Она приобретала тем более важное значение, что фактическая неэффективность подхода Сирии к решению ближневосточного кризиса приводила к развитию и углублению разногласий, наметившихся внутри партийно-правительственного руководства страны еще накануне агрессии.

Недовольство проводимым Сирией курсом в первую очередь охватило армейские круги, которые стали все настойчивее выступать с требованиями обеспечить более эффективное и действенное участие страны в решении общеарабской задачи ликвидации последствий израильской агрессии и установить тесное сотрудничество с арабскими странами на военно-политическом уровне.⁶⁸ И это было понятно, поскольку именно армейские круги, в полной мере испытавшие на себе все внешнеполитические промахи партийного руководства, а также негативные последствия отсутствия единства в действиях арабских правительств и армий накануне и в ходе израильской агрессии, могли с более реалистических позиций подойти к оценке той угрозы Сирии, которая таилась в попытках продолжить курс на ужесточение военной конфронтации с Израилем в условиях растущей изоляции страны на международной арене.

Наряду с этим, скептическое отношение к возможности успешной борьбы с Израилем общепринятыми средствами и, как следствие этого, отсутствие должного внимания к развитию и укреплению сирийских вооруженных сил, а также предпринятые некоторыми гражданскими партийными лидерами попытки оттеснить армейское руководство от активного учас-

тия в решении вопросов внешней и внутренней политики Сирии; привели к появлению влиятельной армейской оппозиции, которую возглавил министр обороны и главнокомандующий сирийскими ВВС генерал Хафез Асад.

Утверждая за собой приоритет в решении военных аспектов ближневосточного кризиса, армейская оппозиция через свою фракцию в партии Баас в то же время требовала проявить более трезвый и рациональный подход к задачам межарабской политики страны, соизмеряя его с насущными требованиями основной внешнеполитической проблемы арабских государств и предупреждая и компенсируя возможные при этом политические издержки путем укрепления сотрудничества баасистского режима со всеми прогрессивными и патриотическими силами арабского мира, и в первую очередь на уровне самой Сирии. В частности, военная фракция требовала улучшить взаимоотношения Сирии с арабскими странами, непосредственно противостоящими Израилю и способными обеспечить сирийской позиции стратегический тыл в арабском мире, — с Египтом, Иорданией и Ираком; поставить под контроль армии все сирийские и несирийские иррегулярные военные формирования, и в том числе действующие с территории Сирии отряды палестинских партизан; уделять большее внимание развитию и укреплению сирийских вооруженных сил; развивать действенное сотрудничество партии Баас с патриотическими и прогрессивными общественно-политическими организациями страны, в том числе и с Сирийской коммунистической партией⁶⁹.

Эти и ряд других конструктивных требований были внесены военной фракцией на обсуждение делегатов IV регионального съезда партии Баас в сентябре 1968 г. Однако съезд в целом поддержал линию, проводимую гражданскими лидерами партийно-правительственного руководства Сирии, — генеральным секретарем партии, президентом Н. Атаси, его заместителем и членом регионального руководства С. Джадидом, премьер-министром Ю. Зуэйном и министром иностранных дел И. Махусом⁷⁰.

Решения IV регионального съезда партии легли в основу

работы состоявшегося вслед за ним X национального съезда ПАСВ. Его участники вновь подчеркнули бесперспективность исключительно политического подхода к решению задач ликвидации последствий израильской агрессии и осуществлению законных прав арабского народа Палестины, подтвердили курс на расширение народно-освободительной войны против Израиля и призывали к более тесному сплочению прогрессивных арабских режимов в свете решений IX национального съезда ПАСВ и его чрезвычайной сессии⁷¹.

"Арабская родина, — подчеркивалось в решениях съезда, — учитывая ее важное стратегическое положение, ее огромные нефтяные и другие природные богатства, представляет собой поле боя прогрессивного человечества против империализма и сионизма. Арабская победа решит исход борьбы в пользу народов и ознаменует новый этап в их победном шествии в Азии и Африке"⁷². Предупреждая о том, что без активного противодействия со стороны арабов империализм и мировой сионизм никогда не откажутся от своих притязаний на господство в регионе, съезд призвал противостоящие Израилю арабские страны приложить максимум усилий для достижения реальной и эффективной координации в военной области. При этом особое значение придавалось всестороннему укреплению восточного фронта и, в частности, более действенному участию в вооруженной борьбе "масс героического народа Иордании, которые должны примкнуть к битве за освобождение"⁷³.

Причиной дальнейшего роста недовольства в армейских кругах послужила позиция, занятая сирийским руководством в вопросе осуществления соглашения о создании командования восточным фронтом. Достигнутое в январе 1969 г. соглашение предусматривало создание трехстороннего совета в составе начальников штабов Сирии, Иордании и Ирака и, в частности, ввод на территорию Сирии контингента иракских войск. В соответствии с ним в Эс-Суэиде, на юге Сирии, было создано оперативное командование восточным фронтом, которое возглавил иракский офицер⁷⁴. Его назначение вызвало решительное возражение со стороны гражданской фракции ПАСВ⁷⁵ и иракские войска временно не были допущены в Сирию⁷⁶.

Назревший в сирийском руководстве кризис получил свое частичное разрешение на состоявшейся в марте 1969 г. IY чрезвычайной региональной конференции ПАСВ. Под прямым давлением военной фракции был принят ряд решений, которые наглядно продемонстрировали изменения во внутреннем балансе сил и в политических установках партии. Так, в официальных документах впервые признавалось существование в стране других прогрессивных организаций, подчеркивалась необходимость предоставления им права на критику и контроль проводимой правящим режимом социально-экономической политики. Были также приняты решения о проведении более гибкого курса в отношении других арабских стран, подготовке проекта постоянной конституции, организации выборов в Народный совет (парламент), а также о мобилизации всех сил и ресурсов страны на ликвидацию последствий израильской агрессии⁷⁷.

Однако, несмотря на положительный характер принятых решений, конференция не смогла добиться принципиального урегулирования внутривнутрипартийных разногласий. Формально в партийном руководстве продолжала доминировать гражданская фракция. Вместе с тем, ее позиции были значительно ослаблены, что наглядно проявилось в определенных перемещениях в государственном аппарате страны. В состав нового правительства, сформированного в мае 1969 г., по настоянию военных не вошли такие видные представители левых баасистов как Ю. Зуэйн и И. Махус. Позиции же военной фракции, напротив, заметно укрепились, чему способствовала не только ее опора на вооруженные силы, но и конструктивный характер выдвигаемых требований во внешней и внутренней политике страны.

Военные, удовлетворившись достигнутым компромиссом в вопросах государственного управления, сознательно воздержались от каких-либо крайних мер, выходящих за рамки требований реально существующей обстановки, а также не желая давать повода для ложных истолкований преследуемых ими целей. Пытаясь избежать прямого раскола в партии, который при определенных обстоятельствах мог привести к подрыву самих основ баасистского режима, лидер военной фракции генерал Х. Асад, вместе с тем, предусмотрел ряд мер по укреп-

лению позиций своих сторонников в госаппарате и провел необходимые перемещения в армейском руководстве, поставив все военные части под свой прямой контроль⁷⁸.

Процесс смещения центра реальной власти в Сирии, тем не менее, не повлек за собой особых изменений в ее внешне-политическом курсе⁷⁹. Позиция официального сирийского руководства в вопросе достижения действенного военно-политического сотрудничества с арабскими странами, несмотря на решения мартовской конференции, носила непоследовательный характер. С одной стороны, под влиянием военной фракции наблюдалось определенное потепление в отношениях Сирии с рядом арабских стран, в частности с Ираком⁸⁰. С другой стороны, доминирование идеологических разногласий с иракскими баасистами, а также взаимная подозрительность в отношениях с иорданским режимом, сводили на нет попытки обеспечить эффективное участие Сирии в организации восточного фронта для борьбы с Израилем⁸¹. Такое положение дало основание английскому журналу "Экономист" утверждать, что "разговоры о военной координации между арабскими армиями являются всего лишь средством успокоить общественное мнение, и сами по себе очень опасны, поскольку пытаются чувства ложной безопасности."⁸²

Необходимость решения проблем, связанных с созданием восточного фронта, получила еще большую остроту к лету 1969 г., когда стало ясно, что обструкционистская политика Израиля завела в тупик все усилия по достижению урегулирования ближневосточного кризиса под эгидой ООН. В то же время, возросшая боеспособность арабских армий, и в первую очередь египетской, не только позволяла арабским политическим деятелям более обоснованно подходить к альтернативам политическому решению кризиса, но и, вызывая озабоченность в израильских военно-политических кругах, могла стать реальной предпосылкой возникновения новой вспышки военных действий на Ближнем Востоке. В своей речи перед членами Арабского социалистического союза (АСС) 30 марта 1969 г. президент ОАР Г.А.Насер не только отметил указанную опасность, но и подчеркнул, что в связи с этим ближневосточный кризис

входит в очень важную и серьезную фазу⁸³.

На открытии конгресса АСС 23 июля 1969 г. Г.А.Насер вновь подтвердил бесплодность предпринимаемых усилий по решению кризиса политическими средствами и подчеркнул, что в этих условиях выполнение соглашения о прекращении огня служит только политике Израиля⁸⁴. Вместе с тем он отметил, что положение на Ближнем Востоке полностью изменилось по сравнению с летом 1967 г. и что отныне начинается стадия освобождения оккупированных арабских территорий⁸⁵. Акцентируя необходимость вооруженной борьбы с Израилем, Г.А.Насер указывал на готовность ОАР проявить инициативу по координации арабских действий на высшем уровне, подчеркнув, что на предполагаемом совещании должны быть предприняты усилия по укреплению восточного фронта, укомплектованного главным образом сирийскими, иракскими и иорданскими войсками⁸⁶.

Решительный подход египетского президента к проблеме возвращения оккупированных арабских территорий способствовал тому, что определенный застой, наблюдавшийся в межарабских отношениях за время после окончания общеарабского совещания в Хартуме в августе 1967 г., сменился нарастанием дипломатической и политической активности в арабском мире.

Вслед за состоявшимся в Каире в сентябре 1969 г. совещанием глав прифронтовых арабских государств — Сирии, Египта и Иордании, на котором также были представлены Ирак и Судан, была наконец достигнута договоренность о проведении очередной общеарабской встречи в верхах в столице Марокко Рабате в декабре 1969 г.

Активизация арабского мира, доминирование требований о переходе к решительным действиям против Израиля и рост антиимпериалистических, в частности, антиимпериалистических настроений на Арабском Востоке, вызвали серьезную озабоченность в правящих кругах США. В этих условиях попытки заморозить процесс активизации арабских стран и обеспечить "миротворческий" камуфляж антиарабской политике американско-израильского альянса на Ближнем Востоке нашли свое выражение в политической инициативе государственного секретаря США У.Роджерса. Представленный им в октябре 1969г.

план политического урегулирования, названный его именем, внешне мало чем отличался от резолюции СБ ООН № 242. Более того, план был обращен к тем государствам, которые формально соглашались на урегулирование ближневосточного конфликта на основе этой резолюции и в своей заключительной стадии предусматривал участие всех постоянных членов СБ ООН.

Однако, при всем внешнем сходстве, по своей внутренней сущности "план Роджерса" имел принципиальное отличие от резолюции СБ ООН № 242. Во-первых, поскольку в нем говорилось только об урегулировании отношений между Египтом и Израилем, то любое достигнутое на его основе соглашение должно было носить сепаратный характер. Во-вторых, так как план выдвигался США, спекулирувавшими на своей возможности оказать давление на Израиль, то они фактически становились единственными посредниками между двумя сторонами, акцентируя свою роль и обеспечивая свое прямое участие в этой сепаратной сделке.

Таким образом, "план Роджерса" по существу был направлен на обход резолюции № 242, которая, несмотря на имеющиеся недостатки, носила определенно всесторонний характер, предусматривая, в частности, вывод израильских войск со всех арабских территорий, оккупированных в июне 1967 г. Более того, он исключал, пусть даже на уровне сепаратного урегулирования, какое-либо участие Сирии в переговорах. Что же касалось Иордании, то 12 декабря 1969 г. США выдвинули параллельный план по достижению иорданско-израильского соглашения, но с определенными поправками на наличие "особых условий на иорданском фронте"⁸⁷. При этом в правящих кругах США выражалась надежда, что принятие этого плана Иорданией "укрепит" ее позиции на открывающейся в Рабате общеарабской встрече в верхах⁸⁸. Такой подход вновь подтверждал сепаратный характер "плана Роджерса", его цель внести раскол в ряды арабских стран и не допустить их консолидации в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии.

К сожалению, следует отметить, что, получив положительный отклик в определенных политических кругах арабского мира, "план Роджерса" в какой-то мере оправдал надежды его

составителей, оказав негативное влияние на политику отдельных арабских стран, в частности, Иордании⁸⁹.

Несмотря на то, что созыв абшеарабской встречи в верхах в декабре 1969 г. в условиях возрастания напряженности на Ближнем Востоке имел важное политическое значение, ее практическая ценность для ликвидации последствий израильской агрессии оказалась незначительной. Собранным в Рабате главам арабских государств не удалось преодолеть и на этот раз все те препятствия, которые обуславливались политико-идеологической разобщенностью арабского мира, и добиться выработки действенной абшеарабской позиции по проблемам ближневосточного урегулирования.

Сирийская делегация бойкотировала заключительное заседание Рабатской встречи. Свое решение она мотивировала тем, что выдвинутый проект резолюции носит недостаточно резкий антиизраильский характер и отражает устремления консервативных нефтедобывающих режимов, которые пытаются направить встречу на принятие умеренных, не затрагивающих их принципиальных отношений с Западом требований, и не желают внести реальный вклад в материальное обеспечение борьбы за освобождение оккупированных Израилем арабских территорий⁹⁰.

Нерешительности и пораженческим настроениям, которые, по мнению руководства ПАСВ, в целом характеризовали встречу в верхах и которые явились следствием скептицизма некоторых кругов в отношении возможностей арабов и конечного успеха их борьбы против сионизма и империализма, Сирия попыталась противопоставить в Рабате стратегию, "основанную на конфронтации, стойкости и затяжной войне..."⁹¹.

В заявлении, сделанном руководством ПАСВ по окончании встречи в верхах в Рабате, в связи с этим указывалось: "Сложные условия, в которых проходит борьба арабской нации, и сущность империалистических и сионистских планов, направленных против существования арабов и нацеленных на подрыв арабского освободительного движения, оставляют только один путь - конфронтацию... Осью этой конфронтации является вооруженная борьба за освобождение узурпированной земли, про-

движение вперед по пути освобождения и использование в этих целях всех других — экономических, политических и информационных — средств⁹². При этом акцент делался на развитие партизанской войны и на реализацию "принципа опоры на собственные силы, который исходит из уверенности в возможностях арабских масс, обладающих неограниченными ресурсами, твердой верой и непоколебимой решимостью, которые позволят им сыграть эффективную и определяющую роль в нашей борьбе за свободу"⁹³.

Сирийская позиция оказала определенное влияние на ход второго совещания прифронтовых арабских государств, состоявшегося в Каире в феврале 1970 г. Совещание было отмечено большим единством взглядов, чем это было на Рабатской встрече, и его резолюция носила более радикальный и откровенно антиимпериалистический характер. Подтвердив свою решимость освободить оккупированные территории и подчеркнув, что совещание проводилось в то время, когда наблюдается эскалация израильской агрессии, а США занимают определенно антиарабскую позицию, хотя и пытаются скрыть свои связи с сионизмом и свою причастность к реализации израильских планов, участники совещания призвали арабские страны и народы мобилизовать свои силы и возможности на проведение вооруженной борьбы против их общих врагов — сионизма и империализма⁹⁴.

Политическая активизация прифронтовых арабских государств сопровождалась возрастанием военной напряженности на линиях прекращения огня. Если раньше положение на сирийском участке по сравнению с египетским и иорданским было относительно спокойным, то с начала 1970 г. вооруженные столкновения как регулярных сирийских войск, так и палестинских партизан резко усилились. Согласно израильской статистике, их число в этом районе за первые три месяца 1970 г. возросло в шесть раз⁹⁵. В конце января и в начале февраля в районе Голанских высот проходили ожесточенные бои с участием пехоты, артиллерии, танков и боевых самолетов⁹⁶. 15 марта израильские войска осуществили широкомасштабную операцию на территории Сирии, напав на тренировочный лагерь сирийских

войск и электростанцию, расположенные неподалеку от Дамаска⁹⁷. 2 апреля на сирийском участке линии прекращения огня произошло самое крупное после июня 1967 г. сражение, которое явилось результатом активной кампании израильских вооруженных сил с целью не допустить создания арабского восточного фронта⁹⁸.

Эскалация вооруженных действий шла параллельно с активизацией усилий США внести раскол в ряды арабов путем политико-дипломатического маневрирования и спекуляции на межарабских противоречиях и разногласиях. Наиболее благоприятную почву для реализации этой политики США представляла Иордания. К началу 1970 г. в Иордании сложилась крайне сложная и специфическая обстановка, связанная с тем, что находившиеся в стране силы ПДС стали фактически представлять "реальную власть, существующую параллельно с официальным государственным аппаратом"⁹⁹. Однако в руководстве ПДС, обладавшем значительным влиянием на политическую и общественную жизнь Иордании, не было единого мнения об отношении к режиму короля Хусейна. Часть организации ПДС выступала за свержение монархической власти в Иордании, но официальное руководство Организации Освобождения Палестины (ООП) во главе с Ясиром Арафатом, тем не менее, не ставило "вопроса о замене реакционного режима властью патриотических сил"¹⁰⁰. Наряду с другими причинами, это объяснялось тем, что в ООП доминировало мнение, что вслед за попыткой захватить власть последует прямое военное вмешательство в Иорданию Израиля¹⁰¹.

Напряженность в отношениях между ПДС и правящим режимом резко возросла после того, как Иордания выразила свою готовность урегулировать вопрос о возвращении под ее суверенитет, в соответствии с положениями "плана Роджерса", территории Западного берега реки Иордан¹⁰². Это привело к вооруженным столкновениям между отрядами ПДС и иорданскими правительственными войсками в феврале 1970 г. При посредничестве арабских стран удалось предотвратить дальнейшее развитие конфликта. Он был улажен на основе достигнутого компромисса между ПДС и официальными властями Иор-

дании. Режим использовал это соглашение для укрепления своих позиций и подготовки нового, на этот раз решающего удара по отрядам ПДС.

К лету 1970 г. Иордания находилась на грани гражданской войны. Лидеры ведущих организаций ПДС все чаще выдвигали обвинения в адрес короля Хусейна в связи с его намерениями заключить сепаратное соглашение с Израилем за счет уничтожения палестинцев. "Со своей стороны, — указывает Е.Дмитриев, — некоторые палестинские группировки выдвинули явно экстремистский и нереальный лозунг "народно-освободительной борьбы против иорданского режима", причем эта война объявлялась неотъемлемой частью "арабской битвы за Палестину". Столкновение, таким образом, становилось неизбежным..."¹⁰³

Активные действия иорданского движения против палестинцев были хорошо подготовлены в течение всех летних месяцев 1970 г. Наряду с провокациями эта подготовка включала в себя усиленную поставку США Иордании вооружения и боеприпасов¹⁰⁴.

Сирийское руководство внимательно следило за развитием событий, но, проявляя очевидное беспокойство, тем не менее, воздерживалось от проведения каких-либо антииорданских акций¹⁰⁵. 10 июня оно выступило с инициативой по урегулированию палестинско-иорданского конфликта, призвав все патриотические силы в иорданской армии прекратить атаки на своих братьев по оружию, а всех лояльных делу арабской нации граждан Иордании — предпринять все возможные усилия для предотвращения столкновений. Сирия обратила внимание глав арабских государств на необходимость положить конец братоубийственным боям и нормализовать обстановку в Иордании с тем, чтобы "палестинское сопротивление получило соответствующие возможности и необходимые ресурсы для нанесения ударов по врагу и выполнения своей важной роли в битве за освобождение..."¹⁰⁶.

Усматривая прямую связь между политическими маневрами США на Ближнем Востоке, в частности, "планом Роджерса" и углублением иордано-палестинского конфликта, ПАСВ на состоявшейся сессии ее национального и регионального руководств

решительно выступила против попыток навязать арабам частичное и сепаратное урегулирование ближневосточного кризиса и ликвидировать силами иорданской реакции Палестинское движение сопротивления. В заявлении руководства партии указывалось: "Совместная сессия... очень внимательно... проследив за последними событиями в палестинском вопросе и связанными с ним планами и подходами, подтверждает, что партия и революция в Сирийской Арабской Республике отвергают резолюцию № 242 Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967г. и, соответственно, все то, что на ней основывается. В частности, она (партия Баас - Г.Г.) абсолютно отвергает план госсекретаря США Уильяма Роджерса, которым пытаются навязать арабской нации капитуляцию..."¹⁰⁷.

"Партия и революция, - указывалось далее в заявлении, - четко и твердо заявляют, что авангардная роль палестинского сопротивления является неотъемлемой частью арабского освободительного и революционного движения. Партия и революция... без колебания примут решительные меры против любых сторон или кругов, которые сделают попытку не допустить выполнение палестинской революцией своих задач по борьбе за освобождение палестинской земли от сионистско-империалистической агрессии и колониализма"¹⁰⁸.

Попытки урегулировать иордано-палестинский конфликт не увенчались успехом и уже в самом начале гражданской войны в Иордании, 3 сентября, радио Дамаска передало официальное заявление руководства партии, в котором указывалось, в частности: "Весь потенциал Сирии предоставлен в распоряжение партизан в Аммане. Сирия не может оставаться безразличной к попыткам ликвидировать палестинскую революцию"¹⁰⁹.

17 сентября началось широкомасштабное наступление наиболее преданных королевскому режиму бедуинских частей на позиции палестинских партизан, что вызвало незамедлительную реакцию со стороны Сирии. 18 сентября в Дамаске на уровне партийного руководства было принято решение о приведении в полную боевую готовность сирийских сухопутных и военно-воздушных сил. Радио Дамаска сообщало, что в стране готовится проведение мобилизации бойцов народной милиции¹¹⁰.

В тот же день стали поступать сообщения о концентрации сирийских войск в районе иорданской границы и вторжении контролируемых Сирией танковых частей Армии освобождения Палестины на территорию Иордании.

Сирийская акция вызвала серьезную озабоченность в правящих кругах США. Как указывает американский исследователь В.Квандт, с точки зрения президента США Р.Никсона, разгром ПДС в Иордании был более чем желателен. При этом, однако, США стремились к тому, чтобы бойня палестинцев не вышла за рамки Иордании¹¹¹. Действия Сирии не только осложняли выполнение этих планов, но и могли привести к падению режима Хусейна. Поэтому администрация США приняла решение о демонстрации своей военной силы в целях оказания давления на Сирию. 19 сентября по прямому указанию президента Р.Никсона были приведены в полную боевую готовность подразделения американских войск, дислоцированные в Западной Германии, а 6-й американский флот начал продвижение в восточные районы Средиземного моря¹¹². Госсекретарь США У.Роджерс публично осудил действия Сирии, обвинив ее в интервенции против Иордании¹¹³.

Положение в Аммане контролировали правительственные войска, но события, которые разворачивались на севере страны, вызвали растущее беспокойство короля Хусейна, который, связавшись с американским послом Д.Брауном, призвал США организовать ответные меры против сирийцев¹¹⁴.

По сообщениям информационных агентств 20 сентября сирийские танки вновь пересекли границу Иордании¹¹⁵. При этом отмечалось, что на всех танках стояли опознавательные знаки АОП¹¹⁶.

20 сентября президент Сирии Н. Атаси, выступая перед делегатами съезда ВФРП Сирии, остановился на событиях в Иордании и подчеркнул, что борьба Сирии против иорданской реакции является "в то же время борьбой против ее империалистических и сионистских хозяев"¹¹⁷. "Поэтому, — продолжал Н. Атаси, — вы должны быть уверены..., что эта битва является нашей битвой и что мы отдаем все ресурсы этого региона (т.е. Сирии — Г.Г.) в распоряжение палестинской революции без каких-либо оговорок"¹¹⁸. Одновременно

Н. Атаси обвинил короля Хусейна в том, что тот "придумал" танковые сражения на сирийских границах в качестве предлога для получения военно-политической помощи со стороны США¹¹⁹.

В ответ на обвинения в адрес Сирии со стороны американской администрации 21 сентября 1970 г. специальный представитель министерства иностранных дел Сирии выступил с заявлением, в котором подчеркивалось: "Правительство Сирийской Арабской Республики отвергает эти утверждения (т.е. обвинения в посылке сирийских войск в Иорданию - Г. Г.), которые оно рассматривает как попытки проложить путь для американской военной интервенции в районе, особенно если учесть, что... Соединенные Штаты привели в движение свой 6-й флот и посылают морские соединения к восточным берегам Средиземного моря и делают заявления о возможности их вторжения в Иорданию"¹²⁰. "Раболепствующие власти в Иордании, - подчеркивалось далее в заявлении МИД Сирии, - никогда бы не посмели нанести удар по партизанам, обстреливать их лагеря и осуществить ужасающую резню, если бы они не были уверены в поддержке со стороны Соединенных Штатов, которые побудили их к провокационным действиям и, в частности, к обстрелу определенных сирийских позиций"¹²¹.

Со своей стороны король Хусейн направил 20 сентября послание всем главам арабских государств, в котором расценивал действия Сирии, как "прямое приглашение Израилю добиться еще большего в его амбициях и претензиях..."¹²². На следующий день, 21 сентября, он вновь призвал США оказать помощь Иордании. При этом король Хусейн дал понять, что Иордания будет иметь последнее слово при выборе средств отражения сирийского наступления. Он предпочитал, чтобы отпор был организован силами США или Англии, подчеркивая необходимость нанесения удара только с воздуха. Но уже вечером того же дня, когда сирийские танковые подразделения продолжили свое наступление, король Хусейн, по утверждению В. Квандта, согласился на то, чтобы этот удар с воздуха был осуществлен израильскими ВВС¹²³.

Израиль, проявляя явное желание более активно вмешать-

ся в события в Иордании, считал, что одного удара с воздуха будет недостаточно¹²⁴. В соответствии с выдвинутым им планом предлагалось послать 200 танков в район Ирбида и одновременно нанести удар с воздуха.

США, требуя гарантии того, что по окончании акции израильские войска будут полностью выведены из Иордании, в то же время передали израильскому руководству пожелания короля Хусейна нанести удар прежде всего по самой Сирии¹²⁵.

Такая просьба не устраивала Израиль, который хорошо понимал разницу между боевыми действиями с вооруженным в основном легким оружием отрядами палестинских партизан и регулярными сирийскими войсками. США одобрили план, выдвинутый Израилем, который к вечеру 21 сентября приступил к сосредоточению своих войск на границе с Иорданией¹²⁶.

Заручившись поддержкой США и Израиля, король Хусейн приказал своим ВВС 22 сентября 1970 г. атаковать сосредоточенные в районе Ирбида сирийские танки. Сирийские танковые подразделения, не получив, в связи с приказом командующего ВВС Сирии генерала Х. Асада, поддержки с воздуха, были вынуждены отступить. К концу дня король Хусейн заявил послу США Д. Брауну, что надобность в израильской акции на территории Иордании отпала и что Израиль может направить свой удар против Сирии¹²⁷.

23 сентября МИД Сирии выступил с заявлением, в котором осудил попытки США найти предлог для проведения военных действий против Сирии и призвал мировое общественное мнение также осудить провокационные действия США на Ближнем Востоке¹²⁸. 24 сентября сирийские войска были полностью выведены из Иордании¹²⁹, а через четыре дня, 27 сентября, в Каире усилиями арабских стран, и в первую очередь Египта, было подписано соглашение о прекращении огня между правительственными войсками Иордании и отрядами палестинского сопротивления.

Действия Сирии в сентябре 1970 г. получили неоднозначную оценку как в арабском мире, так и в самом партийно-правительственном руководстве страны. С одной стороны, Сирия была единственным арабским государством, которое попыталось оказать реальную поддержку ПДС в Иордании. С

другой, решение сирийского руководства направить войска в Иорданию расценивалось как неприкрытая попытка свергнуть монархический режим.

Так или иначе, сирийское вмешательство так же, как и его неудачу, следует объяснить политико-идеологическими установками сирийского руководства и вызванными ими разногласиями. Политическое решение о посылке войск в Иорданию было принято лидерами гражданской фракции ПАСВ. Отказ же лидера военной фракции, министра обороны и главнокомандующего сирийскими ВВС Х.Асада оказать в критический момент поддержку с воздуха наступавшим танковым частям, фактически, перечеркнул это решение. Свою позицию Х.Асад объяснял тем, что действия Сирии не только деморализовали сирийскую армию, но и поставили под угрозу безопасность всего района, поскольку чуть было не привели к израильско-американскому вмешательству в поддержку хашимитского короля.¹³⁰

В условиях резко обострившихся разногласий в сирийском руководстве в ноябре 1970 г. в Дамаске состоялся X чрезвычайный национальный съезд ПАСВ. Выступая на нем, Х.Асад заявил, что после смерти Г.А.Насера Сирия уже не может позволить себе роскошь выступать с необоснованными угрозами в адрес Израиля и играть в экстремизм. "В будущем, — подчеркнул Х.Асад, — было бы лучше воздерживаться от всех, ничем не подкрепленных провоцирующих акций, которые враг может использовать как предлог для вызова сирийской армии и навязать ей бой, который она сегодня не в состоянии принять, а еще меньше — выиграть"¹³¹. Это заявление вызвало бурю протеста со стороны гражданской фракции, которая обвинила Х.Асада в пораженчестве.¹³²

Съезд закончил свою работу 12 ноября. Принятые резолюции были в целом выдержаны в духе всех предыдущих решений ПАСВ, однако, в них на этот раз делался значительный упор на преодоление всех проявлений подмены революционную позицию партии в палестинском вопросе¹³³.

На съезде также было принято решение об исключении из рядов партии и снятии с поста министра обороны генерала Х.Асада. Это последнее решение было прямым вызовом воен-

ной фракции и привело к тому, что 13 ноября Х.Асад отдал приказ об аресте президента Н. Атаси и С. Джадида, установив свой контроль над положением в стране ¹³⁴.

16 ноября было объявлено о создании нового временного регионального руководства партии Баас во главе с Х.Асадом. В тот же день Х.Асад выступил с заявлением, в котором определил основные направления деятельности нового сирийского руководства "в целях создания общества стойкости и освобождения и реализации лозунгов вооруженной борьбы, направленной на изгнание сионистских оккупантов с арабских территорий" ¹³⁵.

Во внутренней сфере были выдвинуты следующие основные задачи: мобилизация всех прогрессивных сил на борьбу путем создания прогрессивного фронта во главе с партией Баас; создание в течение трех месяцев в целях реализации выдвигаемой программы и разработки постоянной конституции страны Народного собрания, в которое войдут представители прогрессивных партий, народных и профессиональных организаций, все прогрессивные силы и элементы; продолжить разработку внутриполитической программы, исходя из требований, предъявляемых военным положением, и основных нужд трудящихся; углублять и развивать социальные преобразования и продолжать создание материально-технической базы для удовлетворения нужд войны и реализации целей создания объединенного арабского социалистического общества; обеспечить действенную роль народных организаций в проведении социалистических преобразований и установлении народного контроля во всех сферах государственного аппарата, а также обеспечить их участие в создании в окончательном виде народно-демократического общества в Сирии; продолжить развитие и строительство вооруженных сил с тем, чтобы они смогли до конца выполнить свой долг в борьбе за освобождение ¹³⁶.

В области межарабских отношений были выдвинуты следующие основные цели и задачи: организация широкого сотрудничества со всеми прогрессивными государствами и силами во всех областях, которое укрепит стратегию вооруженной борьбы и обеспечит привлечение арабских сил к борьбе за освобождение; работа по достижению единства с прогрессивными араб-

скими странами, в первую очередь с Египтом; оказывать поддержку палестинской революции и приложить все усилия для достижения единства отрядов палестинского сопротивления¹³⁷.

И, наконец, в сфере международных отношений были поставлены задачи: развивать отношения со странами социалистического лагеря и в особенности с дружественным Советским Союзом; расширять сотрудничество со всеми национально-освободительными движениями и прогрессивными силами мира; развивать и углублять отношения со всеми странами, которые занимают справедливую позицию в отношении национальных проблем арабов, важнейшей из которых является палестинская¹³⁸.

Переход к реализации этой программы в рамках так называемого "исправительного движения 16 ноября" ознаменовал собой начало важного этапа в развитии политической и социально-экономической жизни Сирии, ее межарабской и международной политики. Получившие отражение в этой программе основные направления политической практики нового партийно-правительственного руководства во главе с Х.Асадом оказали непосредственное влияние на позицию Сирии в ближневосточном конфликте по ходу его развития в 70-е и в первой половине 80-х гг.

✽

✽

✽

Подводя некоторые общие итоги, следует отметить, что позиция Сирии в ближневосточном кризисе в период 1967–1970 гг. строилась руководством партии Баас с учетом двух важных моментов. Во-первых, исходя из того очевидного положения, что правящие круги Израиля не только не стремятся к политическому урегулированию кризиса, но и осуществляют на оккупированных арабских территориях комплекс мероприятий, направленных на их дальнейшую аннексию. Во-вторых, исходя из того, что арабские реакционные режимы, проявляя внешнее стремление разделить ответственность за ликвидацию последствий израильской агрессии, на практике пытаются добиться от Сирии и Египта существенных уступок в

области их межарабской политики, навязать им свою волю и изменить в свою пользу соотношение сил в арабском мире.

В результате, позиция Сирии в ближневосточном кризисе в этот период в целом отражает стремление сирийского руководства с минимальными политическими потерями адаптироваться к напряженной военно-политической ситуации, возникшей на Ближнем Востоке в результате израильской агрессии, и создать соответствующие предпосылки для успешного продолжения курса на реализацию установок и целей, разработанных на IX общенациональном съезде партии Баас в сентябре 1966 г.

Свое конкретное выражение это стремление нашло главным образом в том, что, связывая успех ликвидации последствий израильской агрессии с необходимостью расширения общей борьбы за освобождение Палестины и призывая к объединению в этой борьбе всех прогрессивных сил арабского мира, руководство партии Баас и в новых условиях ориентировало внешнюю политику Сирии на проведение в жизнь концепции народно-освободительной войны.

Более того, свою практическую деятельность по объединению прогрессивных сил в рамках фронта борьбы за освобождение Палестины партия Баас пыталась построить в соответствии с выдвинутым положением об особом революционизирующем характере возникшей на Ближнем Востоке ситуации. Так, ее руководство утверждало, что, наряду с тяжелыми военными, территориальными и экономическими потерями, израильская агрессия привела к созданию таких условий, которые объективно способствуют росту политической активности широких трудящихся масс, расширению и всесторонней радикализации борьбы прогрессивных сил против диктата империализма, сионизма и арабской реакции.

В свете вышеизложенных установок партии Баас становятся понятными не только причины, но и целенаправленность негативного подхода Сирии к выдвигавшимся планам организации общеарабского фронта борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, а также политического урегулирования проблемы оккупированных арабских территорий. По мнению

сирийского руководства, даже отсутствие в течение самого неопределенного времени реальных военных возможностей для проведения в жизнь альтернативного подхода к решению возникших проблем не могло служить оправданием компромиссных соглашений с арабской реакцией и Израилем. В то же время, негативный подход к этим планам не только становился препятствием на пути их полного или частичного осуществления, но и создавал, по утверждению партии Баас, условия для необходимой реорганизации сил и средств прогрессивных арабских режимов, мобилизации на борьбу всех патриотических сил арабского мира и успешного вооруженного противодействия сионистской экспансии.

В целом такой подход приводил к тому, что в период 1967—1970 гг. внимание сирийского руководства концентрировалось на решении следующих задач:

обеспечить решение возникших после израильской агрессии экономических и финансовых проблем без участия арабских реакционных и консервативных режимов, которые связывали предоставление необходимой помощи Египту и Сирии с реализацией целей, направленных на усиление и расширение своих позиций в арабском мире;

максимально ограничить прямое политическое влияние реакционных и консервативных режимов на выработку общеарабской позиции в вопросах ликвидации последствий израильской агрессии и использовать их экономические ресурсы, в первую очередь нефтяное богатство, в целях всестороннего усиления противодействия планам сионистско-империалистического альянса на Ближнем Востоке;

препятствовать любым попыткам компромиссного урегулирования проблемы оккупированных арабских территорий, исходят ли они от Израиля, арабских государств или влиятельных международных организаций;

обеспечить единство прогрессивных арабских сил в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии и совместном противодействии планам империализма, сионизма и арабской реакции на Ближнем Востоке;

добиваться расширения и ужесточения вооруженной конфронтации с Израилем в рамках организованной партизанской войны

оказать необходимую помощь и морально-политическое содействие отрядам Палестинского движения сопротивления, создать условия для всестороннего усиления их борьбы за освобождение Палестины, а также добиться их консолидации вокруг Сирии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подход Сирии к ближневосточному конфликту, включая проблему Палестины, до 1963 г. определялся в основном требованиями военно-политического противодействия тем прямым и косвенным угрозам ее суверенитету и территориальной целостности, которые исходили из агрессивного курса и экспансионистских программ правящих кругов Израиля. И как таковая, позиция Сирии в конфликте в тот период не только существенно не отличалась от позиций других граничащих с Израилем арабских государств, но и не оказывала какого-либо принципиального влияния на характер ее арабской политики в целом. Такое положение, однако, существенным образом изменилось после прихода к власти в стране в марте 1963 г. ПАСВ.

В условиях усиления политико-идеологической поляризации арабского мира ПАСВ встала перед необходимостью актуализации идей арабского национализма, обогащения их новым политическим и социально-экономическим содержанием, более целенаправленного и последовательного использования их антиимпериалистического потенциала. Внимание партии было сконцентрировано на идеологической борьбе и межарабских противоречиях, на решении ряда принципиальных проблем, которые с предельной четкостью ориентировали правящие круги арабских стран в контексте глобального противоречия между национальными интересами арабских народов и политикой империализма на Ближнем Востоке. Наиболее острой среди этих проблем была проблема Палестины, решение которой могло оказать непосредственное воздействие на политико-идеологическое развитие арабского мира.

ПАСВ призвала арабские прогрессивно-патриотические силы объединить усилия и добиться полного восстановления прав арабского народа Палестины на свою родину. Указывая на особую важность палестинской проблемы для всей даль-

нейшей судьбы арабского мира, новое руководство Сирии твердо и недвусмысленно заявляло, что его отношения с правящими арабскими режимами будут поставлены в прямую зависимость от того, какую позицию они займут в вопросе Палестины и какой практический вклад внесут в дело ее освобождения. В этой своей позиции партия руководствовалась целями реализации выдвинутого ею триединого лозунга "единство, свобода, социализм"; борьбы за создание объединенного арабского государства, за освобождение арабских народов от всех видов и форм классового и национального угнетения.

При этом, задача освобождения Палестины рассматривалась ПАСВ с учетом того, что уже в процессе самого перехода к ее решению высвободится значительная часть потенциально заложенной в палестинской проблеме политико-идеологической энергии, использование которой может стать одним из решающих условий торжества идей арабского национализма и арабского единства, укрепления позиций партии на межарабской арене и усиления ее роли в арабском национально-освободительном движении.

Стремление ПАСВ повысить политический потенциал и динамику идей арабского национализма и единства с тем, чтобы добиться коренного переустройства арабского мира и объединить арабские народы в рамках единого государства в условиях поэтапной реализации правящими кругами Израиля геополитической концепции сионизма и настойчивых попыток сионистско-империалистического альянса подчинить Арабский Восток своим интересам, предопределили особый характер позиции баасистского руководства Сирии в ближневосточном конфликте.

С точки зрения политической практики Сирии в ближневосточном конфликте в рассмотренный период ПАСВ подходила к палестинской проблеме не только с учетом политики и целей сионизма и империализма на Арабском Востоке, но и акцентируя негативную роль в этом вопросе Иордании, недвусмысленно трактуя решение проблемы в плане освобождения всей территории Палестины, т.е. включая и Западный берег реки Иордан. Кроме того, в своем противодействии планам сионистской экспансии в регионе ПАСВ исходила из утверждения ис-

торико-географической общности Сирии с Иорданией и Ливаном, подчеркивая также непосредственную принадлежность к Сирии оккупированной сионистами в 1948 г. территории северо-восточной Палестины ("Южной Сирии" - по терминологии ПАСВ).

В совокупности эти две исходные точки не были в принципиальном разногласии с баасистским лозунгом арабского единства, однако, в то же время придавали подходу ПАСВ к проблеме Палестины определенный "сирийский" оттенок, обусловив развитие противоречий, подчас острых, между Сирией, с одной стороны, и Иорданией и Палестинским движением сопротивления - с другой. Это, в свою очередь, приводило к тому, что, пытаясь консолидировать непосредственно вовлеченные в ближневосточный конфликт арабские страны на антисионистской и антиимпериалистической основе, Сирия одновременно осложняла достижение этой цели своими попытками утвердить особые отношения с Иорданией, Ливаном и ПДС.

Противоречивость сирийско-палестинских отношений проявлялась и в расхождениях идеологического порядка, концентрируясь, главным образом, на проблеме соотношения борьбы за освобождение Палестины с борьбой за достижение арабского единства. И в концепциях ПАСВ, и в политико-идеологических установках различных отрядов Палестинского движения сопротивления, идея арабского единства была органически связана с освобождением Палестины. В то же время, эта неразрывность получала различную трактовку и рассматривалась под углом тех конкретных политических целей, которые преследовали ПАСВ и ПДС. Так, для ПДС освобождение Палестины являлось стратегической целью, достижение которой означало не только восстановление прав арабского палестинского народа, но и, прежде всего, реализацию его права на самоопределение и создание независимого государства. А для ПАСВ эта задача выступала, главным образом, как средство решения проблем арабского единства.

Особое значение вышеуказанным идеологическо-политическим аспектам позиции Сирии в ближневосточном конфликте придавало то обстоятельство, что их приоритет своеобразно

отражал те изменения, которые произошли в руководящем составе ПАСВ в феврале 1966 г. и в ноябре 1970 г. Наряду с проблемами в области внутренней политики, внутрипартийные разногласия в руководстве Сирии концентрировались и на вопросах соотношения целей арабской политики страны с ее ролью в организации вооруженного противодействия Израилю. При этом, однако, речь шла не о стратегических задачах Сирии в ближневосточном конфликте, а о выборе более эффективных средств их решения.

Правобаасистское руководство Сирии (март 1963 г. - февраль 1966 г.), исходя из неизменности экспансионистской сущности сионизма, подчеркивало, что выдвигаемое требование ликвидации Израиля как "сионистского образования" практически не может иметь какой-либо альтернативы и полностью отвечает масштабам угрозы арабскому миру со стороны сионистско-империалистического альянса. Напротив, любые попытки политического урегулирования арабо-израильского конфликта могут быть направлены только на то, чтобы придать необратимость результатам сионистской экспансии и укрепить позиции империализма на Ближнем Востоке. На практике, однако, деятельность правого крыла ПАСВ строилась с учетом того, что доминирующие позиции Египта и насеризма в арабском мире существенно ограничивали сферу и перспективы политико-идеологической активности баасизма. Понимая необходимость всестороннего укрепления военно-политического сотрудничества с Египтом, сирийское руководство вместе с тем не отказывалось в тот период от обострения идеологической и политической полемики с Г.А.Насером, заостряя ее на вопросах вооруженной борьбы с Израилем. В результате, позиция Сирии в конфликте в 1963-1966 гг. приобрела в известной степени декларативный характер, что наиболее отчетливо проявилось в ходе подготовки и подписания тройственной (египетско-сирийско-иракской) декларации от 17 апреля 1963 г. о создании Федерации Арабских Республик, а также во время общеарабских совещаний в верхах в Каире (1964 г.), Александрии (1964 г.) и Касабланке (1965 г.).

Вопросы организации противодействия экспансионистским

планам Израиля и восстановления законных прав палестинских арабов, несмотря на принятие ряда важных решений, и в первую очередь относительно создания Организации освобождения Палестины, приобрели на этих совещаниях фактически второстепенный характер, уступив место выяснению отношений и политико-идеологическому противостоянию в среде самих арабских стран. При этом, на фоне дальнейшей поляризации арабских стран, наряду с консолидацией консервативных режимов, наблюдалось усиление разногласий в лагере прогрессивных режимов, чему в немалой степени способствовало отсутствие взаимопонимания между Египтом и Сирией. Акцент на утверждение лидерства в арабском мире, стремление подчинить развитие событий в регионе расширению влияния идей арабского национализма и самым радикальным образом решить проблему арабского единства, предопределив характер и направленность арабской политики правого крыла ПАСВ, вместе с тем способствовали тому, что позиция Сирии в конфликте не получила эффективной военно-политической поддержки со стороны других арабских стран, что, в свою очередь, обусловило появление серьезных сложностей на путях противодействия экспансионистским планам Израиля в 1963–1966 гг.

Указанное явилось одним из тех факторов, которые способствовали обострению разногласий в партийно-правительственном руководстве страны по вопросам основных направлений ее дальнейшего развития. Приход к руководству левого крыла ПАСВ (февраль 1966 г. – ноябрь 1970 г.), дав новый импульс продвижению сирийского общества по пути прогрессивных социально-экономических преобразований, одновременно привел к тому, что задаче освобождения Палестины был придан еще более радикальный и всеобъемлющий характер, что выразилось, в частности, в принятии IX национальным съездом партии в октябре 1966 г. концепции народно-освободительной войны. Ее основными компонентами являлись борьба против империализма и сионизма, сочетание этой борьбы с борьбой против всех реакционных режимов и сплочение национально-прогрессивных сил вокруг ПАСВ. Конечной целью народно-освободительной

войны было декларировано создание необходимых предпосылок для объединения арабских народов в рамках единого социалистического общества.

На практике, однако, реализация положений концепции была ограничена призывами к усилению борьбы палестинского сопротивления не только против Израиля, но и монархического режима в Иордании, что привело, с одной стороны, к резкому ухудшению отношений Сирии с рядом арабских государств, и в первую очередь с Иорданией, а с другой — было использовано Израилем для нагнетания напряженности на Ближнем Востоке и подготовки агрессии против арабских стран.

Отказ Сирии от принятия резолюции № 242 СБ ООН определялся не только военно-политическими соображениями, но и требованиями идеологического порядка, т.к. согласие на частичное решение палестинской проблемы ставило под удар основы арабской политики Сирии и лишало ее морального права выступить от имени всех арабских народов. Сирийское руководство в целом принимало саму идею политического урегулирования ближневосточного кризиса. Однако, выдвигая при этом требования не только возвращения оккупированных Израилем в июне 1967 г. арабских территорий, но и реализации права арабского народа Палестины на создание своего независимого государства, оно признавало неприемлемость их для правящих кругов Израиля и поэтому заявляло о бесперспективности попыток добиться ликвидации последствий израильской агрессии политическими методами. Частичное же урегулирование кризиса не было приемлемо для Сирии, поскольку достижение компромиссного соглашения с Израилем, даже исключительно по тактическим соображениям, наносило непоправимый удар по политико-идеологическим основам арабской политики баасистского режима.

Вплоть до ноября 1970 г. позиция Сирии в конфликте опиралась на ту установку ПАСВ, что между палестинской проблемой и проблемой оккупированных Израилем арабских территорий существует прямая причинно-следственная связь и что израильские правящие круги не только не стремятся к политическому урегулированию возникшего кризиса, но, напротив,

углубляют его, осуществляя в захваченных районах аннексионистские мероприятия. С другой стороны, делался акцент на то, что арабская реакция, и в первую очередь нефтедобывающие страны, проявляя внешнее стремление внести свой вклад в дело ликвидации последствий израильской агрессии, на практике пытаются добиться от Сирии принципиальных уступок в области ее внешней политики, свернуть сирийский и египетский режимы с прогрессивного пути развития и, в конечном итоге, изменить в свою пользу соотношение сил в арабском мире.

Ни до, ни после израильской агрессии 1967 г. курс Сирии на развитие народно-освободительной войны не получил поддержки со стороны других арабских государств. Обострив отношения с консервативными режимами, Сирия, вместе с тем, не смогла достаточно гибко подойти к насущным требованиям военно-политического сотрудничества с Египтом, а затем, после повторного прихода к власти иракской партии Баас 17 июля 1968 г., и с Ираком. Более того, этот курс вызвал возражения и со стороны военной фракции ПАСВ, которая требовала проявить более рациональный подход к соотношению ее политико-идеологических задач и требований военной политики. Сконцентрировавшись, в частности, на вопросах создания и активизации "восточного фронта" борьбы с Израилем, эти разногласия достигли кульминации осенью 1970 г. в связи с гражданской войной в Иордании.

Переход нового руководства ПАСВ во главе с Хафезом Асадом к реализации программы, выдвинутой в рамках "исправительного движения 16 ноября", ознаменовал начало нового этапа в развитии Сирии. Подтвердив преемственность стратегической линии партии в ближневосточном конфликте, новое сирийское руководство подчеркивало, что его деятельность будет подчинена единой цели — созданию общества, способного добиться освобождения оккупированных Израилем арабских территорий и решения палестинской проблемы.

Принятие этой программы и ее в целом последовательное претворение в жизнь в первой половине 1970-х гг. имели для Сирии важные военно-политические последствия. Практическая эффективность взятого курса была, в частности, проде-

монстрирована в период подготовки и в ходе арабо-израильской войны в октябре 1973 г., когда Сирии удалось создать предпосылки для возвращения под свой суверенитет части Голанских высот, захваченных Израилем еще в июне 1967 г.

Итоги войны 1973 г., курс Египта на заключение сепаратного мирного договора с Израилем и вспыхнувшая в апреле 1975 г. гражданская война в Ливане привели к созданию качественно новой обстановки на Ближнем Востоке, что поставило Сирию перед необходимостью решения целого ряда сложных и острых проблем. Однако и в этот период ее позиция в ближневосточном конфликте продолжала строиться в соответствии с программой "исправительного движения 16 ноября". Опираясь на ее положения, Сирия на общеарабских совещаниях в верхах в Алжире (1973 г.) и Рабате (1974 г.) пыталась добиться выработки единой линии арабских стран в подходе к ближневосточному урегулированию, а затем, после поездки египетского президента А. Садата в Иерусалим, не допустить заключения мирного договора между Египтом и Израилем под эгидой США. Американско-израильско-египетскому курсу на сепаратную сделку Сирия противопоставила курс на объединение на антиимпериалистической основе национально-прогрессивных сил арабского мира, что, в частности, нашло свое выражение в ее активном участии в создании Национального фронта стойкости и противодействия в 1977 г.

Выход Египта из борьбы резко осложнил положение Сирии, прежде всего в плане стратегии вооруженного противодействия Израилю. Очевидно, что прежде всего в силу этого обстоятельства Сирия не смогла оказать серьезного сопротивления израильской агрессии в Ливане в 1982 г. Показательно, однако, что, используя свое политическое влияние, сирийское руководство сумело предотвратить подключение Ливана к кэмп-дэвидскому соглашению.

Приоритет политико-идеологических установок ПАСВ в позиции Сирии в ближневосточном конфликте, таким образом, определял ее стратегическую направленность не только в рассмотренный период, но и в дальнейшем, оказывая соответствующее влияние и на соотношение всех остальных формирующих эту позицию аспектов - от военно-политического до

социально-экономического. Вместе с тем, взятый сирийским руководством курс на решение палестинской проблемы на практике подвергался воздействию конкретных проблем, которые возникали по ходу развития ближневосточного конфликта. Это, в свою очередь, обуславливало тактические характеристики сирийской позиции, не затрагивая, однако, ее основ, а главное, не разрывая ее связи с целями и деятельностью ПАСВ на межаарабской арене. Это положение, с другой стороны, указывает на то, что ближневосточный конфликт, оставаясь центральной военно-политической проблемой Сирии, одновременно выступает в качестве наиболее динамичного фактора в структуре ее арабской политики. Очевидно, что во многом именно благодаря этому в ходе двух прошедших десятилетий Сирия превратилась в один из тех центров политического влияния на Ближнем Востоке, противостояние которых действиям и планам империализма и сионизма определяет сегодня развитие внешнеполитической ситуации в этом регионе.

ВВЕДЕНИЕ

1. Горбачев М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза - М., 1986, с.89.

2. "Правда", 21.06.1985.

3. Борьба Баас, т.1, Бейрут, 1972 (на араб.яз.); Борьба Баас, т.2, Бейрут, 1973; Борьба Баас, т.3, 1972; Борьба Баас, т.4, Бейрут, 1971; The Arab Ba'ath Socialist Party. National Leadership. The Party Program - Damascus, 1965; Syrian Arab Republic. Program of the March 8th Revolution. Approved in June 1965 by the Regional Congress of Arab Baath Socialist Party - Damascus, 1965; The Socialist Arab Ba'ath. A Profound Belief - Baghdad, 1971; The Arab Ba'ath Socialist Party. National Command. Statement of the National Command About the Achievements of the 9th National Congress - Damascus, 1966; Ba'ath Socialist Party. National Leadership. Statement on the Results of 9th Emergency Congress held in the Early September 1967 - Damascus, 1967; Arab Baath Socialist Party. National Leadership. Statement on the Results of the Tenth National Congress. September 1968 - Damascus, 1968.

4. Борьба Партии арабского социалистического возрождения в 1943-1975 годах. - Дамаск, 1978 (на араб.яз.); Опыт Партии арабского социалистического возрождения в руководстве государством и обществом в арабском сирийском регионе. - Дамаск, 1978 (на араб.яз.).

5. Арабские документы. - Бейрут, 1965-1967 (на араб.яз.); International Documents on Palestine (1968-1972) - Beirut, Kuwait; Middle East Record (1970-1971) - Jerusalem; United Nations Yearbook (1965-1972) - New York; The Middle East and North Africa (1965-1968) - London.

6. United Arab Republic. Arab Political Encyclopedia.

Documents and Notes (1963-1965) - Cairo; The Arab-Israeli Conflict. Readings and Documents. - New Jersey, 1977; A Select Chronology and Background Documents relating to the Middle East.- Washington, 1975; Political and Social Thought in the Contemporary Middle East. - New York, 1968; Arab Summit Conferences and the Palestine Problem (1936-1950), (1964-1966). - Beirut, 1966.

Г Л А В А I

1. Борьба Баас, т.4, с.24-25, Бейрут, 1971.
2. Там же, с.25.
3. Там же, с.26.
4. Там же, с.27.
5. Там же, с.6.
6. См.: Международный сионизм: история и политика. - М., 1977, с.43.
7. См.: Примаков Е.М. Анатомия ближневосточного конфликта. - М., 1978, с.18.
8. Там же, с.9.
9. См.: Внешняя политика Советского Союза, ч.2. - М., 1952, с.334-335.
10. Пырлин Е.Д. Конструктивный вклад СССР в поиски решения конфликта на Ближнем Востоке. - "Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира", М., 1979, с.91.
11. Борьба Баас, т.1, с.215-216, Бейрут, 1972.
12. Цит. по: The Socialist Arab Ba'ath. A Profound Belief, p.17.
13. Там же.
14. См.: Международный сионизм: история и политика, с.69.
15. Там же.
16. Пырлин Е.Д., указ. соч., с.91.
17. "Можно, - подчеркивает в связи с этим Ф.А.Сайег, - изучать идеологию сионизма не только на основе заявлений и решений его уполномоченных органов, но также посредством изучения законодательства и практической линии сионистского государства." (См.: Fayez A.Saejeh. The Encounter of Two Ideologies. - In: Zionism and Arabism. The Arab Nation. Washington, 1970, p.75.)

18. См.: Пир-Будагова Э.П. Сирия в борьбе за упрочение национальной независимости (1945-1966). - М., 1978, с.36-53.
19. The Socialist Arab Ba'ath. A Profound Belief, p.19.
20. См.: Пир-Будагова Э.П., указ. соч., с.49.
21. The Socialist Arab Ba'ath. A Profound Belief, p.18.
22. Там же.
23. См.: Борьба Баас, т.2, с.27, Бейрут, 1973.
24. The Socialist Arab Ba'ath. A Profound Belief, p.27.
25. Дональд Маклейн. Внешняя политика Англии после Суэца. - М., 1972, с.267.
26. Пир-Будагова Э.П., указ. соч., с.104.
27. The Socialist Arab Ba'ath. A Profound Belief, p.29.
28. Там же, с.29-30.
29. См.: Пир-Будагова Э.П., указ. соч., с.130.
30. Там же, с.130-131.
31. "ар-Рай аль-Амн", 15.II.1958.
32. См.: Khalil M. The Arab States and the Arab League. A Documentary Record, vol.1, Beirut, 1962, p.79.
33. Борьба Баас, т.3, с.65, Бейрут, 1972.
34. См.: Борьба Баас, т.4, с.44-61.
35. Там же.
36. См.: Пир-Будагова Э.П., указ. соч., с.141.
37. The Socialist Arab Ba'ath. A Profound Belief, p.33-34.
38. Там же, с.35.
39. Цит. по: Пир-Будагова Э.П., указ. соч., с.152.
40. Левин З.И. Развитие арабской общественной мысли. - М., 1984, с.52.
41. Васильев А.М. История Саудовской Аравии. - М., 1982, с.444.
42. The Socialist Arab Ba'ath. A Profound Belief, p.36.
43. Там же, с.36-37.
44. Цит. по: Дмитриев Е. Палестинский узел. - М., 1978, с.110.
45. См.: Сабер Фальхут. Палестинская проблема и арабская сирийская позиция. - Дамаск, 1977 (на араб.яз.)
46. Так, например, президент Сирии Х.Асад, выступая в Дамаске 8 марта 1974 г., подчеркивал, что "в то время, когда израильский премьер заявляет, что Голаны являются частью

Израиля, мы думаем, что хорошо бы не только акцентировать то положение, что мы никогда не забудем наши права и нашу территорию..., но и напомнить израильским властям, что Палестина является не только частью нашей арабской родины, но и существенной частью Южной Сирии." (См.: *Journal of Palestine Studies*, vol.III, Summer 1974, No 4, p.211).

47. Примаков Е.М., указ. соч., с.46.

48. *The Arab Ba'ath Socialist Party. National Leadership. The Party Program*, p.4.

49. См.: Арабские документы, 1963. - Бейрут, 1964 (на араб.яз.), с.51.

50. См.: Пир-Будагова Э.П., указ. соч., с.178-179.

51. Там же, с.177-178.

52. См.: Арабские документы, 1963, с.56-57.

53. M.Kerr. *The Arab Cold War, 1958-1964*. - London, 1965, p.73.

54. См.: Пир-Будагова Э.П., указ. соч., с.180-186.

55. Там же.

56. Ze'ev Schiff. *Dispute on the northern border*. - *New outlook*, January 1963, vol.6(50), p.11.

57. *The Arab-Israeli Armistice Agreements, February-July 1949*. U.N. Texts and Annexes, p.25-33.

58. "аль-Баас", 28.08.1963.

59. Ze'ev Schiff, *op.cit.*, p.13.

60. "аль-Баас", 21.08.1963.

61. "аль-Баас", 22.08.1963; 23.08.1963.

62. *Борьба Баас*, т.4, с.166.

63. Там же, с.166-167.

64. Там же, с.167.

65. Там же.

66. Там же, с.167-168.

67. Вскоре после окончания работы съезда в проегипетской арабской прессе появились сообщения, что на нем якобы был принят ряд секретных решений, и в частности, решение об аннексии Иордании и Ливана к концу 1965 г. Руководители Сирии и Ирака решительно осудили эти попытки дискредитировать ПАСВ. (См.: Kamel S. Abu Jaber. *The Arab Ba'ath Socialist Party. History, Ideology, and Organization*. - Syracuse, New York, 1966, p.81.)

68. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.93-94.
69. "аль-Баас", 22.12.1963.
70. "The Times", 18.01.1964.
71. "The Times", 16.01.1964.
72. "The Christian Science Monitor", 18.11.1963.
73. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.97.
74. "The Times", 16.01.1964.
75. "The Times", 20.01.1964.
76. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.99.
77. ЦИТ. ПО: Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.197-198.
78. Prime Minister Eshkol on the water carrier. - New outlook, February 1964, vol. VII, No 2(60), p.59.
79. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.102.
80. См. также: Peters D., Wilson E., Ward R. A Palestine Entity. - Washington, 1970.
81. Hamid R. What is the PLO? - Journal of Palestine Studies, vol. IV, No 4, Summer 1975, issue 16, p.95.
82. См.: Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.102.
83. "аль-Ахрам", 18.01.1964.
84. "аль-Кифах", 20.01.1964.
85. The Middle East Journal, vol. 18, Spring 1964, No 2, p.230.
86. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.103.
87. The Middle East Journal, vol. 18, Summer 1964, No 3, p.339.
88. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.105.
89. Там же, с.106.
90. United Arab Republic. Arab Political Encyclopedia. Documents and Notes. Cairo, May-June 1964, p.86-87.
91. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.105.

92. См.: Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока. - М., 1984, с.137.

93. Подробно см.: Топалян А.Г. Некоторые программные документы Организации освобождения Палестины. - "Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. IX. Арабские страны." - Ереван, 1978, с.317-336.

94. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.104-105.

95. "The New York Times", 29.05.1964.

96. См.: Дмитриев Е., указ. соч., с.52-55.

97. "The Observer", 5.07.1964.

98. Там же.

99. "аль-Ахрам", 25.09.1964.

100. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.129.

101. "аль-Ахрам", 7.09.1964.

102. И в этот, и в последующие периоды правящие круги Израиля выступали с угрозами в адрес Ливана, подчеркивая, что его "нежелание сотрудничать с египетской схемой не сможет обезопасить его, если речь пойдет о будущем водных ресурсов Израиля." (См.: "The Jerusalem Post", 24.01.1965.)

103. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.172.

104. См.: Torrey G.H. The Ba'ath - Ideology and Practice. - The Middle East Journal, vol.23, Autumn 1969, No 4.

105. Цит. по: Political and Social Thought in the Contemporary Middle East, p.207.

106. The Middle East Journal, vol. 19, Winter 1965, No 1, p.82.

107. Там же, с.83.

108. The Middle East Journal, vol. 19, Spring 1965, No 2, p.205.

109. New outlook, January-February 1965, vol. 8, No 1 (68), p.7.

110. "The Jerusalem post", 19.01.1965.

111. The Middle East Journal, vol. 19, Summer 1965, No 3; "The Guardian", 13.09.1965.

112. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.141.

113. Там же, с.141-142.

114. The Middle East Journal, vol. 19, Autumn 1965, No 4.

115. "аль-Ахрам", 1.06.1965.

116. Там же.

117. "аль-Ахрам", 18.06.1965.

118. Arab Summit Conferences and the Palestine Problem, p.206.

119. Там же, с.180.

120. См.: Пир-Будагова Э.П., указ. соч., с.210.

Г Л А В А II

1. Пир-Будагова Э.П., указ. соч., с.214.

2. Цит.по: Пир-Будагова Э.П., указ. соч., с.215.

3. Там же, с.216.

4. G.Lenczowski. Socialism in Syria. - In: Socialism in the Third World, New York, 1975, p.68.

5. Statement of the National Command About the Achievements of the 9th National Congress, p.49.

6. Там же, с.46-48.

7. Там же, с.49.

8. Там же.

9. Там же, с.33.

10. Там же, с.42.

11. Там же.

12. Там же, с.43.

13. Там же.

14. Там же.

15. Там же, с.44.

16. Там же, с.37.

17. Там же, с.4.

18. Там же, с.50.

19. Там же, с.49.

20. Там же, с.51.

21. Очень характерны в этой связи признания израильских генералов относительно так называемой "арабской угрозы", сделанные ими спустя несколько лет после агрессии. Генерал М.Пелед: "Тезис о том, что угроза геноцида нависла над нами в июне 1967 г. и что Израиль боролся за свое физическое существование, это всего лишь блеф, который был рожден и

развит после войны." Генерал И.Вейцман: "Угрозы уничтожения никогда не существовало..." Генерал Х.Бар Лев: "Нам не угрожал геноцид, и мы никогда не говорили или думали, что такое возможно." (Цит. по: "Le Mond", 3.06.1972.)

22. Звягельская И.Д. Роль военной верхушки в формировании государственной политики Израиля. - М., 1982, с.67.

23. Statement of the National Command About the Achievements of the 9th National Congress, p.33.

24. Дмитриев Е. Палестинская трагедия. - М., 1986, с.93.

25. Цит.по: The Arab-Israeli Conflict. Readings and Documents, p.1089.

26. Там же.

27. Там же.

28. Дмитриев Е. Палестинокий узел, с.53.

29. Государство Израиль. Справочник. - М., 1986, с.68.

30. Там же.

31. The Middle East and North Africa 1967-68, London, 1967, p.4.

32.Цит. по: W.B.Quandt, F.Jabber, A.M.Lesch. The Politics of Palestinian Nationalism, New Jersey, 1973, p.165.

33. "The Daily Star", 1.10.1966.

34.См.: Eric Rouleau. Crisis in Jordan. - The World today, February 1967, vol. 23, No 2, p.63.

35. Там же.

36. "The Daily Star", 10.11.1966.

37. A Select Chronology and Background Documents..., p.21.

38. Маклейн Дональд. Внешняя политика Англии..., с.265.

39. См.: Медведко Л.И. К востоку и западу от Суэца. - М., 1980, с.79.

40. A Select Chronology and Background Documents..., p.21.

41. The Middle East Journal, vol. 21, Winter 1967, No 1.

42. The Middle East and North Africa 1967-68, p.4.

43. Speech of Dr. Yussuf Zoayen, Prime Minister of the Syrian Arab Republic, Damascus, Jan.15, 1967.

44. "The Daily Star", 30.11.1966.

45. Там же.

46. "The Daily Star", 8.12.1966.
47. The Middle East and North Africa 1967-68, p.4.
48. "The Daily Star", 12.12.1966.
49. Там же.
50. См.: Rashid Hamid. What is the PLO? - Journal of Palestine Studies, vol.11, Summer 1975, No 12, p.97.
51. Там же.
52. "The Daily Star", 30.12.1966.
53. См.: The Middle East Journal, vol.21, Winter 1967, No 1.
54. "The Daily Star", 31.12.1966.
55. Там же.
56. Цит. по: Middle East Record, volume three, 1967, Jerusalem, 1971, p.160.
57. A Select Chronology and Background Documents..., p.22.
58. В этом плане показательно выступление премьер-министра Сирии Ю.Зуэйна в апреле 1967 г. на открытии 3-й конференции Ассоциации сирийских студентов, в котором он, в частности, отмечал: "В настоящее время Израиль находится на грани развала. Его режим потрясен и расколот борьбой за власть, его экономика приходит в упадок... Военное превосходство Израиля - это легенда, которая не может обмануть нас. Даже если каждый израильтянин превратится в солдата, разве это даст Израилю военное превосходство?" (Цит. по: Middle East Record, volume three, 1967, p.160.)
59. Подробно о социально-экономических преобразованиях в Сирии в этот период см.: Вавилов В.В. Социально-экономические преобразования в Сирии (1946-1970). - М., 1972.
60. Медведко Л.И., указ. соч., с.76-77.
61. См.: Андреасян Р.Н., Эльянов А.Я. Ближний Восток. Нефть и независимость. - М., 1961, с.12.
62. "аль-Баас", 29.08.1966.
63. См.: Комлев Л.И. В борьбе с нефтяными спрутами. - М., 1976.
64. Данные приводятся по: The Middle East and North Africa 1966-67, p.65.
65. Поясняя это общее положение на примере "Бритиш пет-

ролеум", Д. Финни писал, что эта компания, "чьи интересы распространяются на большинство районов нашей планеты, очень близка к тому, чтобы выступить в качестве официального инструмента нефтяной ближневосточной политики английского правительства." (См.: Finney D.H. Desert Enterprise. Cambridge, Massachusetts, 1958, p.13.)

66. Отмечая эту закономерность, Лосев С.А. и Тысовский Ю.К. пишут: "Глобальная политика империалистических держав и интересы крупных нефтяных концернов, прежде всего американских, в высшей степени взаимосвязаны." (См.: Лосев С.А., Тысовский Ю.К. Ближневосточный кризис: нефть и политика. - М., 1980, с.33.)

67. См.: J.Kimche. Palestine or Israel. The untold story of why we failed, 1917-1923; 1967-1973. London, 1973, p.231.

68. О подобных злоупотреблениях нефтяных монополий см.: Андреасян Р.Н., Казимов А.Д. ОПЕК в мире нефти. - М., 1978, с.27-40.

69. The Middle East Journal, vol.21, Winter 1967, No 1.

70. См.: Современная Сирия. (Справочник). - М., 1974, с.217.

71. A Select Chronology and Background Documents..., p.20.

72. Как показал один из участников заговора полковник Таллал Абу Асли, С.Хатум согласовал свои планы с ЦРУ США, а также с соответствующими службами Саудовской Аравии и Иордании. По его словам, король Хусейн и премьер В. ат-Телл при встрече с укрывшимися в Иордании мятежниками заявили, что Иордания хотела бы увидеть в Сирии стабильное положение, чему, однако, препятствует политика сирийского руководства. Эти показания были официально опровергнуты королем Хусейном, который заявил 5 октября: "Сирия переживает опасную ситуацию, которая может разрастись и причинить нам в будущем неприятности. Поэтому мы с большой озабоченностью следим за развитием событий там и сделаем все для пользы истинного арабского национализма и для защиты себя от этих опасностей." (См.: "The Daily Star", 2.10.1966; 6.10.1966.)

73. "The Daily Star", 8.10.1966.

74. Медведко Л.И., указ. соч., с.78.

75. Report of the Security Council, 16 July 1966 - 15 July 1967, New York, 1967, p.10.

76. Между спецслужбами Израиля и С.Хатумом было достигнуто соглашение о том, что в решающий момент его выступление будет поддержано израильскими войсками, переодетыми в форму сирийских военнослужащих. (См.: Медведко Л.И., указ. соч., с.81.)

77. Report of the Security Council, 16 July 1966 - 15 July 1967, p.10; "The Daily Star", 20.09.1966.

Начальник генерального штаба израильской армии И.Рабин заявил 11 сентября, что вооруженные акции Израиля будут направлены против самого режима в Сирии в ответ на ее действия по организации диверсий. При этом он подчеркнул, что имеется четкое различие между позицией Сирии и позициями других арабских стран: Сирия "стрежится к ликвидации Израиля уже сегодня, а те, в отличие от нее, считают, что еще не готовы к этому."

И.Рабин, как и все израильское руководство, в своем стремлении дезориентировать мировое сообщество в качестве аргументов в пользу наличия "сирийской угрозы" приводил не реальные факты, а отдельные высказывания сирийских руководителей. На это положение обратил внимание членов Совета Безопасности ООН представитель Сирии в ООН Дж.Тума.

"Израильские представители, - подчеркнул он, - часто цитируют то или иное заявление сирийских лидеров и, в то же время, лживо заверяют о своей приверженности Уставу ООН. Факт, однако, состоит в том, что израильские власти в Палестине побили все рекорды крайнего пренебрежения решениями ООН, взывая к ее авторитету, когда это им удобно, и полностью игнорируя ее, когда это также соответствует их целям." (См.: "The Daily Star", 20.09.1966)

78. The Middle East Journal, vol.21, Winter 1967, No 1.

79. "аль-Баас", 25.09.1966.

80. "The Daily Star", 8.10.1966.

81. A Select Chronology and Background Documents..., p.20.

82. "аль-Баас", 16.11.1966.

83. "The Daily Star", 11.10.1966.

84. Цит. по: Syria under Assad. Domestic Constraints and Regional Risks. London, 1986, p.165.
85. Report of the Security Council, 16 July 1966 - 15 July 1967, p.10.
86. The Middle East Journal, vol.21, Winter 1967, No 1.
87. A Select Chronology and Background Documents..., p.20.
88. The Middle East Journal, vol.21, Winter 1967, No 1.
89. См.: Андреасян Р.Н., Эльянов А.Я., указ. соч., с.15-20.
90. "Саут аль-Араб", 25.10.1966.
91. "ас-Саура", 26.10.1966.
92. "The Daily Star", 27.10.1966.
93. "ас-Саура", 27.10.1966.
94. Там же.
95. "аль-Иштирак", 31.10.1966
96. Statement of the National Command About the Achievements of the 9th National Congress, p.55.
97. Там же, с.35.
98. "The Daily Star", 25.10.1966.
99. "аль-Баас", 10.11.1966.
100. Положения договора цитируются по тексту, опубликованному в бейрутской "The Daily Star" от 5.11.1966г.
101. "The Daily Star", 6.11.1966.
102. "The Daily Star", 21.11.1966.
103. "аль-Баас", 22.11.1966.
104. "The Daily Star", 24.10.1966.
105. По этим нефтепроводам в ливанский порт Триполи и сирийский порт Банияс перекачивалось примерно 70% добываемой в Ираке нефти. При этом в Банияс перекачивалось 26 млн т. сырой нефти в год, т.е. около 60% от всей перекачиваемой по нефтепроводам нефти. "Ирак Петролеум" делала расчет на то, что закрытие нефтепроводов Сирией вызовет недовольство Ирака, поскольку это уменьшило бы его доходы соответственно снижению объемов добычи нефти компанией.
106. "аль-Баляд", 23.11.1966.
107. "The Daily Star", 26.11.1966.
108. "The Daily Star", 9.12.1966.
109. "The Daily Star", 10.12.1966.
110. "The New York Times", 8.12.1966.

111. "The Daily Star", 10.12.1966.
112. См.: Герасимов О. Иракская нефть. - М., 1969, с.139.
113. "The Daily Star", 11.12.1966.
114. The Middle East Journal, vol.21, Spring 1967, No 2.
115. "аль-Баас", 13.12.1966.
116. "The Daily Star", 14.12.1966.
117. См.: Герасимов О., указ. соч., с.140.
118. "аль-Баас", 17.12.1966.
119. "The Daily Star", 16.12.1966.
120. "Саут аль-Араб", 15.12.1966.
121. Там же.
122. The Middle East Journal, vol.21, Spring 1967, No 2.
123. См.: Герасимов О., указ. соч., с.141.
124. "Саут аль-Араб", 18.12.1966.
125. "The Daily Star", 19.12.1966.
126. "аль-Ахрам", 21.12.1966.
127. A Select Chronology and Background Documents...,
p.21.
128. Там же.
129. Там же, с.22.
130. См.: Медведко Л.И., указ. соч., с.81.
131. См.: Speech of Dr. Yuusuf Zouayen...
132. Примаков Е.И. АНАТОМИЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА,
с.132.
133. Герасимов О., указ. соч., с.142.
134. The Middle East Journal, vol.21, Summer 1967, No 3.
135. Eric Rouleau. French Policy in the Middle East. -
The World today, May 1968, vol.24, No 5, p.218.
136. См.: Советский Союз и Организация Объединенных На-
ций. 1966-1970. - М., 1975, с.129-133.
137. Цит. по: M.Riad. The Struggle for Peace in the
Middle East. London, 1981, p.17.
138. Там же.
139. Yearbook of the United Nations, 1967. New York,
1969, p.162-163.
140. Там же, с.167-168.
141. См.: Международные отношения и внешняя политика
СССР. История и современность. - М., 1977, с.258.
142. См.: Локальные войны. История и современность. -

И., 1961, с.149-150.

143. См.: Year book of the United Nations, 1967.

144. См.: "Правда", 10.06.1967; 11.06.1967.

Г Л А В А III

1. Цит. по: "The Times", 25.06.1969.

2. См.: Современная Сирия, с.9, 19.

3. См.: Kanovsky E. The Economic Aftermath of the Six Day War: UAR, Jordan and Syria, Part II. - The Middle East Journal, vol.22, Summer 1968, No 3.

4. До войны в составе вооруженных сил Сирии насчитывалось около 50 тыс. человек, 500 танков и САУ, 120 боевых самолетов. В июне 1967 г. Сирия потеряла более половины своей военной техники. (См.: Armies of the Middle East. Cambridge, 1974, p.32.).

5. Цит. по: Ass'ad Razouk. Greater Israel, A Study in Zionist Thought. Beirut, 1981, p.312-313.

6. Цит.: Middle East Record, volume three, 1967, p.135.

7. Там же.

8. Там же, с.136.

9. Там же, с.79.

10. Там же.

11. Там же.

12. "ас-Саура", 20.06.1967.

13. Middle East Record, volume three, 1967, p.136.

14. "аль-Ахрам", 9.07.1967.

15. См.: N.riad, op.cit., p.48.

16. Там же.

17. Там же, с.49-50.

18. Middle East Record, volume three, p.137.

19. "аль-Ахрам", 7.08.1967.

20. "аль-Баас", 13.08.1967.

21. Middle East Record, volume three, 1967, p.138.

22. Там же.

23. Там же, с.137.

24. "аль-Ахрам", 13.09.1967.

25. Islamic Review and Arab Affairs, September 1967, p.15, 17.

26. Васильев А.М., История Саудовской Аравии, с.432.
27. M.Riad, op.cit., p.53.
28. Statement on the Results of 9th Emergency Congress held in Early September 1967, p.10.
29. Там же, с.12-14.
30. Там же, с.17.
31. Там же, с.26.
32. Там же, с.32.
33. Там же, с.33-37.
34. Там же, с.39-40.
35. Там же, с.41-43.
36. Там же, с.44-45.
37. Там же, с.46.
38. Там же, с.47-48.
39. Там же, с.48.
40. "аль-Ахрам", 15.09.1967.
41. Middle East Record, volume three, 1967, p.148.
42. "аль-Хаят", 5.II.1967.
43. См.: Палестинская проблема. Документы ООН, международных организаций и конференций. - М., 1984, с.157-158.
44. Дмитриев Е. Мир на Ближнем Востоке - утопия или реальность? - "Мировая экономика и международные отношения", 5/1987, с.46-47.
45. "аль-Баас", 24.II.1967.
46. "аль-Баас", 25.II.1967.
47. Middle East Record, volume three, 1967, p.142.
48. Там же.
49. Там же.
50. Там же.
51. Там же, с.273.
52. "ас-Саура", 16.I2.1967.
53. "аль-Баас", 2.I2.1967.
54. Там же.
55. Цит. по: International Documents on Palestine, 1968, p.329.
56. Цит. по: Tricontinental, 1969, No 12, p.95-96.
57. Там же.
58. Цит. по: Palestine: Crisis and Liberation, Havana, 1970, p.18.

59. Так, например, если в 1973 г. "Ас-Саика" насчитывала примерно 4 тыс. человек, то в период гражданской войны в Ливане в 1975-1976 гг. в организации уже числилось около 16 тыс. бойцов. (См.: "L'Humanite", 10.05.1976.)

60. "Сирия, - поясняет это положение Е.Дмитриев, - стремилась в максимальной степени выдвинуть ее ("Ас-Саику" - Г. Г.) на передовые позиции во всем палестинском движении. В связи с этим у сирийцев возникли сложности во взаимоотношениях с другими палестинскими организациями, прежде всего с ФАТХ и председателем Исполкома ООП Я.Арафатом." (См.: Дмитриев Е. Палестинский узел, с.112.)

61. A Select Chronology and Background Documents...,
р.33.

62. Дмитриев Е. Арабский мир и агрессия Израиля. - "Международная жизнь", 1970, № 8.

63. "Маарив", 29.II.1967.

64. "Маарив", 19.06.1968.

65. "Маарив", 22.09.1967.

66. Yigal Allon. The Making of the Israeli Army. London, 1970, p.105-106.

67. "The Jerusalem post", 18.08.1968.

68. См.: Behind the coloured slogans. - The Economist, 1969, March 8, vol. 230, No 6550.

69. См.: Malcolm H. Kerr. Hafiz Asad and the changing patterns of Syrian politics. - International journal, vol. 28, 1972-3, No 4.

70. Там же.

71. Statement on the Results of the Tenth National Congress. September 1968,

72. Там же,

73. Там же,

74. "The New York Times", 18.05.1969.

75. В июле 1968 г. к власти в Ираке пришла иракская ПАСВ. По ряду причин, анализ которых выходит за рамки нашего исследования, отношения между сирийскими и иракскими баасистами приняли натянутый, а временами даже резкий характер. Подробно о причинах этого положения см.: Оганесян Н.О. Отношения Иракской республики со странами Арабского Востока. - Ереван, 1985.

76. "The New York Times", 18.05.1969.

77. См.: Вавилов В.В., Сазонов А.А. Сирийская Арабская Республика. - М., 1981, с.36.
78. См.: Александров Б. События в Сирии. - "За рубежом", 1970, № 47.
79. См.: Gordon H. Torrey. The Ba'ath - Ideology and Practice. - The Middle East Journal, vol.23, Autumn 1969, No 4.
80. См.: Back in touch. - The Economist, 1969, March 22, vol. 22, No 6552.
81. См.: M.Riad, op.cit., p.117-121.
82. См.: The unloved ones. - The Economist, 1968, May 18, vol. 227, No 6508.
83. Leading Documents of Political Development in the Middle East, June 1967 to March 1971, p.13.
84. "The Arab World", July 25th, 1969, No 3972.
85. Там же.
86. "The New York Times", 27.07.1969.
87. См.: Quandt W.B. Decade of Decisions. American Policy Toward the Arab-Israeli Conflict, 1967-1976. University of California Press, 1977,
88. Там же.
89. По этому вопросу подробно см.: Наим Алхаб. Преодолеть кризис палестинского сопротивления. - "Проблемы мира и социализма", 1972, № 5.
90. См.: Robert O.Freedman. Inter-Arab Politics and the Arab-Israeli Conflict. - In: World Politics and the Arab-Israeli Conflict. New York, 1969, p.96.
91. "ас-Саура", 9.01.1970.
92. Цит. по: International Documents on Palestine, 1970, p.756.
93. Там же.
94. Цит. по: International Documents on Palestine, 1970, p.756.
95. "The Christian Science Monitor", 6.04.1970.
96. A Selected Chronology and Background Documents..., p.58.
97. Там же, с.61.
98. "The Christian Science Monitor", 6.04.1970.
99. Наим Алхаб., указ. сеч.
100. Там же.

101. См.: Palestine Leaders Discuss the New Challenges for the Resistance. - Beirut, 1974.
102. См.: Наим Ашхаб, указ. соч.
103. Дмитриев Е. Палестинский узел, с.77.
104. Там же, с.78.
105. "The Financial Times", 3.09.1970.
106. Цит. по: International Documents on Palestine, 1970, p.830.
107. Там же, с.884.
108. Там же.
109. Цит. по: Quandt W.B., op.cit., p.11.
110. Там же.
111. Там же, с.133.
112. Там же, с.115.
113. Там же.
114. Там же, с.116.
115. Black September. - Beirut, 1971, p.143.
116. Там же.
117. Там же.
118. Там же.
119. Black September, p.143.
120. Цит. по: International Documents on Palestine, 1970, p.930.
121. Там же.
122. Там же.
123. Quandt W.B., op.cit., p.116.
124. Там же.
125. Там же, с.117.
126. Там же.
127. Там же, с.118.
128. Black September, p.143.
129. Там же.
130. "Le Mond", 15.11.1970.
131. Цит. по: Malcolm K.Kerr, op.cit.
132. Там же.
133. См.: International Documents on Palestine, 1970, p.996.
134. The Middle East Journal, vol.25, Winter 1971, No 1.

135. См.: Борьба Партии арабского социалистического возрождения, 1943-1975. - Дамаск, 1976 (на араб.яз.), с.119-120.

136. Там же, с.120.

137. Там же.

138. Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Позиция Сирии в решении палестинской проблемы в 1963–1966 гг.	10
Становление политико-идеологических концепций ПАСВ по решению ближневосточного конфликта (1940–1950-е гг.)	10
Приход ПАСВ к власти в Сирии. Роль Сирии в укреплении Палестинского движения сопротивления и противодействии экспансионистской политике Израиля в 1963–1965 гг.	30
Глава II. Сирия на путях противодействия агрессивным планам сионистско-империалистического альянса и израильская агрессия 1967 г.	59
Палестинская проблема в региональной политике левого крыла ПАСВ Сирии и аспекты роста военно-политической напряженности на Ближнем Востоке	59
Сирия и израильская агрессия 1967 г. – мотивы, стимулы и цели конфронтации	83
Глава III. Сирия в борьбе за ликвидацию последствий Израильской агрессии и решение палестинской проблемы в период 1967–1970 гг.	111
Сирийский подход к путям преодоления ближневосточного кризиса и альтернативы организации общеарабского фронта борьбы	111
Позиция Сирии в ближневосточном кризисе и предпосылки возникновения "исправительного движения 16 ноября" 1970 г.	130
Заключение	164
Примечания	173

Георги Мамиконович Григорян

ПОЗИЦИЯ СИРИИ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОМ
КОНФЛИКТЕ

Редактор издательства М.Б. Геворкян
Тех. редактор Р.Х. Геворкян
Корректор З.Е. Аракелян

Набрано на наборно-пишущей машине
операторами А.П. Шагинян, Г.О. Погосян

ИБ № 1516

Сдано в производство 20.07.1989 г.,
подписано к печати 10.04.1989 г.
ВФ 04084. Формат 60 x 84 1/16, бумага № 1,
офсетная печать, печ. л. 12,13, усл. печ. л. 11,28
учетно-изд. л. 10,3
Тираж 450. Зак. № 1731 Изд. № 7607.
Цена 1 р. 60 к.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала
Баграмяна 24 г. Типография Издательства АН АрмССР,
378310, г. Эчмиадзин.